«І гэта ўсё, што я займеў ад волі...» 2

Мы сябе дакараем і ганім, вінавацім усіх запар — экс-кандыдатаў, цяперашніх і былых, быдлячую нацыю, пустэльню, з якое не з'яўляецца чамусь сапраўдны лідар. Мы захліпаемся слязьмі і абурэннем, але… Але пакуль не бачым, не адчуваем самага важкага: нас, тых, якімі былі да Плошчы-2010, больш няма.

«Працоўныя» моманты 30

У пэўны момант я апынулася на ўжо «зачышчанай» тэрыторыі і зразумела, што ў такім вэрхале наўрад ці хто будзе глядзець на маю прэс-карту.

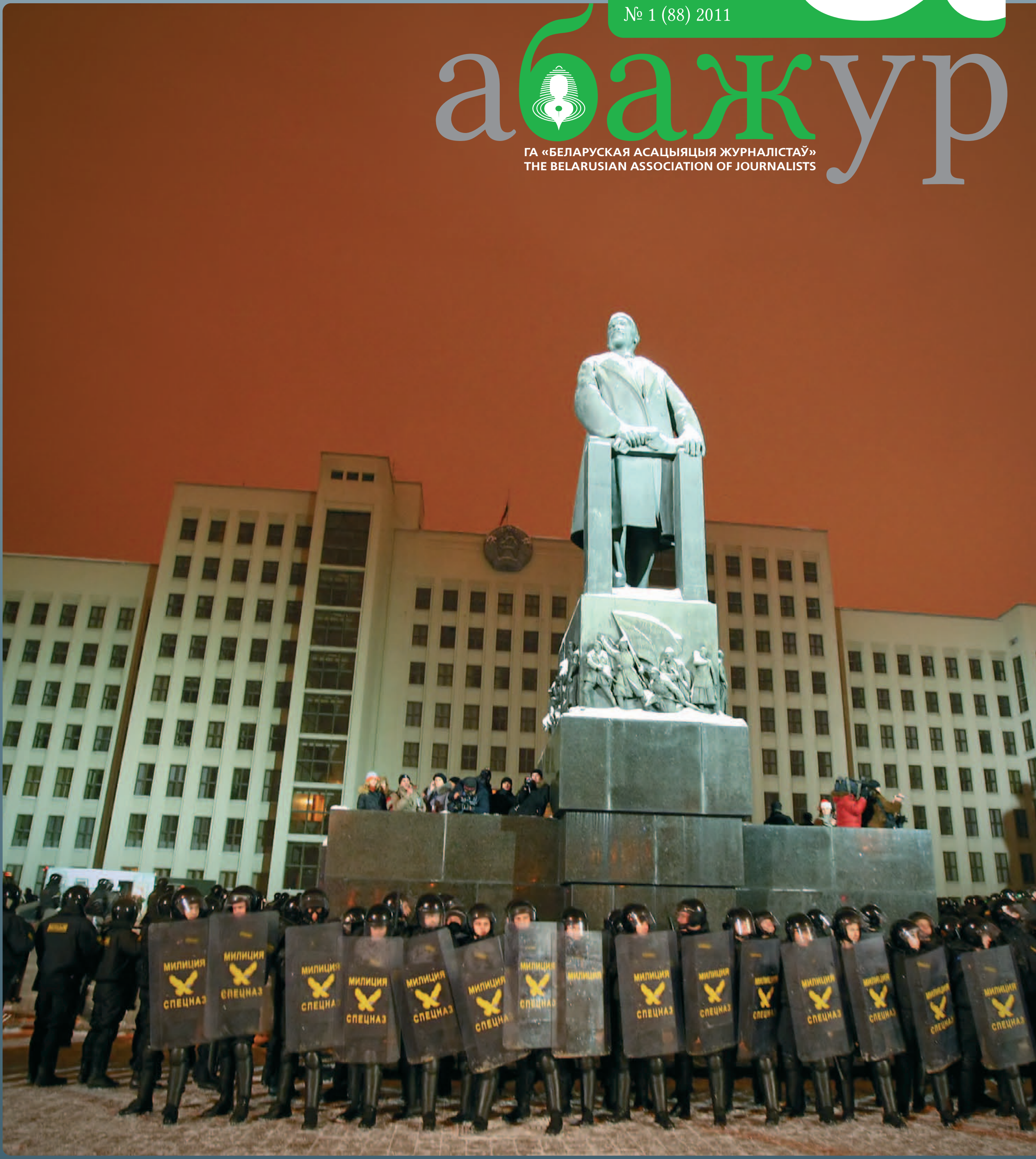
Журналісты сталі ворагамі? 33

Тое, што журналістаў штурхалі, некаторых збівалі з ног, білі дубінкамі па галаве і па руках, яскрава сведчыць: салдаты ўнутраных войскаў і міліцыянеры, калі і мелі, то зусім не абарончыя інструкцыі ў дачыненні да прэсы.

№ 1 (88) 2011

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS



ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Заява Рады ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

4 студзеня 2011 года

Рада ГА «БАЖ» выказвае рашучы пратэст у сувязі з масавымі парушэннямі правоў журналістаў і СМІ на працягу апошняга месяца, пачынаючы з 19 снежня 2010 года. Пераследы за свабоднае выказванне меркавання і гвалтоўнае ўмяшанне ў рэдакцыйную дзейнасць некаторых выданняў працягваюцца і цяпер.

Парушэнні прафесійных правоў журналістаў адбыліся, нягледзячы на звароты арганізацыі да Генеральнага пракурора і кіраўніцтва Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства юстыцыі з заклікам забяспечыць законнасць у дачыненні да нашых калегаў.

Беларускія журналісты перадалі міністру ўнутраных спраў супольны зварот

26 студзеня 2011 года

«Звароты журналісцкай супольнасці — не толькі беларускай, але і сусветнай — з мэтай забяспечыць выкананне заканадаўства аб СМІ і Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь застаюцца непачутымі. Альбо на іх прыходзяць адказы (якія інакш як адпіскамі не назавеш), аўтары якіх не разумеюць існасці і спецыфікі журналісцкай дзейнасці»…

БАЖ змагаецца за журналістаў

Кіраўнікі БАЖ перадалі адпаведным структурам паперы аб персанальным паручальніцтве за арыштаваную Ірыну Халіп. Таксама арганізацыя звярнулася да кіраўніцтва ГУУС з просьбай разгледзець пытанне аб змяненні меры стрымання журналістам і сябрам арганізацыі: Наталлі Радзінай, Дзмітрыю Бандарэнку, Сяргею Вазняку, Паўлу Севярынцу, Аляксандру Фядуту.

абажур
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 1 (88) 2011 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота
Photo.bymedia.net,
Юліі Дарашкевіч, Вадзіма Заміроўскага,
Аляксея Мацюшкова, Аляксея Пілецкага

На вокладцы –
Фота Аляксея Мацюшкова

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 31.01.2011 г.
Дата выхаду
Фармат 60х84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 700 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Цімiразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку аўтары нясуць адказнасць за падбор і дакладнасць фактаў, прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

«І гэта ўсё, што я займеў ад волі…» **2**
А. Хатэнка

Маленькае «але…» **8**
Э. Мельнікаў

АБ'ЕКТЫЎна **12**

Тварам да сцяны **14**
К. Чарнец

У грамадзян няма цікавасці **22**
А. Смірноў

Урок румынскай **23**
А. Дубравін

Рандэву з быкамі **26**
К. Лашкевіч

«Мяне ніколі не гвалтавалі. Але зараз я ведаю, што гэта такое» **28**
А. Якжык

«Працоўныя» моманты **30**
В. Гарбузаў

Журналісты сталі ворагамі? **33**
Л. Лунёва

RE-pressing: Захад шакаваны дзеяннямі беларускіх уладаў у дачыненні да журналістаў **35**
Я. Мельнікава

«Было вельмі цяжка…» **37**
А. Ксёнжык

Па гэты бок Кратаў… **38**
В. Равінская

«Я прыйшоў, каб вы ўдыхнулі волі!» **42**
С. Молатава

За кулісамі «СБ» **44**
М. Аляксандраў

А журыцца не варта! **48**
Г. Суднік

Нават на самых аддаленых пашах Туркменістана слухаюць «Радыё Свабода» **50**
Я. Мельнікава

Эканамічная свабода **53**
Л. Заіка

Віp **56**
Ю. Лабэцкі

Каму ў Беларусі жыць добра **58**
М. Залескі

Пра свінню ў год труса **60**
К. Скуратовіч

Як Бог ствараў беларусаў **61**
А. Анціпенка

Пяць навагодніх гісторый **62**
С. Печанко

«І гэта ўсё, што я займеў ад волі...»

Людзі выйшлі на ўладны пляц, да свайго кіраўніцтва, не з дубінкамі й шчытамі, а ўсяго толькі з адкрытымі сэрцамі й сьцягамі этнічных колераў, якія, вядома ж, не маглі засланіць ад нападу, але ўжо самой прыналежнасьцю да векавой традыцыі й сьвятых Дзядоў надавалі магуты пачуцца разумнай часткаю нейкае супольнасьці.

Нас, тых, якімі былі да Плошчы-2010, больш няма.

І ўсё. І тое ж будзе потым,
як і раней, як перад тым:
адчай і боль з крывёй і потам,
як дым.

Уладзімер Някляеў

Фота Сяргея Балая

Антаніна
ХАТЭНКА

І ўсё? — запытаньне колкае, як ацот, да самое сябе, да сьвету, да завейнай зямлі стрэмкаю засела недзе ў самай глыбіні сьвядомасьці. Не магу вымавіць, вызваліць яго з нутранога зьняменьня, што апанавала, здаецца, усю істоту. Выдыхнуць не магу. І што, зрэшты, азначае такое катэгарычнае слова «ўсё» — загубу ці паўнату разуменьня сябе й свайго дому на плянэце Зямля? Дому, які марыць пра лад, цеплыню й шчырасьць каторы век ужо, каторую пару...

Ведаю: гэта сон — маё здранцьвеньне. Гэта цяжкая навала сну, з-пад якога, як з-пад бела каменя, празрыста сочыцца жывая вада праўды. Тае праўды, якой шукаем у барацьбе, а сягаем толькі ў адзіноце, у адлучнасьці ад сябе саміх, спрутна ўмантажаваных у краты дзяржаўнай сыстэмы, што выварочвае, выломвае нас на ўсялякі капыл, каб дагадзіць самой сабе.

Так, дзяржава — гэтае спараджэньне несвабоднага розуму — і насамрэч ёсьць хіжым зьверам. Дык пра тое ж гэтак даўно й гэтак папераджальна сказаў Ніцшэ. Ды мы ўсё пнемся яе, дзяржаву, улагодзіць, ачалавечыць і прыцягнуць да прыродных людзкіх пачаткаў. Мы зьляночана ганарымся: дапялі, маўляў, дзяржаваўтварэньня. А насамрэч гэткае ўжо сягненьне — мецц над сабой няўсыпнае войска назіральнікаў-пільначоў і няўтомна ўскормліваць іхную хцівасьць!

...Аднак не трактат усё ж сабралася я пісаць пра пагібельнасьць дзяржавы. Карціць вылезьці з-пад цёмнае хмары безвыходнай злосьці ды ўбачыць Сонца, узьнесенае Калядой над цэлай плянэтай, над нашымі згрызотамі й змаганьнямі, над нашай журбой і самотай.

Вось-вось: *«Калісь глядзеў на сонцэ я. Мне сонцэ асьляпіло вочы»*... Максім Багдановіч прадчуў ледзь не за стагодзьдзе наперад сёньняшнюю нашу скрушнасьць. Такую скрутную скрушнасьць, што й сонца адно сасьляпляе, а не дае палёгкі. Але дарадзіў Паэт і паратунак з гэтае нязбыўнае маркоты: *«Ды што мне цемень вечнай ночы? Калісь глядзеў на сонцэ я»*.

Як угледзецца ў скрытнасьць прышэсьцяў нашых і сыходаў, зблудаў і спасьціжэньняў, то адкрыецца такая простая, але такая зьмірэнча сьветлая ісьціна: *«Адно і ёсьць — што лёс. А што бывае болей?»* Дык жа больш значнага за лёс нічога, папраўдзе, у нашых зямных падарожжах і не збываецца. І на лёсавых ростанках кожны з нас сам-насам апынаецца перад выбарам: з дабром ці зь ліхам, на супын ці на развой жыць, думаць і чыніць. Плошча-2010 якраз і раскрыла сярэдзінны зьмест таго, як і з чаго лепім мы свае лёсы й як уплываюць яны — крывяносныя сасуды Бацькаўшчыны — на агульны лёс тае краіны, куды прыходзім кожны са сваім перадвызначэньнем.

Напэўна ж, зьведаў Багдановіч, пасьпеў на кароткай сьцяжыне да Бога адчуць тую моц сьвятла, што здольна прабіць і камень, засяліўшыся ў чуйнае сэрца. І вось яно вястуецца да нас, зьняможаных пад карнай рукой спалоханага зласьліўца, нягаснае, неадольнае Сонца. Хто хоць аднойчы глядзеў на Сонца, глядзеў дзёрзка, адкрыта, зьнітавана зь ягонай магутай-памяцьцю, той робіцца сонцам сам. Той нясе скрозь жыцьцё палкае Сонца любові й адданасьці, той сьвеціць, не чакаючы адплаты ўзамен. І хіба гэтага мала, каб жыць і верыць, каб ісьці й пракладаць сьцяжыну далей? Хіба ня ўцешна ўсё-ткі спаўняць сваю місію, ведаючы й спазнаючы ўласную адзіноту перад абліччам драпежнай дзяржавы, заўжды гатовай заглынуць цябе й выплюнуць дзеля выгоды купкі ўладатрымцаў, ня здатных ні да якай місіі, акрамя як спажываць?

«Спапяліўшы былое ў былым»

Скажаце: дык жа й дзяржаўныя мужы таксама свае імёны адбілі ў гісторыі, выконваючы ролі адважных абаронцаў і мудрых ачольнікаў краін. Надараецца й так. Бывае. Дзяржава — гэты ненажэрны людаед — ператвараецца ў рахманую котку, калі час вылучае са свайго бязьмежжа Павадыра й Думцу. Калі пастваа здольная пачуць — ня лаянку й посьвіст бізуна, але Слова, рух Духу. Ды каб такое супадзеньне адбылося, прайсьці трэба пакутны Шлях. Шлях сьпяленьня нацыянальнага ядра ў кратаваньнях чалавечай сквапы, зайздрасьці, ліслівасьці й здрадніцтва. Шлях спаленьня самасьці, якой спрадвек хочацца вяршэніць і загадваць, папікаць паслугачоў і прылашчваць лізуноў. А хто на такое здатны — адпрэчыць спакусу ўладарыць і прыняць на сябе адказнасьць там, дзе значна лацьвей узваліць яе на каго папала й хто пад руку патрапіць? Такіх вякі ўзгадоўваюць, эпохі. У нас жа столькі моцы яшчэ не назьбірана, не назапашана. Мы ўсе пакуль — у навучальні. У школцы зямнога Быцьця — «установе» жорсткай, бязьлітаснай і бескампраміснай. Тут не адкупісься, не падладуесься, не прыгнесься й ня выпластаесься травой. У гэтай гартавальні кожны з нас — на поўны рост: якім ёсьць і якім быць можа.

Акурат жа дзейнасьць дакладнай формулы «ёсьць і быць можа» й вылушчвае з нас нашу сапраўднасьць ды выводзіць на сьвет цэлы — паказаць. Прычым сапраўднасьць тая пачасту нават і блізка не знаёмая нам самім. Ну, да прыкладу, *«ці знаў хто блізка з вас Тараса»* — нашых экскандыдатаў на прэзыдэнта й нашых грамадзян, што ўзялі ды й выплеснуліся на Плошчу гэткай

грамадой, якой панічна спалохалася ўзброеная, а з таго ж і неадольная дзяржава? Ня складзены быў яшчэ арганізм плошчавы, ня меў роўнага пульсу й дыханьня, не валодаў нават інфармацыяй, ШТО заплянавана й што можа быць потым. Затое памкненьне да Волі яднала ўсіх (за выключэньнем дзяржаватрымцаў) у нешта АДНО, не сфармаванае, не азначанае, не ўзмужнелае й памудрэлае, мала падуладнае нават найпразорцу, ды АДНО. **І гэта — наша перамога**. Над самімі сабой, уцягнутымі ў доўгую й глумлівую свару ўлады з апазыцыяй і цкаваньня на яе народу.

Не, я не кажу, што на Плошчу раптам шыхтова выйшаў народ. Але й на «кучку адшчапенцаў» гэта ўжо далёка не выдавала. І не за лідэра ці заклікалу людзі чапляліся, як невідушчыя, — яны ступалі на Плошчу, а затым рабілі пераход да ўрадавых будынкаў зь ВЕРАй (сьмяхотна гэта прызнаць...) у тую самую хвалёную дзяржаўнасьць, якая, нібыта, стаіць на варце агульнаграмадзкіх інтарэсаў, якая ёсьць прагрэсам адносна продкавых абшчын і роду. Яны спадзяваліся (ці не астатні раз?) на разважнасьць і раўнаважнасьць тых, каму вырашальнай бальшынёй даВЕРАна ад іх імя гаварыць у Цяперасьць і Будучынь. Ціха, ледзь прыкметна, ды ўсё ж трымцела надзея — калі не на дыялёг зь дзяржавай, целам якой яны й ёсьць, дык на маналёг зь ёй, хаця б знакамі, жэстамі, як толькі й умее выказацца цела, тым самым засланяючы Дух ад зруйнаваньня...

Аж ня тут тое было! Аскал дзяржаўнай пашчы ў гатовасьці панішчыць кожнага нязгоднага са збуцьвелай дарэшты стабільнасьцю быў такім драпежным і такім лютым, што й насамрэч выяўляў нашу натуру ажно зь няпомных прадоньняў, дзе схаваны й дрэмлюць сабе інстынкты сама... (захаваньня? выжываньня? узнаўленьня?). Ці самапахаваньня? Спамінаньня былога ў былым, укручваньня ў бессэнсоўны вір няспыннай барацьбы?..

«Ня трэшчына ў часе — разлом»

А ўсяго патрошку сыпанулася ў гэты плошчавы жар нястрымнасьці. І выйшла такая пякотная, такая спальвальная выбуховая сумесь, калі пагрозьліва дыхнуў на дзяржаўную плошчу зьмярцьвела-халодны, скурчаны, зацяты й няўтольна скрыўджаны Цмок — у зьнямозе хоць што-небудзь, хоць на кроплю зрабіць набліжана да нейкай там цывілізаванасьці ды паважнай дзяржаўнасьці. Жывёльны страх, ён жа выяўляе не геройства й не высакароднасьць — ён ператварае адных у злачынцаў, іншых — у адступнікаў, астатніх жа (іх заўсёды найменей) узводзіць на прыступку ахвярнага служэньня.

Фота Сяргея Балая

Зусім, дарэчы, не стасуюцца да гэтай ахвярнасьці й служэньня патэтычныя прыдомкі «Айчыне», «краіне», «зямлі», «народу». А тым больш — ідэі, што як ні пакруці, дык паўстае голай і бездапаможнай на супраціў звычайнай чалавечай годнасьці. І рыхтык гэтая танюткая межавая лінія пад назьвіскам «годнасьць» падзяліла Беларусь на шматкі, раскроіла, раскрышыла й кінула ў сіроцкае адчуваньне нікомунепатрэбнасьці. Адны, баронячы мажлівасьць застацца (а як заСТАцца на волі, але ў няволі — ад няўцямнага баязьліўца-гаспадара й ад самога сябе?), каюцца й чакаюць спачуваньняў, іншыя, выбіраючы паўСТАньне Духу, аберуч трымаюцца за прынцып: «*Як ты адзін, ты — больш за аднаго*», — і абрыньваюцца ў гіпэртанічную крызу, як у ахалоджвальную студню, трэція ўсё яшчэ спрабуюць на гэтым хісткім падмурку СТАцца, ды спаўзаюць да дзіркастай, як рэшата, маны.

На ўздыбленых хвалях беларускага разлому, які цяпер можна лоўка скарыстоўваць дзяржаве ў змаганьні «за меншасьць», што — бачыце! — адважылася адшчапіцца ад, быццам бы, скансалідаванай вакол добрай і клапатлівай улады большасьці, запяклася нявінна пралітая кроў. Нявінная ўжо таму, што гэта кроў людзей, выйшлых на ўладны пляц, да свайго кіраўніцтва, не з дубінкамі й шчытамі, а ўсяго толькі з адкрытымі сэрцамі й сьцягамі этнічных колераў, якія, вядома ж, не маглі засланіць ад нападу, але ўжо самой прыналежнасьцю да векавой традыцыі й сьвятых Дзядоў надавалі магуты пачуцца разумнай часткай нейкае супольнасьці, схаванай, закамуфляванай пад задаволеную чарка-шкваркавую большасьць.

Вядома ж, не ад імя гэтае мітычна-расплывістае большасьці рызыкнулі аспрэчыць вынікі выбараў колькі дзясяткаў тысяч «ворагаў народу», а толькі ад імя свайго сумленьня. Ды яшчэ, мабыць, агучваючы маўчаньне жывое зямлі, якой ужо няўцерп, напэўна, трываць гэты боль пашырэньня трэшчыны ў разлом, калі людзтва пачынае асьцерагацца ўзаемных стасункаў у мэтро, у аптэцы, краме ці паліклініцы: «А раптам — ня свой, і накінецца, і аблае».

Дык што ўзрасьце потым, калі ня будзе нас, бунтароў, і сыйдзе нарэшце ў нябыт глупотны й карысьлівы рэжым, пакінуўшы нашчадкам напамін-разлом, на равох беларускага падзелу? Хмызьнякі забыцьця альбо валошкі ў калосьсі новага мысьленьня й новага згуртаваньня? І з чаго яна мае сілкавацца, наша прышласьць, далёкая й заўтрашняя? Што страцілі й што здабылі мы ўсе разам («някемная меншасьць» у зьвязку з народам-большасьцю) на тым падвіслым над прорваю пагібелі мосьце, на які адны ўздымаліся поклічна самі, а іншыя паслухмяна-радасна выконвалі загад біць і трушчыць — каб не «растерзали страну»? І зь якой ношкай рушыць далей кожны паасобку — адны, усьведамляючы сябе вартай дзяржаўнага спакою, іншыя — носьбітамі энэргіі вызваленьня й спадкаемнага гонару? Якое выйсьце вышукаць з сумневаў, узаемных папрокаў і непаразуменьняў, каб не спакусіцца, ня даць сябе справакаваць на расправу адно з адным перад няўмольна насоўвальным разломам?

«Мы сябе ўспамінаем самі»

Мы сябе дакараем і ганім, мы пудліва азіраемся па бакох, шукаючы яшчэ й яшчэ аднаго адступніка, вінавацячы ўсіх запар — эксандыдатаў, цяперашніх і былых, быдлячую нацыю, пустэльню, зь якое не зьяўляецца чамусь сапраўдны лідэр. Мы захліпаемся сьлязьмі й абурэньнем, але... Але пакуль ня бачым, не адчуваем самага важкага — нас, тых, якімі былі да Плошчы-2010, больш няма. Нам дадзена адно спамінаць сябе колішніх. Бо адгэтуль, ад моманту разбойнага нападу на грамаду, сабраную не абыдзе, не па-бандыцку ўтоена, але на ўрадавым пляцы, зусім па-дзяржаўнаму, адпаведна з канонамі ўладазладаваньня, каб голас падаць — да асоб з надзвычайнымі правамі, ды не прыкметнымі абавязкамі, — мы займелі статус перасьледаваных. Ганаровы ці прыніжальны гэткі стан рэчаў — як хто ў сабе сканструюе. Істотна, прынамсі, тое, што ад 19 сьнежня нават тыя, хто патрапіў пад карны меч выпадкова, каго злавілі ў дарозе, прымыкаюць да асобнай касты грамадзтва — да **касты адданцаў Беларусі**. І дзіва-дзіўнае: на гэтай зямлі нязмоўклых старажытных містэрый ня кожны з удзельнікаў нашага раптоўнага ахвярапрынашэньня нават і здагадваецца, якую ролю адвяла яму Плошча й які чын ён спаўняў, заяўляючы «антыдзяржаўным» лёзунгам «Жыве Беларусь!» пад ляскатаньне шчытоў і пахлест дубінак асабовае права на ўдзел у стварэньні й падсілкаваньні сваёй, да крывінкі блізкай і падатлівай на лагоду й цеплыню, Радзімы.

Зрэшты, як і належыць, згодна з абрадавымі ўстоямі, самую сутнасьць адбыванага ведаюць і разумеюць толькі пасьвечаныя. Жаль толькі, што якраз пасьвечаных мы й ня маем аніякай мажлівасьці пачуць. Менавіта ж з гэтай прычыны **каста адданцаў Беларусі** перабывае пакуль у разгубе й адчаі, нязважна на той факт, што бальшыня, падаецца, выбрала явіцца на Плошчу ня сьледам за каторым з прэтэндэнтаў ачоліць (эўрапеізаваную!) краіну, а быццам насуперак усім непрадказальным акалічнасьцям, зьнячэўку аж для сябе саміх, у якасьці Вояў Сьвятла, на нейкае містычнае, мітычнае месца грамадзянскай моцы. І Плошча, дарэчы, не адсланіла даверлівых дзяцей сваіх, што ступакамі паўрасталі ў крэўны дол, не прадала. Пакорліва прыняла ахвярніцкую

ролю. Аберагчы вось толькі не адолела, захінуць ад вастрыя ўладніцкай нянавісьці.

Хаця... насамрэч з самай таемнай сярэдзіны нашай драмы высьвечвае, хай сабе й кволая, безабаронная, крохкая, але радасьць — непадменная радасьць паяднаньня думцаў, адораных надзвычайным на сёньня талентам воляцьверджаньня супраць гвалту й разбуральніцтва. **І гэта — наша перамога**. Бо ўсе, хто патрапіў у вязьніцы, шпіталі альбо на свае вочы ўбачыў і жахнуўся, як учынялі цынічна сплянаваны разбой рабачаі дзяржавы з рамантыкамі, памкнёнымі адужаць невылечную хваробу ўладніцтва людзкімі просьбамі-грозьбамі й воклічамі пра жывую Беларусь, усе ПЕРАМЯНІЛІСЯ, пераўтварыліся ў інакшых, чым спамінаюцца сабе самі.

«Недасягальнасьць перамог — усё, што ў гэтым лёсе ёсьць»...

Паэт Някляеў, здаецца, і цяпер, пазбаўлены ня толькі волі, але й натуральнай у больш-менш ачалавечанай дзяржаве мэдычнай падмогі, харобра прызнае (сам дзеля сябе перадусім) недасягальнасьць перамог. Адно мудрыя й відушчыя ведаюць усяленскі закон, адпаведна зь якім кожная перамога насамрэч зьдзяйсьняецца толькі на мэнтальным узроўні, а на пляне фізычным яна — усяго крок наперад, які прадугледжвае хаду далей. Бо іначай — зьмярцьвеласьць, хоць бы й называлі яе спакоем і стабільнасьцю. «Gloria victis!» — выснавалі старажытныя, б'ючыся ў тым самым сіле залежнасьцяў, якое спрабуем разарваць мы. Слава пераможаным! Таму што яны ня ведаюць супыну на абраным кірунку. Таму што перад імі, як маяк, мэта, якая чакае сягненьня й перамяненьня. Таму што толькі пераможанаму й дадзена насамрэч зьведаць кошт і смак перамогі, якой ніколі ня стацца спаўна, дарэшты. Якая ёсьць толькі чуваньнем, але не ўматэрыялізаванай рэаліяй.

Дык вось менавіта ў форме ЧУВАНЬНЯ ў нашым Краі, на нашай зямлі, у нашых сэрцах сёньня прытулілася **наша перамога** — перамога тых, хто не пабаяўся выявіць сваю пазыцыю, ня сёк дубінкамі галовы іншадумцаў і ня вёў анікога на ўзарваньне дзяржаўных устояў, але патрабаваў толькі адказу за сфальшаваныя не ўпершыню свае галасы. Перамога тых, хто прымае пакуты, нікога не параніўшы й не абрынуўшы ў бруд і мярзотнасьць. Перамога тых, хто ня мае й каліва свабоды сказаць сваю праўду краіне, абылганай і зацягнутай у такую багну страхотак, што здароваму сэнсу няма ўжо й як зварухнуцца. Перамога тых, хто гатовы й зь пякельнай паразы выйсьці да людзей з чыстым, ня схрыплым з боязі галасам. І гэтая, ня яўная, але таемная, тонкая, як прадзіва долі, перамога — перамога касьмічнага, усяленскага роўню. Ужо цяпер, у варунках замкнёнасьці й прыніжэньня, гэтая перамога падмацавана магутнай энэргіяй продкаў і наскрозь прасьвечана тым самым Сонцам, на якое калісь глядзеў Максім-кніжнік, разгортваючы голымі цёплымі рукамі «цемень вечнай ночы».

Але вечнай ночы не бывае, як не бывае й адзінай і назаўжды ўсталяванай перамогі. З ночы можна скаціцца ў хіжую бездань, а можна аднавіцца ў Сьвятло, перад якім самі сыходзяць у нішто, у пыл, у спрах пачвары, нацэленыя на загубу. Так апавядаюць чарадзейныя казкі, раскрываючы перад кожным, адораным любоўю ЖЫЦЬ, адпачатны код сьветаладу. І самае дзіўнае, што з болю й адчаю шчадротна праменіць сьвятло — неадольная сіла Любові. З такога болю й з такога адчаю, калі балюча аднаму за ўсіх, а ўсім — за кожнага. І гэта — **наша перамога**. І ўжо толькі дзеля гэтага «*варта было нарадзіцца*». Гэтаксама, як і варта памерці.

Толькі памерці не за нешта й ня супраць нечага. Адкідаючы ідэалягемы, як зношаную апранку, кожны, хто адважыўся выйсьці на выбарчую кампанію, а затым на Плошчу альтэрнатыўна адзінаўхвальнаму (акрамя «прафэсійных» кандыдатаў, зразумела), мусіў быць гатовы папросту зьнікнуць, памерці — не гераічна, ня слаўна, а зусім па-жывёльнаму: быў і ня стала. Такое ж напрактыкавана ў нашым правільным каралеўстве. І ўжо само прыйманьне падобнага да гэткага зыходу ёсьць праявай нашай моцы. Супольнай моцы тых, хто процістаўляе дыктатуры ня прагнасьць да ўлады (хоць менавіта гэткая мэтаскіраванасьць і ёсьць адзіным рухачом разьвіцьця ў варунках дзяржавы), а толькі сьцяг — сябе саміх, як сьцяг. Бо трэба ж зусім ня мець розуму, каб насамрэч паверыць у мала-мальскую, аднаадсоткавую нават, мажлівасьць дабрацца да рэальнага трону там, дзе да трону прыцьвікавана намёртва спалатнелая істота, што ўяўляе зь сябе суцэльны чорны жах перад немінучай адплатай за ўсё натворанае й замысьленае.

Менавіта гэткі стан адмаўленьня ад свайго фізычнага «я», падуладнага таксама і страху, і болю, і жалю, і пераўвасабленьня ў «жывы сьцяг», занатоўвае задоўга да зьбіцьця й арышту ў хадзе да Плошчы Ўладзімер Някляеў:

Помні ўсіх і нікога ня помні,
ідучы ў нікуды.
Толькі ты, што праходзіш па полі,
засяваеш сьляды.

І вось поле, па якім ішлі разнасьцежаныя «сьцягі», пазначана сьлядамі — крывавымі. Цяпер колькі ні складай і ні камэнтуй ілжэкнязь Вітаўт-Генадзь Давыдзька (ня так ужо ж і даўно гэты паўнамоцны «праўдзівец» выдаваў сябе на Купалаўскай сцэне якраз найбеларускім і найхаробрым з нашых валадароў) «Железом по стеклу»,

сьляды ўжо засеяны й адбіты ў крэўнай глебе. Сьляды крыві — дакладнай інфармацыі пра ўсё, што здарылася ў віхурны вечар на Плошчы, да якой некаторым «сьцягам» не далі нават і дайсьці.

Маўчаць помна й сьляды на Нямізе, дзе так гістарычна, так знакава, аж ад часоў Усяслава Чарадзея й да дзён нашых, снапамі падалі ахвяры. І ўзыйдуць з тых сьлядоў парасткі. Бо гэта **наша перамога**. Перамога ўскладаньня ахвяр, каб не сыйсьці з Дарогі, не папаўзьці чалабітна й не запрадаць зь перапуду саму чалавечую сутнасьць, падораную Богам адпачатку. Каб дараваць потым зламаным у пагрозах і нацкоўваньнях, саслаблым у прэлюдыях катаваньняў. Каб коштам страты дзяржаўных падаванак — паўплатнай працы, навучаньня альбо й самога прытулку-дому — зьвесьці людзей, здатных мысьліць, спачуваць і шукаць Волі, адно з адным у касту найвышшага кшталту. Каб убачыла й пачула існая Беларусь, наўпрост зьвязаная з прадаўнім Родам, што мы адшліфавалі ў змроку рэжыму і ўзьнялі ў сьвет усе разам дыямэнт **грамадзянскага сумленьня**, якое дыктуе цяпер і зьвяршае найгуманныя прынцыпы людзкіх дачыненьняў — узаемадапамогі, павагі й злучнасьці ў часы нягод. Мы зьляпілі тое **грамадзянскае сумленьне**, якое аніяк ня выявіла сябе нават з-пад Чарнобыльскіх крыжоў. Мы падрасьлі як нацыя. Дакладней — як розум нацыі.

А ў чорных воранаў з дубінкамі й шчытамі, што быццам бароняць дзяржаву, вынішчаючы папраўдзе й здогад пра яе (бо дзяржава ж нікчэмная дашчэнту, калі з усім сваім арсэналам сродкаў для выжываньня хапаецца роспачна толькі за меч, дзяржава — бясьсільная), ані сьлядоў, ні твараў, ні імёнаў. Адно карыта, да якога пажадных шмат і над якім гнуцца даводзіцца ў крук.

І выйшла так, што ні авалоданьне хай сабе і ўсім багацьцем Зямлі, усёй зброяй і ўсімі мэтадамі ўплыву на чалавечую псыхіку, ні віртуознае ўмельства масава адурманьваць і задавальняцца дэградатыўнай падтрымкай і блізка не стаялі да тае існае перамогі пераможаных, абуджанай і акрыленай, якая аднойчы зьмяце з гісторыі й дым звар'яцелай тыраніі, пакінуўшы хіба нашчадкам перасьцярогу, сфармуляваную паводле Божага запавету Празорцам-Караткевічам: «Не давайце сьвятыні псам!»

«Як прывіды, як сны пра сны, як здані...»

А пакуль мы спрабуем вырваць сьвятыні з псовых лап, пакуль пад сіверны вецер Паўночных могілак вялізнай грамадой разьвітваемся з паэткай і журналісткай Тацянай Сапач, загінулай зьнянацку, але адной з нашых ахвяр, прывіды тае большасьці, якой так злоўчана засланяецца ад сьвятла дыктатура, жывуць сабе й ведаць ня ведаюць, што й дзе якое чыніцца. А калі чаго й чулі, дык пра бандытаў, што сілком парываліся захапіць Дом ураду.

Такая вось беларуская рэчаіснасьць: індыфэрэнтныя шчыльна пазачынялі форткі, як вечкі трунаў, каб і подыху ня чуць нейкіх змаганьняў і перамен, застабільныя ўсплёскваюць рукамі ў шчырым зьдзіве: «А чаго ж вам трэба? Жывыя — і добра», схільныя да аналітычных разваг таксама няўцямна разводзяць рукамі: «Не было ў ніводнага з кандыдатаў разумнай праграмы. Няма кім замяніць неўміручага кормчага», зласьлівыя ўтрыманцы вохкаюць: «Каб жа якога нам лідэра! А то ж адна драбната лезе»...

І на гэтым тле звыклых нараканьняў ды нічоганераблення тыя, хто выйшаў на Плошчу, і тыя, хто з Плошчай паяднаны адным напятым нэрвам, ёсьць сапраўды пераможцамі. Бо ва ўмовах, калі правечна беларуская хованка: «Абы ціха, абы вайны не было!» — пераніцавалася ва ўдзячліва-рабскае паклоньніцтва: «Жывыя — і добра», — калі адна частка грамадзтва патрабуе нейкіх ратавальных праграм, ня кемячы, што аніякая праграма не акажацца дзейснай у разруху пад назовам «стабільнасьць», а іншая вычэквае, мабыць, заежджага супэрмэна, які на талерачцы з акаёмачкай прынясе ўсялякіх даброт, каб мы елі ды трыбухі пагладжвалі, узьняць голаў да Сонца й выйсьці ў сьцюжу бараніць нешта эфірнае, няўлоўнае, недатклівае — гэта перамога. Над нязбыўнай нашай талерантнасьцю, якая почасту абарочваецца ў насалоднае паяданьне бліжняга, гордая й высокая перамога.

Таму што клетухнаў розных панастаўляна было ў тыя дні паўсюль, па ўсёй прасторы незьлічона. Каб мы ў іх патраплялі й зблытваліся. Мала хто, відаць, задумляўся, чаму так падганяліся выбары пад канец году, на зіму й напярэдадні тэрміну. А рэжым улічыў і разьлічыў усё да кропелькі. 19 сьнежня прыпадала роўна на 15-ы месяцовы дзень, адзначаны ўжо даўно, сьледам за народнымі назіраньнямі, яшчэ й навуковымі досьледамі як асабліва небясьпечны ўспыхваньнем агрэсій, канфліктнасьці, цёмных настрояў і злачынных намераў. Нашы продкі называлі гэты дзень сатанінскім, д'яблавым. Справакаваць якую свару-калатнечу на поўні 15-га дня — як на вагонь дзьмухнуць пад моцны вецер.

А тут яшчэ месяцовае зацьменьне бліжэла, што відно было на Зямлі 21–22 сьнежня. Чалавека зацягвала палонка ірацыяналізму, дэпрэсіўнасьці, паныласьці. Бо мы залежныя ад зрухаў на Месяцы, і гэтай неўтаймавальнай сілы ўплыву начнога сьвяціла на плянэту адужаць немагчыма. Затое можна скарыстаць. Валодаючы патайнымі ведамі. Можна закласьці праграму разьвіцьця падзей на паўтара дзясятка гадоў наперад.

І нас усіх, імаверна, вялі да стану «*як прывіды, як сны пра сны, як здані*», каб распараджацца й надалей, быццам падатлівым матэрыялам. Прынамсі, калі ня ўсіх прымхліва бачылі бяздумнымі зданямі, то пакорлівую глухую бальшыню — без сумневу. Ну, астатніх меркавалася лёгка ўвесьці ў зман і справакаваць (скарыстаўшы псыхалягічную няўстойлівасьць таго дня) на разьбіральніцтвы, давёўшы іх да піку выбуховасьці. І тады... Гладкая дарожка каралю ў царства неперапыннага валадарства выслана й ружамі ўквечана.

Ды мы не паддаліся! Мы не ўцягнуліся ў правакаваныя ахоўнікамі ладу-ўлады кучымалы. Вось чаму зьлютавалі й дагэтуль няўкормна лютуюць тронныя й прытронныя паяцы. Вось за што адпомшчваюць і катуюць, змушаюць да падманных прызнаньняў і не дапускаюць да нявольнікаў адвакатаў, вось за што дэманструюць зьнікненьні й раптоўныя абвешчаньні экс-кандыдатаў на прэзыдэнта. Бо 19 сьнежня невідочна, але Адчувальна, ня сілай, але Любоўю, ня злосьцю, але Сьвятлом, не руйнаваньнем, але Зьяднаньнем сталася й змацавалася, засеялася ў сьнег крывёю і ў сэрцы спагадай адно да другога **наша перамога**.

Ужо цяпер, аднойчы, як насьпее час, мы выйдзем не з адзіным жаданьнем — пазбавіцца ад манапольна прысвоенага права на нашы думкі, учынкі і нават жыцьці. Цяпер мы дакладна сфармулюем і абвесьцім, чаго хочам дасягнуць. Бо цямнотная сіла саслабне ў сутаргах уласнага страху, і пасьвятлее ў нашых сэрцах, засьвятлее пэрспэктыва Быць, а не здавацца. Цяпер мы скінем нарэшце ганебнае памкненьне «людзьмі звацца», што валачэм на плячох ня першы век, і ўзьнясём сваю, годную, праграму заможнага і ўпэўненага гаспадараньня на сваёй зямлі — са сваёй мовай, сваімі звычаямі, сваім ствральным талентам жыць вольна спаміж папярэднікаў і нашчадкаў.

А паэт Някляеў, змучаны, зранены, кінуты ў цямніцу ды няскораны, зноў зьнекуль здалёк, з тае пары, калі яшчэ прадчувалася нязбытае, ужо цяпер, сёньня, мужна ўзнадзейвае: **«Здабыў я ўрэшце волю на зямлі»**. Уведаўшы на Плошчы дарэшты — праз боль, адчай і нязломнасьць, — што Воля зьвівае гняздо спачатку ў душы, а затым узьлятае да Вышы, мы ўсе разам, з усяе моцы й з усёй нерастрачанай верай абераджэм **нашу перамогу**. І злыдні, пагрузлыя па вушы ў мане, адступяцца, адыдуцца, счэзнуць, палопаюць, як порхаўкі, пад цяплом нашай зьяднанасьці, пад сьвятлом **нашай Перамогі**.

Маленькое «но...»

Это сейчас кажется, что исчезает все. На самом деле рождается то, что еще неизвестно никому из нас.

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Ощущение некоей новой черты, которую переступила власть, явилось общим настроением после 19 декабря. Черты, после которой нет и не может быть возврата к прежнему, хотя и оно, это прежнее, было далеко от здравого смысла.

В течение предыдущего года власть не очень изобретательно демонстрировала показную склонность к либерализации отношений с прессой. Это было вызвано общей обстановкой, предшествовавшей избирательной кампании.

Заметным шагом стал допуск двух газет в киоски розничной продажи в весьма ограниченных количествах. Видимо, кто-то посчитал, что это не опасно: ведь существует многосоттысячная «Совбелка» и иже с ней. Для тех же, кто в Европе спал и видел, что г-н Л. «соскользнет в демократию», этот факт стал просто знаменем.

Нужный власти баланс между изданиями «чэснымі» и «нячэснымі» обеспечивался, с одной стороны, наличием фиговых листков законности, а с другой, прочным рефлексом в правовом сознании большинства независимых журналистов. Ведь в Беларуси до сих пор де-факто существовала подцензурная журналистика. Точнее, самоцензурная. Большинство издателей, наученных горьким опытом коллег и своим собственным (экономическая дискриминация, вынесение предупреждений, приостановление выпуска изданий, немотивированные закрытия, изъятие техники, да и просто избиение репортеров и пр., и пр.), уже который год вынуждены работать с оглядкой, которая со временем стала привычной.

В телевизионном вещании (а это поистине «термоядерное оружие», по выражению главного ньюсмейкера) накануне выборов происходило что-то дивное: программа «Выбор» с новым ведущим Сергеем Дорофеевым сразу привлекла к себе внимание. Но очень скоро стало ясно: главной задачей программы было выпускание пара в ситуациях, когда замалчивать что-либо совсем брутальное не было никакой возможности. Смело формулируя проблему, ведущий всякий

раз спотыкался и, словно перед невидимой стеной, останавливался перед выводами, которые напрашивались сами собой. Они, эти выводы, требовали обобщений. А вот здесь уже работали прочные «табу», переступать через которые никому не было позволено.

Впрочем, даже в таком виде передача порождала иллюзию: власть говорит с нами, она озабочена нашими проблемами. Однако на соседней кнопке той же государственной тележурналистики регулярно шли в эфир разгромные, спецслужбами разработанные «разоблачения» всего, что оппонирует властной пропаганде. Ведущие этих программ прикидываться совестливыми и не пытались. Провокации и подтасовки фактов, прямые фальсификации и оскорбления стали фирменным стилем Первого, главного канала.

Сергей Дорофеев и Юрий Прокопов — это одно лицо, только в разных ракурсах освещенное. Это «добрый» следователь и следователь «злой».

Таким образом, баланс сохранялся и здесь, ситуация оставалась под контролем.

Сейчас необходимость в таких инсценировках отпала. «Добрых» следователей удаляют, они свое дело сделали.

Сегодня уже нет необходимости порождать иллюзию либерализации. Хватит, наигрались. Маски сброшены.

И даже легче становится: меньше лжи и лицемерия, все проясняется.

Масштаб послевыборных репрессий показывает, что де-факто существование непокорного общества, не согласного умножать молчанием ложь, властью не только признается, но и вызывает животный страх и отчаяние.

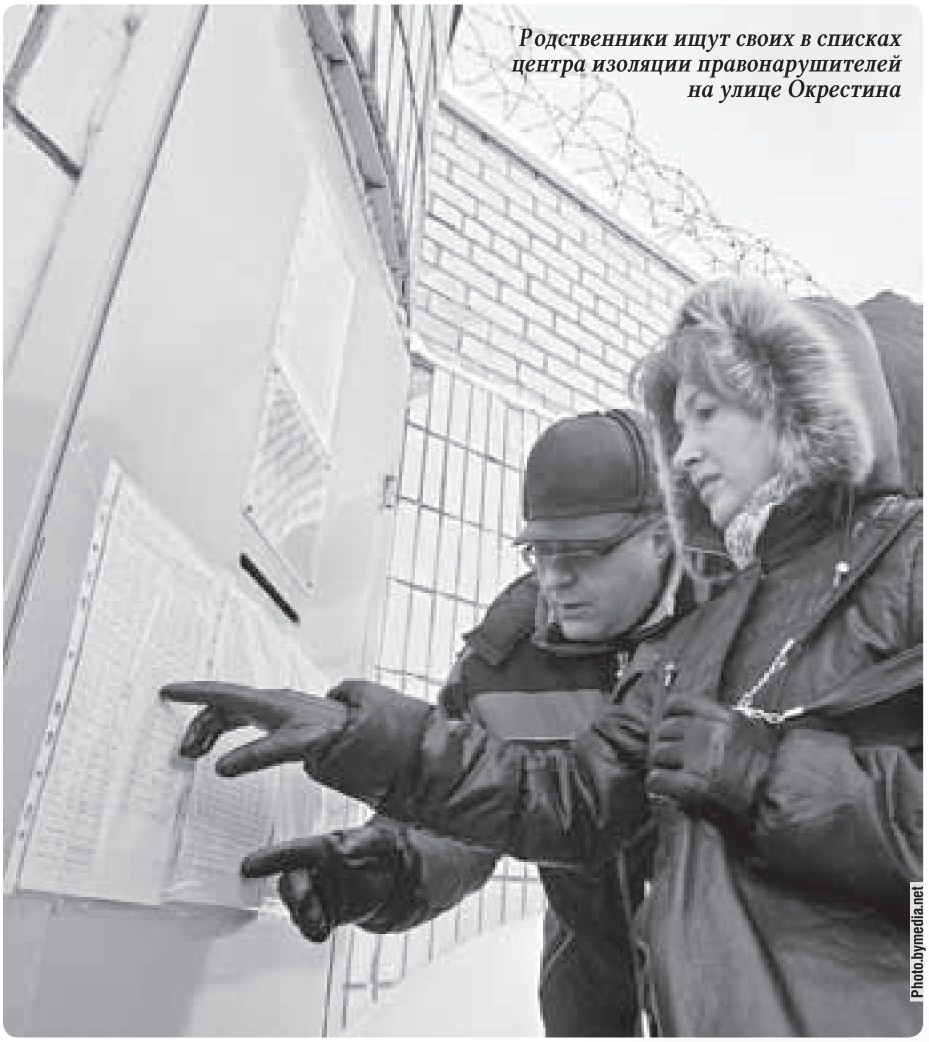
Дело в том, что власть всегда отказывала обществу в праве решать важные социальные вопросы. Более того, власть рассматривала самоё себя не как часть общества, а, напротив, общество видела (и видит) исключительно как объект своего — властного — воздействия. Сейчас власть ставит вопрос ребром: или-или. Или общество становится немым, безгласным и послушным, или несогласных ждет полный разгром.

Ширящиеся аресты и обыски ясно показывают, что останавливаться власть не собирается, волна репрессивных действий только набирает силу. Уже после 20.00 там, на Площади, задерживая и избивая кандидатов в президенты (статус которых тогда еще действовал!), власть показала, что не будет учитывать такие благоглупости, как право, справедливость или простое человеческое сострадание.

Так возник первый круг этой спирали Бруно. По старым — до 19 декабря — меркам, узники «Площади» могли рассчитывать на обычные в

Фото Сергея Балая

Репортеры в центре событий: экс-кандидат Виталий Рымашевский только что испытал дубинки спецназа



Родственники ищут своих в списках центра изоляции правонарушителей на улице Окрестина

таких случаях институты защиты: адвокатов, правозащитников, прессу, общественное мнение. Нынче любых защитников власть выставляет «пособниками экстремистов». Натягивается вторая спираль «колючки». Одним из объектов подавления становятся независимые СМИ.

Последние действия Министерства юстиции в отношении Белорусской ассоциации журналистов не оставляют в этом никаких сомнений. Хотя ситуация логична: в наших условиях профессиональная журналистская организация не могла не стать правозащитной в сфере свободы слова и СМИ. Используя пятачки декларативной законности, сохранившиеся на страницах трижды перекроенной Конституции, БАЖ сумела выстроить довольно устойчивую систему правовой защиты редакций и журналистов, имеет возможность оперативно донести до мировой общественности факты давления на прессу.

Власть стремится «дверцу» захлопнуть.

Изолированных узников не услышат. Лишенные лицензий адвокаты немногим смогут помочь. Правозащитные центры и комитеты, подвергшиеся обыскам и задержаниям сотрудников, существенно ограничены в своих возможностях. Остается только воткнуть кляп тем, кто еще способен рассказать обо всем этом и вынести «сор» из нашей, пропахшей полицейской будкой, избы. Вот тогда все будет в порядке — тишь да благодать. «Все спокойненько, все пристойненько, от общественности вдалеке».

Провокация с крушением дверей в Доме правительства, массовое избиение мирных людей на площади, «добор» непричастных до запланированного количества задержанных, все последующие действия по запугиванию, постановке «на учет» и под контроль оппонентов — все это звенья одной и той же цепи, планомерной и последовательной кампании установления абсолютного господства единоличной власти.

Но…

В теории и практике социального управления есть постулат: все сложные проблемы имеют простые, понятные для всех… неправильные решения. Если кто-то «наверху» думает, что доступные его пониманию репрессивные меры приведут к желаемому результату, то он жестоко ошибается. Все, порожденное насилием, раскачивает некий невидимый маятник, который неизбежно двинется в другую сторону. Неизвестно как, но обязательно — противоположно тому, куда качнули от оси, от здравого смысла и нравственных принципов. Не случайно маятник всегда был символом времени, которое не останавливается никогда.

Как это ни парадоксально, но существование лоскутков независимой журналистики и у власти, и у ее оппонентов сохраняло чувство берега, отрываться от которого не хотел никто. Оно и сейчас сохраняется, это ощущение. Отвечая на вопросы о будущем белорусской независимой журналистики, многие из моих коллег, которых я глубоко уважаю, выражают робкую надежду, что в нашем-то веке, в наши дни, ну не может же быть так, чтоб совсем уж…

Оставьте иллюзии, и поскорее. XXI век придет к нам в ином обличье.

Наша ситуация, скорее всего, разрешится следующим образом: чем более широкой и тотальной будет зачистка медиапространства, тем больше предпосылок возникнет для создания и развития совсем иной белорусской журналистки. Власть собственными руками формирует

объективную нужду в появлении таких информационных источников, до которых она уже не дотянется. Власть сама создает себе альтернативу. Не было счастья, так несчастье поможет. Так уже бывало в истории, и не раз.

Администрация может запросить подтверждение в Институте журналистики. Работающие там историки на тысячах примеров покажут, как революционные партии (и большевики в том числе) при помощи подпольной, неподцензурной печати сумели расшатать и обрушить систему государственной власти, куда более прочную, чем нынешняя. «Поправка на время» для нынешней власти неутешительна: сейчас нет необходимости создавать неподцензурную массовую коммуникацию исключительно в партийных структурах. Существует масса иных возможностей. И множатся примеры того, как медиаресурсы становятся средством сплочения людей и выдвижения общественных и политических инициатив. Пример сайта «Хартия'97» — перед глазами. Современные информационные технологии позволяют напрямую мобилизовать людей на активные политические действия.

Кажется, сейчас наступает такой момент, когда журналистское сообщество обязано доказать, дееспособно оно или нет. Переступив правовой (пусть зачастую и символический) Рубикон, власть, сама того не понимая, создает площадку для боев без правил, а это уже совсем иная ситуация. Демонстрируя правовой нигилизм, власть тем самым освобождает от иллюзий людей, которым уже нечего терять.

Фото Сергея Балая

Репортеры встречают отбывших административный арест

Есть только одна проблема: наличие этического принципа, хорошо известного всем профессиональным журналистам. Даже в этой ситуации мы не можем становиться пропагандистами, пусть даже и «с обратным знаком». К сожалению, в последние годы белорусская независимая журналистика, лишенная доступа к информации, придавленная административным и экономическим прессингом, вынуждена была превратиться из журналистики фактов в журналистику мнений. Проправительственные издания и каналы, вместо того чтобы обнародовать ясные и однозначные факты (чего они, по понятным причинам, делать никак не могли), топили сознание своего читателя и зрителя в многочисленных комментариях и инсинуациях.

Но и их антипод, журналистика негосударственная, так же вынуждена была пользоваться туманными разглагольствованиями записных экспертов, невнятными комментариями и прогнозами, где желаемое выдавалось за действительное, а действительные факты (неизвестные никому) подменялись субъективными мнениями, ангажированность которых не вызывала сомнений.

Новые условия не могут не привести к возникновению новых форм и методов деятельности независимой белорусской журналистики.

Это сейчас кажется, что исчезает все. На самом деле рождается то, что еще неизвестно никому из нас.

Фото Сергея Балая

19/12/2010

МИЛИЦИЯ
СПЕЦНАЗ
МИЛИЦИЯ
СПЕЦНАЗ
МИЛИЦИЯ
СПЕЦНАЗ
МІЛІЦЫЯ
МИЛИЦИЯ
СПЕЦНАЗ

Чаму Дзед Мароз спазніўся ў 2011-м?

Марыя НОВІКАВА

Па белай-белай прасціне
Заснежанага поля
Мароз кіруе да мяне —
Чырвоны, як ніколі.

Я да яго: — Дзядуля, што?
Чаму увесь ты ў «мыле»?
— Ды нейкія за паліто
На вуліцы злавілі.

З плячэй маіх садралі мех
І барадой мяне — у снег.
Крычаць, што там, пад барадой,
Хаваю твар зусім не той,
Нібыта быў на Плошчы
Дваццатага, уночы...

Згаджаюся: «На плошчы быў...
Але ж вакон зусім не біў.
Хіба намаляваў прыкол
На шыбе заінелай...»
А мне: — Падпісвай пратакол!
Ррраз! І прышылі «дзела»!

* * *

Мігценне елкавых гірлянд
Пад галасы артыстаў модных...
А снег, не ўпаўшы на зямлю,
Зрабіўся ўжо мінулагоднім.

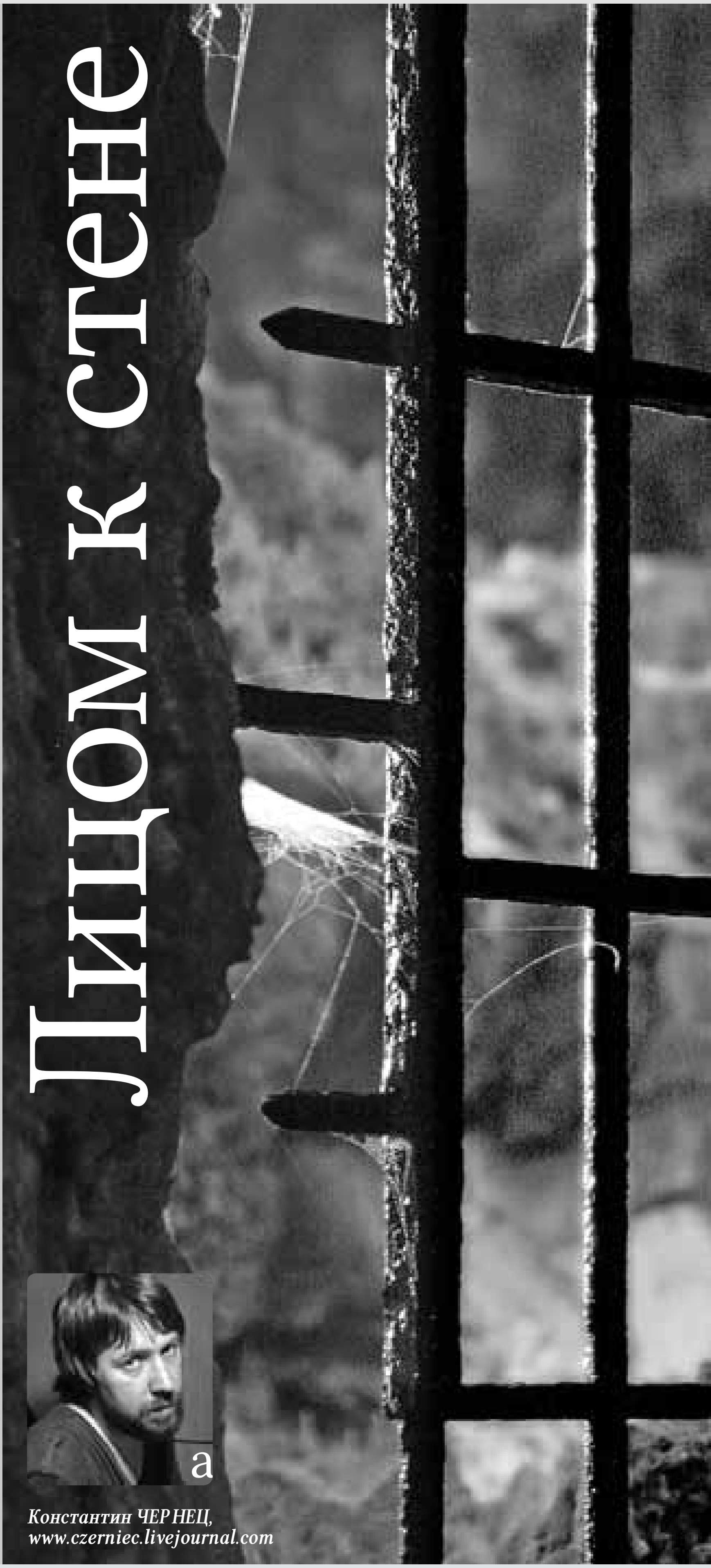
Ён засыпае гарады:
Высоткі хмурыя і плошчы —
На чалавечыя сляды
Стамлёны Бог глядзець не хоча.

На плошчу Нашых Вольных Сноў,
Пад ногі ідалаў і елак
Жывая праліласа кроў —
Чырвоная на снезе белым.

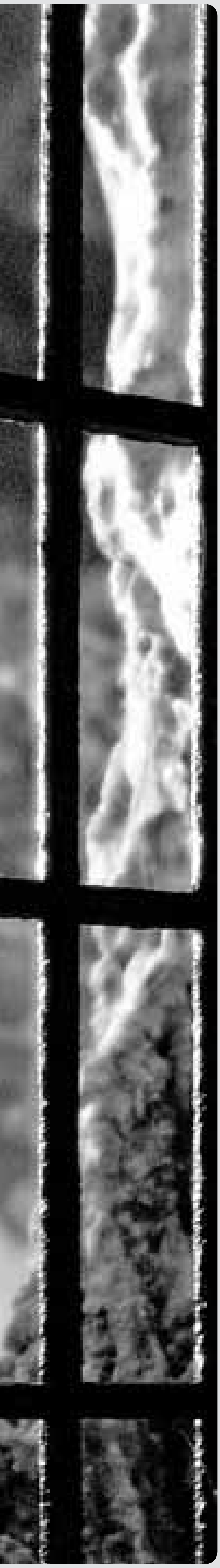
І ў тэлевізары ізноў
Мана, як снегавей, густая.
Але з-пад сажы чорных слоў
Жывая чырвань прарастае.

І на зямлі ўжо новы год.
І новы дзень расплюшчыць вочы.
О Божа! Блаславі народ
На бел-чырвона-белай Плошчы!

Марыя Новікава закончыла музычную вучэльню ў Наваполацку, затым — сталічны педуніверсітэт імя Максіма Танка, цяпер працуе ў школе мястэчка Самахвалавічы, што пад Менскам. Адначасова ўжо тры гады яна — арганістка вядомага на ўсю краіну касцёла Святых Сымона і Алены. Пераможца конкурсу бардаўскай песні Радыё Свабода.



Константин ЧЕРНЕЦ,
www.czerniec.livejournal.com



Забралась муха в будильник. Стрелки: тик-так; зубчатые колесики: тук-тук. Зазвенел будильник, и отбарабанил молоточек по любознательной мушиной голове. Мы с супругой моей люди не героические. Это нас государственная машинка просто своим колесиком подцепила. И поволокла — с зубца на зубец.

Омоновцев не зря «космонавтами» зовут. Они и в самом деле действуют, как пришельцы в черном: хвать попавшийся экземпляр человеческого рода — и в автобус свой пришельческий. С матом, с криками, с тычками в спину: «Морды в пол! Смотреть вниз! В окна не смотреть!!! Пригнуться!» Это тоже их одежда для души, черная и глянцевая, чтобы ничто человеческое им душу не оцарапало.

Но в окна мы все же поглядывали украдкой. По ночной улице ходили обычные люди. Которым не хватило места в автозаке. Интересно, видел ли кто-нибудь из них, что делалось, слышал ли, как отчаянно кричала моя жена, когда меня выбросили из автобуса на снег, а ее хотели оставить? Если видели-слышали, отзовитесь! Это было недалеко от костела, что на площади Свободы, в двенадцатом часу ночи 19 декабря.

Вот пересчитали наловленных «овец» (одного подхватывают выходящим из кафе, подбирают парочку на остановке, штуку другую-третью пьяненьких мужиков для коллекции добавляют), доложили по телефону: «Около сорока», — и расслабились. Автобус тронулся, из шлемов высунулись человечьи головы.

И эти головы отвечали на выкрики отловленных, спорили и даже аргументировали. Ведь спорил же волк с ягненком в крыловской басне.

— Вы совершаете беззаконные действия! Вы забрали ни к чему не причастных людей!

— Да ладно вам! Как кидать камни, так нормально, да?

— Кто кидал камни? Вы что? Вот она? Или он? У него, бляха, рук же нет!!!

Только языки были очень разные. Перебранка была долгой, но состояла она не в обмене мнениями, а в трении друг о друга противостоящих мировоззрений. У омоновцев, по крайней мере, у самого словоохотливого из них, сидевшего за рулем, оно было зимне-безоблачным: в стране порядок и более или менее нормально, потому что в России и Украине, например, хуже; а порядок нужно защищать. От «вас». «Вы», то есть мы, представлялись ему некоей цельной зловредной массой — «оппозицией», хотя именно рядом с ним сидели анархо-демократ, набожная православная, ультралевый социалист, художница и подгулявший именинник с осоловевшим аполитичным взглядом.

Что же? Значит, прохожих (нас, в том числе) брали по причинам... философским, скажем так. Не за конкретную вину. Даже не за то, что мы могли быть из толпы митинговавших — время к полуночи, бунтари далеко-далеко. А потому, что раз начальство из телевизора предупредило народ: лучше сидите дома, то всякий оказавшийся поздно вечером в центре города — или враг, или дурак. Врагов нужно давить, дураков — наказывать. Спорить можно было сколько угодно, но «вотще». Это был не юридический акт. А охота.

Под конец общительный водитель заверил своих взбудораженных собеседников: «Мы вас не арестовывали. Мы вас просто пригласили для выяснения личности. Подвезли. Там посмотрят по видеозаписи, совершали вы противоправные действия или нет. Не совершали — отпустят».

Лгал. Или шутил. Или сам обманут. Мелкой лжи, мелкого хамства, мелких издевательств и пакостей в эти сутки была целая туча — она сопровождала нас повсюду в путешествии по нутру механизма «правопорядка». Тик-так...

В Ленинском РОВД нас вместил подвальный актовый зал. Впереди (в советские времена там обязательно красовался бы портрет Ленина или текущего генсека) — царственный жидкокристаллический телевизор. На боковой стене — стенд с пресловутым соком «Садочок» и гайками — бомба, препарированная, словно лягушка для школьного урока зоологии. Когда добыча распределилась по партеру, на помост вышла вся честная компания милиционеров и омоновцев. Омоновцы, несмотря на усталость, похожи на разогревшихся в бою кентавров (глаза — человека, тело — принадлежит государству), милицейские люди рыхлее, осадистее, в среднем старше. У всех — широкие округловатые лица, полные сильного красного мяса внутри. Вышли как артисты на сцену и стали. Молча уставились в зал — на нас. Дюжина пар профессионально равнодушных глаз. Внимательно и не торопясь. Словно ощупывая, пытаясь всех запомнить.

Зал (кто тут публика — мы или они?) был достаточно молчалив, только **budimir** с **dolka777** ярились и забрасывали господ профессионалов сердитыми вопросами. Те не реагировали или нехотя отбрехивались.

И потянулись утомительные своей бессмысленностью часы: тик-так. На сцене вялое распределение ролей и раскладка бумаг. Солировал полковник с лицом пожилого токаря, ни доброго, ни злого, привыкшего трудиться над бездушными железками. Железки — мы. Коварные, дурные. А сегодня еще и сверх плана.

В зал: «Несовершеннолетние есть?» Не имеется. В телефон: «...Фабул не подготовили» и «Мальчиков мне привези несовершеннолетних».

Фабулы — что по латыни попросту «небылицы», как мы выяснили, это стандартные тексты, описывающие якобы совершенное нами правонарушение. У всех одинаковые были эти небылицы, одна в одну. Мальчиков же нужно было наловить, чтобы предъявить потом народному вниманию:

вот-де обманутые и подбитые лидерами на хулиганство юнцы. Вроде, слышали мы, поймали потом для полковника желательных мальчиков.

После нескольких часов подготовки приступили к обработке добытого материала. Вызывали по списку пойманное существо, уточняли возраст и отдавали милицейскому чину, который вел полученное к себе в уголок. Там уже были приготовлены протокол с фабулой и два омоновца, чтобы его залжесвидетельствовать.

— На митинге были?

— Нет.

— Что ж вы так несмело. Смелее нужно, честнее: да, был. Вот это я понимаю.

— Иногда требуется мужество признать, что не делал чего-то.

Вспоминаю суд карточной Королевы над Валетом. Рядом веселый, озорной, с наголо обритой головой офицер, похожий на белогвардейского контрразведчика, допрашивает жену мою:

— Значит, вас задержали около площади Свободы. Так-та-а-к... Советская, 11. Это адрес площади Свободы.

— Не подписывай это! — говорю жене. — Или подпиши и добавь, что неправильно указаны место и время.

Белогвардеец любезно согласился и сказал моей жене и своей допрашиваемой: не имеет значения, что она напишет, что подпишет или откажется подписать. «Гляньте: мы всем даем одно и то же. Только мужской род на женский меняем. А Вы что смотрите?» Это он мне, заглядывающему из-за плеча.

— Интересно. Для понимания завитушек и кудряшек этой логики. Я пока ее не понимаю.

— Ну вот. Вы поймите их логику, а они поймут «вашу».

В протокольчик от руки добавляют имя и — милицейский окидывает взглядом изготовляемого правонарушителя — цвет одежды, обуви и т. п. Отказываюсь от подписи. Омоновцы — подписывают. Заведомо ложные показания дают. Уголовно наказуемое действие — разве нет? Да ладно. Это ж не допрос. Это маленькая стычка большой войны, и здесь джентльменские правила не действуют. Сегодня в силе они. Послезавтра — ...кто? Хватит ли этим новым властям предержащим терпеливого благородства поступать в согласии «с аптекарски точным чувством справедливости»?

Изымают личные вещицы, ремни, шнурки (у меня шнурки остаются, иначе им пришлось бы самим их развязывать). Затем в другой оживленной комнатке (всюду деловитая жизнь, в каждом уголке какой-нибудь работник препарирует) — отпечатки (каждый палец и ладонь — люди выходят с черными руками) и профиль-анфас-антипрофиль. Обратно в «зал ожидания». Устали, многие прикорнули. У дверей дежурит совсем юный милиционерик. С тонким беззащитным лицом. Смотрю в это лицо — и плакать хочется оттого, что через немногие годы он станет похож на своих офицеров, обрастет бесчувственным мясом, приказами и отупеет от безнаказанности. Смотрю, смотрю, смотрю. Смотрю. Он червонеет и все время отворачивается в сторону выхода. Смотрю. Просит кого-то подменить его, уходит. Славный, наверно, парень. Совести у него — много.

Меж рядов тискается сероватый человечек со списком и скучным голосом, с усталой деликатностью выспрашивает место работы. «Коммунизм», — отвечаю. «Такой работы нет». — «Ну, извините. У меня — именно такая». — «Сейчас даже коммунистов больше не осталось», — беззвучный человечек протискивается дальше.

Мой сосед запирается, говорит, что все уже в протоколе указано. Серочеловечек настаивает. Парень же требует объяснений: кому это надо, зачем, чья это личность перед ним? Требует, пока ему не показывают какой-то документ, удостоверяющий официальную безличность и право ходить со списком между рядами.

Полковник проводит перекличку. Нас восемьдесят семь. Полный зал, словно собранный для импровизированного урока государственной идеологии.

Будимир спит, Долька, прочитавшая в молитвеннике все необходимые к прошедшему празднику Святого Николая тропари, беседует с моей женой. Раз в четверть часа из зала поднимается юноша со шкиперской бородкой и в одних и тех же словах обращается к полковнику — слесарю человеческих тел — на подиуме: «Я все-таки попрошу. Я — гражданин Российской Федерации. Разрешите мне позвонить в посольство. Мне обязательно нужно быть сегодня в Ханты-Мансийске. У меня командировка! Билет на поезд пропал, ну и бог с ним. Я даже не имею никаких претензий за то, что меня там... побили или что... У вас свои национальные традиции, все понимаю. Я готов сейчас взять за свой счет такси и ехать в аэропорт. Дайте мне позвонить в посольство!» Полковник смотрит на русского командировочного, поджимает губы и переводит скучающий взгляд в сторону. Вопросы утомили его.

Утомили в итоге настолько, что на место полковника пришел другой чин. Который на вопрос о посольстве исчерпывающе ответил: «Тут сидел начальник. Что ж вы его не спрашивали?» Колесики: тук-тук. «И вообще, вопросы тут сотрудникам не задают. Между собой поговорите».

Спасибо и на том. Не то чтобы до сих пор молчали, но предложение немного неуверенного в себе широколицего простоватого офицера развеселило. Говорим. Громче и чаще. Но это не беспорядочный базарный шум. В воздухе

скорее чувствуется напряженное внимание, чем желание побалагурить. Кто говорит, говорит мало и по делу. Молодой юрист предлагает по выходе на свободу оформить коллективную жалобу. Я высказываюсь: «Давайте напишем коллективное письмо Эмиру Кустурице. Пусть знает, как он ошибся в выборе друзей». Двое или трое наблюдателей рассказывают о том, что на участках, где они контролировали подсчет голосов, за Лукашенко проголосовало до 37% или 39%, а на соседних, неподконтрольных — под 80. Боевитая черноволосая девушка, обращаясь попеременно то к людям в зале, то к офицеру за председательским столом, описывает наиболее нелепые случаи государственной коррупции — вот-де кого вы защищаете.

Фото Вадима Замировского

Американизированный молодой программист (прожил в США несколько лет и вернулся на родину проживать, и вот...), по-колгейтовски улыбаясь, недоумевал, отчего «мы» недовольны (не сейчас, понятно, а в целом) Лукашенкиным правлением, говоря, что при нем неплохо и комфортно. С ним спорили, но беззлобно — свой ведь, пленный.

«Который час, подскажите!» — это из зала офицера спрашивают, а он: «Семь часов».

Девять утра — подсказывает кто-то, хитро сохранивший мобильный телефон. «Зачем вы лжете — вот по мелочам таким, а?»

Совершенно непонятно, что с нами собираются делать. Отпустить? Или, наоборот, надвигается зимняя гроза? Кто-то, ходивший в туалет, слышал из группки скучающих омоновцев обрывок фразы со словами «военное положение». Военное положение в Беларуси?! В Минске? Или послышалось? Или молодцам просто мечтается о военном положении — тогда вовсе не нужно было бы церемониться с врагами их государственной родины.

То один, то другой «оратор»... Наш надзиратель медленно наливался свекольной краснотой, криво улыбался.

Потом ушел и он. Одна сине-меховая милицейская ушанка на столе. Смотрит на нас циклопским алюминиевым оком кокарды.

Долго, тоскливо. Голова заволакивается тонко звенящим дымком отупения. Нам до сих пор не дали ни глотка воды, несмотря на просьбы. Но в таком взвинченном состоянии жажда и бессонница переносятся не очень заметно, голод не ощущается вовсе. Мы сыты по горло этим местом, этими лицами, голосами и леноватыми деловитыми движениями этих грузных тел. Тик-так. Тук-тук.

Наконец-то! Два больших милицейских и милицейчик поменьше располагаются за столом. И начинается новый поворот зубчатого колеса. Теперь оно захватывает человеческие тельца по одному.

Шкиль!!!

Калоша!!!

Кравчук!!!

Хмаров!!!

Василевич!!!

...!!!

...

...

Ну и моя фамилия. Вызванный подходит к столу, отвечает на вопрос о дате рождения — и в дверь. До самого выхода коридором стоят новые милиционеры, все почему-то в марлевых масках. Быстрый обыск.

— Что это у вас?

— Протез.

— А это? Тоже протез?

— Тоже.

— В кармане что?

— Лекарство от астмы.

— Показывайте.

— Достаньте сами.

Вверх по лестнице, к свету, к снегу. В грузовичке меня подпихивают в клетушку еще к троим. Решетка перед лицом закрывается — тук! — и на два замочка — тук и тук — нет, кажется, это наручники в качестве замков. Смотрю на снегопад. Мыслей нет. Снежинки.

Скоро появляется и художница жизни моей — я ей приветственно кричу и радуюсь, как дурень. Потом извиняюсь перед понурым соседом за неуместность своего веселья. Он прощает. У него самого жена здесь.

Женщин заводят, женщин... Вот и Долька прошла, сосредоточенная, в белом беретике.

Охранник зачитывает нам наши запрещения: не разговаривать, не курить, не петь... «Значит, пить можно», — тихо догадывается кто-то. Наверно, во рту пересохло.

Поднимается еще один охранный юноша. Лица востренькие, недобрые. Трогаемся.

— Печку включи, э! — конвоиры стучат в водительскую стенку.

— Хуяк! — задорно отзываются оттуда: включил, значит, печку.

С движением машины задвигалась и душа во мне, ожили мысли. Вот о чем думается и не думаться не может: о близких на «свободе». Жена, когда мы еще изнывали в зале, вдруг прониклась страхом за отца. Он у нее с сильной аритмией, и человек резко впечатлительный. А намедни Майтрейя — наш полуторогодовалый племянник — поцеловал как икону фотографию своего дедушки и корзиночку цветов ему принес из другой комнаты.

Суеверие суеверием, а страшно. Мне — за маму. Дольке — за маму и оставленного на маму Яна-Христиана восьми лет, мальчишку хрупчайшей душевной организации. У женщины Лены дома старенькая мать с поломанной шейкой бедра... Там, на «свободе» они в страхе за нас. Считай, тоже в клетке, только холоднее.

Мальчики курят, их резиновые дубинки ручками продеты в обрешетку дверного окошка, покачиваются, не падают. Едем аккуратно, болтает едва-едва, словно внутри сытого слона. Клетушка новехонькая. Кто-то тщательно, хочется сказать «с любовью», выкрасил ее изнутри светло-серым.

Остановка. Один из пареньков-конвоиров вынимает из обрешетки обе дубинки, чтобы докуривающий товарищ руку не протягивал зря. Дверь открывается, выпускает немного дыма. Двух конвоиров сменяет один.

— Куда нас везут?

— В Жодино, наверно. В Минске заполнено все. Да и там не знают, куда людей девать. За голову хватаются.

Бодрый такой паренек. Прохаживается взад-вперед. Улыбается. Но дверь открыть нельзя, никак нельзя. И снега он дать не может. «Если открою, то следующим грузовиком за вами поеду».

— Скажите, а что там, в Минске? Совсем спокойно?

— Все приведено в готовность: СОБР, ОМОН, все...

— А сколько назвали процентов Лукашенко?

— Семьдесят четыре, кажется.

На все вопросы отвечает с улыбкой. И вновь движение. Странно, но не хочется ни с кем из соседей ни говорить, ни спросить даже имя или еще что-нибудь человеческое. Никто не спрашивает. Молчим. Но из женской клетушки доносится гомон. А конвоир не требует исполнять правило молчания. Почему же мы четверо такие?

Немного дремотного времени — и мы на месте. Неужто в Жодино?

Наш охранник выкрикивает номера, и стоящие внизу специалисты принимают очередного человека. Сначала женщин. Потом парней из маленьких каморок. Бегом. Из одиночки еще парень. Я не побегу.

Ступенька высоченная, и я мешкаю на ней. «Осторожно, скользко!» По лестнице в подвал — один милиционер поддерживает под руку. Во всех углах лабиринта люди в униформе. Спрашиваю как у доброжелательных прохожих: «А куда дальше?» Подвальное помещение. Металлические высокие двери? Тюрьма? Не соображу.

«Пошел!»

И вот: тесно, темно, люди. Прямоугольная комната размером немногим больше туалета в городской квартире. У узкой стенки бетонная ступенька-лавочка, на которой могут уместиться три человека. Сухо. Тепло.

Здесь оживленнее. Всякий нет-нет да и скажет что-нибудь. Пожалуется или понедоумевает. У одного кровь носом течет — давление. У другого — тоже, но причина в дубинках омоновцев. Паренек с эспаньолкой — его, арестованного в подземном переходе под площадью Независимости, прогнали через строй. Опытный, с 2001-го при политических беспокойствах. Знает об административных арестах, когда и какой вышел новый закон, ухудшающий наши нынешние перспективы — даже с юристом, что в центре карцера, препирается. «Теперь штрафы суммируются, а не снимаются», — настаивает битый. «И сколько с нас возьмут?» — «Тридцать пять минималок».

Почему-то мы думаем, что нам грозят штрафы. А у меня в голове: «Что выбрать — штраф или сутки, что лучше?» Прицениваюсь, как покупатель. Мысли переплавляются в дремотные сны и обратно.

Когда глаза привыкают к темноте, пересчитываю население камеры. Десять. Или одиннадцать. Или десять? Бр-р-р-р!

«Что эти лидеры оппозиции?! Никакого у них не было плана!» — серчает бойцовый парень с эспаньолкой. Но никто не подхватывает его мысль. «Ни за что не пойду больше ни на какие мероприятия. Знал бы, что будет так...» — грустит вслух другой, высокий. И никто не упрекает его в малодушии.

Все кем-либо сказанное повисает в нашем черном воздухе. Редко фраза одного нащупает ответную, поддерживающую мысль другого. Скажешь — и все. «Вот только на днях Шаламова читал. У него там...» — начинается в голове мысль, но я не произношу ее и даже не могу продолжить во внутренней темноте головы. Там тоже одинокие заключенные стоят прямехонько, слабо шевелятся и ждут своей очереди.

«Кафка... Вам не кажется, что все здесь... Нет, банально. Каждый уже сто раз подумал про Кафку». «А если взять и всем вместе навалиться, когда опять откроется дверь? По совету Солженицына, а?.. Нет. Стрельба будет. Их много, и никто не решится... Ради чего?»

Опять не хочется спрашивать имен. Даже в голову это не приходит. Будто знакомы мы и так. Или наоборот: сдали свои имена вместе с мелкой собственностью. Теперь общий у нас только наш черный воздух.

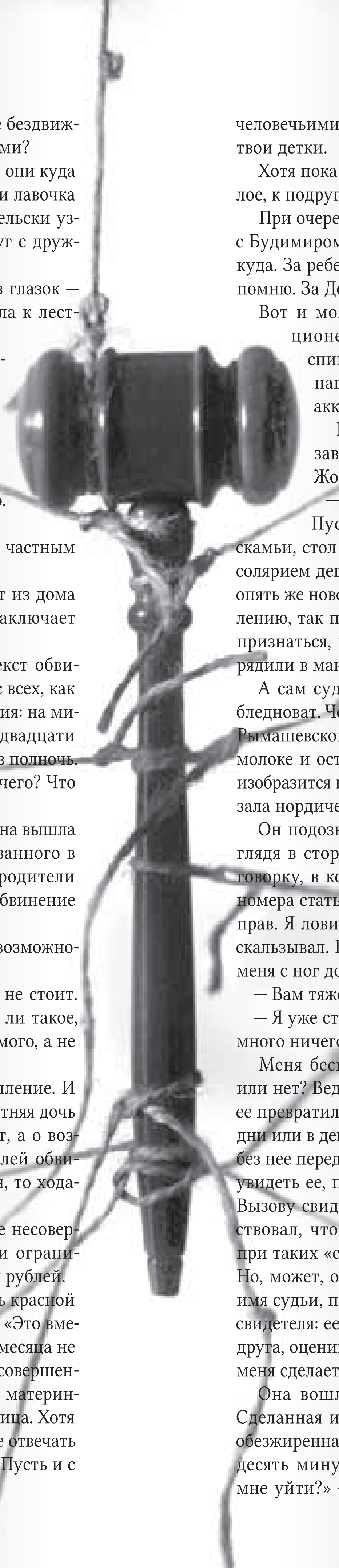
За дверью непрестанные выкрики: «Пошел!!!» — или очередная фамилия. Стукают запоры и створки. Ежеминутно. Тук. Тук. Работает механизм. На фамилию откликаются. Тук-тук. «По одному!!!» Тук.

— У меня одного ощущение полного отупения и покорности? Был такой Пауль... Господи, какой Пауль?! Дитрих. Дитрих Бонхеффер, погиб в нацистском застенке, священник. Он писал, что глупость — это состояние подчинения власти. Ты бессилен, покорен, и от этого становится не нужна значительная часть твоего ума. Я чувствую себя совершенно глупым сейчас.

— Так ведь не спали ж больше суток. Еще поэтому.

Над нами с механической периодичностью проделывают три работы: вызывают по фамилии — и ты уходишь; открывается дверь — охранник оглядывает густоту людей в камере, забирает одного или добавляет; переводят всех вместе в другую камеру. Замысел трудно угадать. Возможно, чтобы не было слишком тесно. В среднем при перестановках оставалось шесть-семь человек на один карцер.

Один раз выпускали в туалет (про туалетные затруднения в РОВД хорошо Долька написала). Там же можно было и попить из крана. Но я как-то не сообразил. А кто сообразил, смеялся: «Это только у нас может быть! Горячая вода есть, холодной — нет». Сколько мы ждали? Нисколько. Мы не знали, чего ждем.



Потому и вместо времени было рыхлое бездвижное настоящее. Как его измеришь часами?

У женщин имелся свет в лампочке, но они куда сильнее страдали от тесноты и духоты, и лавочка в их карцере была прямо-таки издевательски узкая. Девушки все перезнакомились друг с дружкой. А я вот нет. Из-за света?

Вызвали жену с моей фамилией. Я в глазок — красная смешноватая куртка мелькнула к лестнице, повели мою божью коровку.

Судья очень серьезно ознакомляла божью коровку с ее некоторыми правами, статьей обвинения и прочими важными вещами. Между судьей и подсудимой — рыженькая государственная защитница. Согласна ли божья коровка на такого защитника? Государственного.

БК: — А у меня есть выбор?

С: — У вас может быть соглашение с частным адвокатом.

БК: — Знаете, когда человек выходит из дома на прогулку в город, он обычно не заключает предварительно договоров с адвокатом.

Ладно. Пошел процесс. Быстрый текст обвинения — та самая «фабула», общая у нас всех, как родина и президент. Быстрые возражения: на митинге не была, из дому вышла после двадцати двух тридцати, а схвачена была чуть не в полночь. Показания двух «свидетелей» против чего? Что защитник скажет?

Скажет, что, по словам обвиняемой, она вышла из дому позже срока задержания, указанного в протоколе, подтвердить это могут ее родители и дочь. Поэтому защитник попросит обвинение снять.

С: — А как обвиняемая относится к возможности вызова упомянутых свидетелей?

БК: — Ну, дочь мою в суд вызывать не стоит. А родителей... Скажите честно, бывало ли такое, чтобы суд поверил родителям подсудимого, а не двум омоновцам?

Суд погрузился в минутное размышление. И постановил. Поскольку несовершеннолетняя дочь обвиняемой быть свидетелем не может, а о возможности свидетельства своих родителей обвиняемая сама не имеет никакого мнения, то ходатайство защиты отклонить, а...

Но! Принимая во внимание наличие несовершеннолетнего дитяти, сжалился суд и ограничился штрафом в миллион белорусских рублей.

Вздохнула божья коровка, обернулась красной девицей и говорит человечьим голосом: «Это вместо пятнадцати суток? Я столько за полмесяца не зарабатываю». «Ну раз у вас ребенок несовершеннолетний, то я полагаю, что ему нужна материнская забота», — снизошла до ответа судьица. Хотя на это суд отвечать не обязан, он вообще отвечать не обязан. На вопросы божьих коровок. Пусть и с человечьими голосами. Лети-лети на небко. Там твои детки.

Хотя пока не на небко, а в подземельице. Светлое, к подругам.

При очередном перегоне попадаю в одну тьму с Будимиром. Я улыбаюсь, а он нет. Угрюмее некуда. За ребенка переживает. Или из-за кого? Не помню. За Дольку?

Вот и моя фамилия. Я иду за ней и милиционером, напоминающим: «Руки за спину!» — по коридорам наверх, наверх, наверх. В коридоры с начальнически аккуратными нумерованными дверями.

В суд! Ура, в суд! Сегодня, сейчас! Не завтра, не через три дня! И... мы не в Жодино?

— Сюда.

Пусто-то как! Новенькие пустенькие скамьи, стол вдоль, стол сбоку с подрумяненной солярием девушкой, большущий стол с судьей в опять же ново выглядящей мантии (не по изготовлению, так по самому факту существования — я, признаться, не знал, что наших вершителей обрядили в мантии для полноты евродизайна).

А сам судья! Ого, ариец! Белокур, нордичен, бледноват. Чем-то похож на Рымашевского. Если Рымашевского долго откармливать, отмачивать в молоке и остужать при комнатной температуре, изобразится во плоти предстоящий мне в глубине зала нордический облик.

Он подозвал меня к деревянному пюпитру и, глядя в сторону, пробормотал судебную скороговорку, в которой я на слух не смог отличить номера статьи обвинения от моих бесчисленных прав. Я ловил его взгляд. Взгляд не ловился, выскальзывал. Вот только скорым мазком коснулся меня с ног до головы.

— Вам тяжело стоять? Можете сесть.

— Я уже столько сегодня настоялся, что еще немного ничего не изменит. Спасибо.

Меня беспокоило одно. Одна. Осудили уже или нет? Ведь я не знал о божьей коровке, во что ее превратили волшебники в черных мантиях? В дни или в деньги? Увидеть бы! Буду говорить, что без нее передвигаться по городу не могу. Увидеть, увидеть ее, перекинуться парой слов — главное! Вызову свидетелем. А как это сделать? Я почувствовал, что хочу защитника. Хотя, помнится, при таких «судах» защитники разве защищают? Но, может, она запишет для меня номер статьи, имя судьи, подскажет, имею ли я право на вызов свидетеля: ее, Будимира, Дольку. Глянем друг на друга, оценим обстановку. Уж эту мелочь она для меня сделает!

Она вошла. Блондинка со строгим лицом. Сделанная из ребра моего судьи. Только слегка обезжиренная. А судья без ребра вышел, дав нам десять минут. Секретаршу с собой забрал. «И мне уйти?» — спросил охранник. «А вам разве

можно?» — остановила его моя защитная блондинка. Не хотела совсем наедине со мной? Ведь я не в клетке.

Смешной ты человек, товарищ Чернец, ты в фильмах видал адвокатов: они сидят рядышком с подсудимым, шепчут ему на ухо чудодейственные подсказки, перекладывают бумажки и готовы поймать рывком руки любое его неосторожное слово.

А ребро? Оно как кость в горле расположилось посреди зала, между мною и судейским возвышением. Эдакий ближний судья, пониже, послабше. Я все понял, но не захотел сразу сдаться.

Могу ли я? — Можете, но судья не обязан. Я заявлю ходатайство обо всем, что Вы сочтете нужным, но. — Ладно. Я хотел бы узнать, здесь ли моя жена, чтобы вызвать ее свидетелем. — А как я могу это узнать? — Ну, позвоните... Вы можете позвонить и узнать, где она? — Точно так же, как и вы.

Она в ярости, или мне кажется? Я наверняка выгляжу пьяным или укуренным. Ни в коем случае не смешивайте бессонницу, арест, голодовку и обезвоживание!

— Все ясно. До свидания.

Надеюсь, теперь она точно в ярости. До сих пор во мне никто не вызвал такого отчетливого гнева: ни черные инопланетяне, ни слесари — монтажники липовых дел, ни коробочки, по которым нас пропихивал пищеварительный процесс правоохранения, ни крики, ни матюги. Вот только этой Брюнхильдочке удалось меня взбодрить. По памяти скользнул «Мыс страха» Скорсезе, рука тонущего Макса Кейди и его хрип: «Справедливость!!!» Как и с Кафкой, я тут же устыдился банальности сравнения и поскорее затоптал своего Макса в ил.

Photo.bymedia.net

— Ну как тебе это все? И прокурора не надо с таким адвокатом! — я подмигнул охраннику. Тот замялся.

— Вы, наверно, можете, когда мы будем идти вниз, спросить, где ваша жена, у дежурного офицера.

Привет, вновь ты здесь, рядом — совесть — неуловимая, вездесущая. Но какая стыдливая! Улыбнешься, как неистребимый Чеширский кот, и рассеешься опять.

Судья, вернувшись, поинтересовался, отчего это я «даю отвод» государственному защитнику, на что получил слегка пафосный (никогда не смешивайте бессонницу, арест...) ответ, что она-де не собирается, как мне кажется, отстаивать мои интересы. Я хочу позвать в качестве свидетеля...

А он захотел объявить перерыв в заседании. Чтобы дать людям в униформе время найти документ, способный облегчить мне наказание.

Вниз, вниз, вниз.

— Вот у него спрашивайте! — скорее телепатически, чем шепотом, подсказывает конвоир.

— Простите, не подскажете, здесь ли моя жена?

— Да откуда я могу знать, здесь ваша жена или нет?

— Она была арестована вместе со мной, она была...

Что же он мне ответил? Не помню. Помню узкую светлую камеру. Не просторную даже для тех троих, что там оказались. Это здесь ждали женщины. Но проходит минута, и камеру вновь нужно освободить. Нас же немного в сторону — и:

— Лицом к стене! Руки за спину!

Лицом к стене. Сколько? Полтора часа?.. полчаса?.. час?

Два инвалида плечом к плечу — ждут затерянных в правоохранительных внутренностях документов, что смягчают участи.

— Ты инвалид?

— Да, второй группы. А ты?

— Первой. А-а-а-а... по чем ты инвалид, извини?

Величественный парень, будто сам омоновец. Только пасмурный, без их пружинной бодрости.

— Онкология. Рак лимфатических узлов. С метастазами в легких. Ты сам минский?

— Ну да, а ты откуда?

— Из Гомеля. Приехал в онкоцентр. Должен был в понедельник ложиться, то есть сегодня. С остановки сняли. Не там вышел — плохо город знаю, понимаешь? О-о-о-х. Теперь, может, и не положат. Мест мало.

Справа приоткрыта дверь в небольшую столовую. Попахивает официальным супом. Блюстители отобедали. Недоеденное увозят в канистрах и ящичках. Господи, они и с едой обращаются, как с з/к! Или наоборот?

То и дело кто-нибудь из пообедавших окликнет по фамилии, уточнит: «Это вы — инвалид?» Или наоборот — спросит фамилию. Стоим.

Богатырь вздыхает. Смертельная болезнь изнурила его.

— Не могу поверить, что все это со мной.

— А зачем верить? Представляй, что это сон. Кошмар. Проснешься — и все.

— Эх, это я по армии помню. Там, бывало, забивался в угол так, стоял и плакал. Не от боли! От обиды. Но помнил всегда, что настанет день, и я отсюда выйду. Когда по контракту служил, всегда веселый ходил, всегда смеялся. Даже когда кашлять начал и положили меня в больницу — сказали, «туберкулез», — в больнице смеялся. Ничего — ведь вылечат. А тут меня врач вызывает и в лоб: «У тебя рак. Ты пожить еще хочешь?» — «Сколько?» — спрашиваю. «Ну, полгода где-то». — «Конечно, хочу». — «Тогда надо лечиться». Вот и приехал полечиться.

Рассказывал богатырь о своей доброй жене и о том, что не могут они детишек заиметь, пока химиотерапия. О депрессии от лекарств, когда небо с овчинку и никого не хочется видеть, знать...

Мимо провели женщин. Среди них — и мою в красной божьекоровковой курточке. «Тебя осудили?» — «Да, штраф». Женщин быстро прогоняют мимо.

— Лицом к стене!

Вопрос: «А тебе, Костя?» — уже не успеваю осмыслить.

Мой сосозерцатель стены любопытствует, как это нас угораздило. Рассказываю.

Чувствую, хватит. Нагеройствовался. Еще немного, и домой мне придется прыгать на одной ноге. Оборачиваюсь к группке надзирателей: «У меня протез проседает. Я больше стоять не могу». — «Да, конечно! Хорошо-хорошо». И проводили нас в обычную нашу темницу. Там пусто, и мы сидим в комфорте. Дремлю.

— Кажется, всю жизнь так сидел.

Да нет, он не прав. Или прав. Вокруг непроницаемое настоящее. Черное, как судейская мантия. Нет, как халат слесаря, — у нас такие были в школе на уроках труда.

Ну вот снова зал, и ариец в черном на судейском месте.

По протоколу я «принимал активное участие...», «выкрикивал...» — все по небылице, которую он сегодня зачитывал невесть сколько десятков раз. «Почему вы это не подписали?» — «Потому что неправда». — «А ваши собственные показания почему отказались подписывать?» — «Там графа имеется о том, что я ознакомлен со своими правами. Меня с ними не ознакомили». — «Ясно. Почему же вас задержали, как вы считаете?» — «Наверно, для количества. Галочку хотели поставить». — «У вас очень примитивное представление о работе правоохранительных органов. Ходатайства?» Я ему — про свидетелей.

Постановляет. Ходатайства отклонить. Присудить. В размере... Что составляет...

Вся процедура — пять минут. Детям прививку так делают.

В карцере просто дремлю. Зубчатые колесики уже не грохочут, а едва шелестят, несут меня, легкую нелетающую муху. Пусть несут.

— На выход!

Получаю свой пакетик с мобильным телефоном.

И вот — она!!!

Она улыбается до ушей, чуть не хохочет. И я. Когда-то за такие улыбки нас Будимир обзывал «смешариками».

Свобода? Свобода — это сила. Сила быть с любимыми человеческими существами. И сила вместе с ними действовать.

Мы еще долго беспорядочно действовали внутри огромного здания. Искали «открытый суд» над Будимиром, но одних обманно направили в кабинет, где никого, а других оттерли. Мы звоним, звоним и звоним, мечемся по коридорам, этажам, кабинетам. Натыкаюсь за одним из поворотов на гомельского богатыря. «Ну что, миллион?» — «Да. И тебе?»

И ему. Почему я не спросил его имени? Ведь этому человеку ой как понадобится помощь — и не только со штрафом. Буду получать свое судебное решение — узнаю.

Будимиру — 10 суток. Видимо, побоялись разрабатывать сотрудника «Радио Свобода». Боязливые. Хорошо.

Плохо другое. Из 87 содержавшихся в Ленинском РОВД — 5 оштрафованы. Два инвалида и три женщины, имеющие несовершеннолетних детей. Всех остальных — в суточные.

Курим на лестнице перед входом в стайке молоденьких правозащитников. Из-за здания вытягивается колонна грузовичков. Грузно покачиваются, не спешат. Раз, два, три... шесть.

— Если будешь писать, вспомни про зеленый фургон у Генриха Белля, — просит жена.

Пишу. Вспоминаю. В романе «Где ты был, Адам» в зеленом фургоне немецкие солдатики везли евреев на последнюю обработку, ехали, сентиментально беседуя над бутербродами с колбасой и фотографиями своих детей.

Конечно, конечно — «смешно». Я первый соглашусь, что пока — смешно и глупо сравнивать белорусские порядки с германскими времен третьего рейха.

Но осталось одно отчетливое ощущение.

Эти люди — милицейские офицеры и судьи — с такой же усталой неловкостью отправят людей на смерть, как они отправили их на десять-пятнадцать суток. Дело не в характере репрессии, а в механизме ее воспроизводства. Тик-так. Тук-тук. Он крутится без сбоев. И ни один увесистый офицер, ни один судья не дал зубчатым колесам споткнуться.

А надежда?

Есть.

Как ни странно — на рядовых омоновцев. Которые, возможно, откажутся стрелять, если менять свою жизнь выйдут более решительные и более понятные им массы. И на умеющих краснеть милиционериков. И на охранника, способного к шепчущей помощи. Это — песчинки в зубчатом механизме.

Но кто знает?

У граждан нету интереса...

Александр СМИРНОВ,
www.bbc.co.uk/russian/

Александр Смирнов: Никогда не писал «серьезных» стихов, потому что вокруг с детства были самые настоящие поэты. На всякий случай занимался физикой и математикой, закончил физфак МГУ. Играл в КВН — писал сценарии, стихи и песни.

Новогоднюю новостную тишину в этот раз нарушили несогласные... Борис Немцов получил 15 суток «за неповиновение» милиции.

Фото Елены Лебедевой-Хоофт

Согласно заявлениям многочисленных свидетелей задержания Бориса Немцова, обвинения в его адрес были сфальсифицированы, а решение суда неправосудно.

4 января 2011 года международная правозащитная организация Amnesty International признала Бориса Немцова, Илью Яшина и Константина Косякина узниками совести.

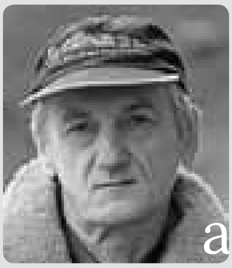
Вся страна в сто сорок миллионов варит холодец и рубит фарш, лишь Немцов, Косякин и Лимонов затевают свой поганый марш. Или просто митинг, или сходку, в сердце нашей Родины — в Москве. А в квартирах остужают водку и тихонько пробуют портвейн. Режут тонко колбасу из лошади, смазывают маслом пироги, а на самой триумфальной площади подло собираются враги. Вина льются белые и красные, сделана начинка для сластей, а на площадь вышли несогласные, обманув доверие властей. Канапе и голубцы наверчены, сделаны подарки для ребят, на врагов народных недоверчиво добрые омоновцы глядят. После каждой вражьей демонстрации нужно задержать опасных лиц, чтобы защитить от провокаций мирных граждан лучшей из столиц.

Водка проложила путь салатам, хрустнуло сто тысяч огурцов, всех патрульных посылает матом хулиган и диссидент Немцов. А безумный лидер всех лимоновцев, выглядящий, как интеллигент, чуть не покалечил трех омоновцев, обозвав их грубым словом «мент».

Жителей заснеженной столицы вот уже который год подряд защитил от козней оппозиции доблестной милиции отряд.

...Граждане во сне похмельном замерли, десять дней кошмара впереди, а Немцов сидит в уютной камере. И Косякин в камере сидит! Что-то вроде Северного общества, только, извините, — из низов. Да и журналисты тут не топчутся — все-таки не площадь, а СИЗО. Но Немцов — хитер и злонамерен, и сдаваться не желает он. Из кусочка мякиша, как Ленин, лепит он мобильный телефон! И на кнопки давит он скорее, и звонит в предательский журнал. Яшин — тот стучит по батарее, чтоб послать шифрованный сигнал. И шумит подкупленная пресса, интернет и радио шумят. Но у граждан нету интереса. Если только не считать меня...

Урок румынского



Александр ДУБРАВИН

Я был в Румынии во времена заката эпохи Николае Чаушеску. Многие детали того путешествия со временем забылись, осталось главное. Помню, что поразили не красота пейзажей и архитектура Бухареста, а мрачная атмосфера глухой вражды и неволи, разлитая, казалось, в самом обществе.

Чья страна?

Толстые решетки или тяжелые ставни на окнах, темные улицы, освещаемые лишь фарами автомобилей, угрюмые, исподлобья взгляды прохожих, полицейские патрули на перекрестках, вооруженные автоматами, с овчарками на длинных поводках, помпезный и безжизненный Дворец правителя, похожий на гигантский бетонный бункер, возвышающийся на огромной пустой площади, охраняемой на далеких подступах многочисленными людьми в штатском…

Это была атмосфера несчастья, прелюдия перед тяжелейшей кровавой драмой в масштабах Европы.

Я вернулся домой и вспоминал о Румынии редко, но всегда с чувством превосходства. Конечно же, думал я по своей наивности и молодости, такое невозможно представить у нас в Беларуси, где народ открытый и простой, а люди в руководстве хоть и себе на уме, хитрые да прижимистые, но зато добрые и неконфликтные. ДОБРЫЕ. Нет, у нас ТАКОЕ невозможно.

А ведь учил историю и знал, что каким-то образом в мире все время повторяется старая песня: группа людей или даже один человек получают неограниченную власть и начинают творить кровавый произвол, приводят свой народ и свою страну к полному крушению. В нашем сознании четко отпечаталось, что неограниченная власть — власть палачей, какими бы словами они ни прикрывали свое стремление к абсолюту.

Вообще-то любая власть — это стремление к произволу. Это ее закон и природа. Она может лукавить, маскироваться, притворяться, заигрывать с народом, но, если она в самой основе своей не ограничена — ни сроком, ни законом, ни институтами, — кто бы ни владел ею и какие бы идеи он ни провозглашал, власть кончает тем, что возводит в норму отношение к человеку как к материалу, страну считает своей добычей и рано или поздно устраивает повальный террор.

Чаушеску залил страну кровью, его самого без суда и следствия расстреляли его же охранники, бросили тело всесильного деспота на помойку. Прошли годы. Румыния хоть и стала свободной европейской страной, но до сих пор не может прийти в себя, словно куст экзотического растения, пострадавший от сибирского мороза. А я пишу о своей Беларуси, где у власти теперь люди непримиримые и конфликтные, где общество, как анчар ядом, медленно, но верно, наливается ненавистью. И я вдруг ловлю себя на мысли, что завидую румынам, у которых ЭТО уже позади.

Если бы нашу страну захватил враг, он прибрал бы к рукам все: промышленность, сельское хозяйство, торговлю, экспорт и импорт, средства массовой информации, бизнес, образование, науку и т. д. Запретил бы использование национальных символов. Создал бы мощный полицейский, пропагандистский и репрессивный аппарат, а вместо парламента и профсоюзов — марионеточные структуры, безвольные и бесправные. Издавал бы распоряжения вместо законов, назначал бы судей, полицейских начальников, банкиров, министров и наместников в провинциях. Превратил бы журналистику в пропаганду, чтобы с утра до ночи промывала населению мозги. Ввел бы негласную и гласную цензуру. Переписал бы на свой лад историю, стал бы вытеснять из обихода и образования белорусский язык и душить национальную культуру, предлагая взамен дешевый эрзац из глупых песенок, побасенок, книжонок…

Враг разделил бы граждан страны на плохих и хороших и стал бы их стравливать друг с другом, непомерно льстя одним, оскорбляя и унижая других. Освободил бы от наказания за преступления своих друзей, приятелей, соратников, сторонников. Он стал бы расправляться с неугодными любыми способами и приемами, ограниченными лишь его фантазией, разжигая в людях самые низменные страсти, насаждая в обществе страх, атмосферу вражды и неволи. Безумная радость унижать и уничтожать тех, кто выше и лучше

тебя, — это неутолимая страсть, которая ведет людей в никуда.

Мы выросли с ощущением причастности ко всему, что происходит вокруг. Нам больно видеть деградацию своей страны. Мы выходим на площадь и скандируем: «Жыве Беларусь!» Нас хватают на улице люди в черном, жестоко избивают, тащат сначала в автозаки, затем в суды, затем на нары.

Так чья же это страна? Кому она принадлежит?

Выходит, тот, кто сейчас у власти, не хочет, чтобы она жила, наша Беларусь. Он хочет ее заменить на что-то иное, на какой-то уже ясно ощущаемый эрзац, в котором нет места совести и чести, добру и справедливости. Нет места самой Беларуси.

Вот он какой

Чего мы сегодня, после Площади 19 декабря, имеем в избытке — так это насилия. Циничное, наглое, демонстративное пренебрежение правами человека, презрение к демократии, к закону, агрессивная государственная идеология, корпоративная мораль — все это утверждается решительно, упрямо, неотвратимо, словно некий инфернальный субъект пробует свои силы, укрепляясь во зле именно здесь, на этой земле. Словно уже пройдена какая-то точка невозврата, когда нужно было маскировать свою страсть к абсолютной власти и заключать ее в оболочку пристойности, облекать в благодушные словеса и тренькать на струнах сентиментальности. В эту морозную ночь мы все словно перешли Рубикон.

Перебирая на чердаке старые книги, обнаружил хорошо сохранившийся томик «Молодой гвардии» Александра Фадеева. Люди старой закалки и советской школы отлично помнят этот роман, классический образец патриотического произведения в рамках так называемого социалистического реализма. Открыл книгу наугад и словно прочел свои нынешние мысли, точно изложенные Фадеевым во второй половине сороковых прошлого века: «Юноше, вступающему в борьбу, она предстает в мечтах как беспрерывный ряд подвигов против насилия и зла. Но зло оказалось неуловимым и каким-то невыносимо, мерзко будничным».

«Люди, будьте бдительны!» — писал перед смертью в гитлеровских застенках чешский публицист Юлиус Фучик в своем «Репортаже с петлей на шее», имея в виду незаметность и будничность, с какими приходит насилие в жизнь людей, его лицемерие и подлость, мимикрию и невероятный цинизм.

Исподволь, очень скромно насилие приходит в нашу жизнь. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой, наглея от безнаказанности и вседозволенности, воодушевляясь от нашей нерешительности, возбуждаясь от своих успехов и наших поражений, маскируясь под добродетели. Продажная бюрократия ведет его за собой, как бычка на веревочке.

Вчера у вас, скажем, были права. Сегодня эти права за вами остались, но лишь формально, потому что теперь они ограничены некими циркулярами, поправками, дополнениями, принятыми кем-то, единолично или в узком кругу, буднично, между прочим, без обсуждения и гласности, всегда в интересах правящей верхушки. Конечно же, с самыми благими намерениями. Например, в Конституции записано: «Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы», — а признавать их противоречащими некому, кроме того, кто их написал и утвердил. Получается, что гражданин вышел на митинг в полном

Фото Сергея Балая

соответствии с Конституцией, которая гласит: «Свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется государством». А его бьют, бросают в тюрьму, выгоняют из вуза или увольняют с работы, потому что и на это есть у власти ответ: «Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом». Ну а законы о порядках проведения пишутся и утверждаются теми, кому эти самые демонстрации как кость в горле.

Вот так лукаво государственное насилие приходит в нашу жизнь и начинает ее выгибать по своим лекалам, прилагая к непокорным все большую и большую силу. Вначале эпизоды, потом — система. Вначале — милицейский газик или «Волга» госбезопасности, затем — автозак — душегубка на колесах. Вначале пятнадцать суток, затем — пятнадцать лет. Вначале стена во дворе изолятора временного содержания, затем — стена в подвале, залитом кровью...

Все это обязательно с градусом усиления, все по нарастающей. Вот вам и вектор дальнейшего развития.

Конечно, если сейчас организовать концлагеря в Беларуси — будет шок. Нужны лукавая постепенность, переход на новый уровень, еще выше по конвейеру жестокости и наглости. Можно и концлагеря назвать как-нибудь благозвучно. Например, «места для содержания протестного элемента».

Вначале будет шок, зато потом — привыкание. Помните, нас уже многое шокировало раньше, и ко всему мы уже привыкли.

Нежелательные параллели

Если, например, завтра правитель объявит о подготовке пилотируемого полета на Марс с космодрома в Барановичах — что будет? Правильно, в работу немедленно включатся пропагандисты. Телевидение обрушит на головы граждан массу аргументов «за», благоразумно умалчивая о доводах «против». Правительство будет искать и найдет деньги, отнимая их у пенсионеров, здравоохранения и культуры, получая кредиты, займы и выпуская облигации. Армия совместно с Академией наук представит поэтапный план подготовки к полету. В Барановичах начнут ровнять почву под космодром. Начнется набор в космонавты....

Признайтесь, вам ведь уже не смешно. Эта ситуация настолько реальна, что не вызывает отторжения. Мы привыкли к безумным идеям и знаем, что ничто абсурду помешать не сможет, если так захочет «самый главный».

А что, если он захочет проверить на практике модель строительства «мощной Германии» тридцатых годов или опыт Иосифа Сталина того же периода? Будет ли проект осуществляться, вопреки нашим представлениям, времени, здравому смыслу, возмущению общественности, протестам населения?

Будет.

Именно поэтому брутальный разгон мирной протестной демонстрации 19 декабря, избиения, издевательства, аресты кандидатов в президенты и демократических активистов, нескончаемая череда допросов, «чисток» и обысков, невероятная ложь государственных средств массовой информации, да и сами «выборы», выглядят сегодня новым, неизбежным и очень опасным усилением государственного насилия. Ведь противостоять этому произволу мирными, цивилизованными, законными средствами общество уже не может. Закон во всех его проявлениях показательно и назидательно растоптан. Следующий этап — открытая конфронтация общества и власти.

Выяснилось, что для проведения репрессивной внутренней политики есть не только ясно ощутимое стремление в верхах, но и созрели исполнители в низах. Мы ведь снисходительно усмехались, наблюдая по телевизору, как молодые белорусские парни крошат головами кирпичи и пенобетон. Тот, кто отбил собственную голову, никогда не будет ценить голову другого человека. Тот, кто «воспитан» бить по голове, никогда не будет терзаться муками совести.

Интернет наполнен свидетельствами невероятной, патологической жестокости «правоохранителей». Вот спецназовец в пестром камуфляже резиновой палкой избивает девушку, а потом ударом тяжелого ботинка ломает ей ногу. Вот группа неизвестных в штатском волчьей стаей набросилась на лежащего без движения человека и бьет ему по ребрам.

Зачем? Затем, что это — террор государственной машины, а не случайные эпизоды, как мы себя сейчас успокаиваем. Это логическое продолжение направления, взятого в 1994 году, — на получение абсолютной власти над страной. Уже взращены «поддержатели курса», хотя для многих из них нынешние дела — пока только первые, пробные поиски и находки, зондирование общественности, преодоление собственной робости, несогласованности и неуверенности. Некоторые исполнители пока еще утверждаются во зле, убивают свою совесть, впервые так явно топчут закон и мораль. Чтобы совести не было больно, нужно ведь какое-то время...

Нам дали урок румынского, после которого жизнь легко скатывается в пропасть.

Рандэву з быкамі

Напілісь быкі, скачуць па краіне,
Топчуць ручнікі капытамі ў гліне.
Скачуць па дварах, адчыняюць хаты,
Хто не пахаваўся — будзе вінаватым!

С. Міхалок («Грай»)

Кастусь ЛАШКЕВІЧ

«Ну што ты жалішся? Іншым было горш», — сказаў мне пасля майго расповеду адзін знаёмы. А я і не жалюся. Наадварот, падкрэсліваю, што мне пашэнціла больш за некаторых калег. Аднак я ўпэўнены, што тое беззаконне, якое было скіравана супраць нас усіх і кожнага паасобку, мусіць быць дэталёва зафіксавана.

Аб’ектам маёй рэпарцёрскай працы ўвечар 19 снежня стаў мірны мітынг апазіцыі ў цэнтры сталіцы. Нягледзячы на перашкоды, нам з калегамі ўдалося наладзіць, напэўна, першыя ў гісторыі Беларусі відэарэпартажы з месцаў падзей, і тое транслявалася ў жывым эфіры інтэрнэт-тэлебачання «TUT.BY-ТВ».

Мы паспелі зафіксаваць апошнюю зачыстку прылеглай да Белдзяржуніверсітэта тэрыторыі. Прычым, падчас фінальнага разгону я разам з некалькімі калегамі апынуўся акурат на шляху статка раз’юшаных быкоў у чорным. Нехта з рэпарцёраў пабег наўцёкі разам з натоўпам, у бок фізфака.

— Застаёмся на месцы! Мы журналісты — нас не чапаюць! — упэўнена скамандаваў калега побач. Мы паслупянелі, выставіўшы перад сабой бэйджы. Бачачы нашы пасведчанні, важакі чорнага статка страчвалі да нас інтарэс, працягваючы пагоню за тымі, у каго картак не было.

Разгон скончыўся. Бег побач спыніўся. Мы падышлі ўшчыльную да чорнай масы «пераможцаў», каб даведацца, што сталася з нашымі калегамі, якіх знесла разам з людскім натоўпам. Хутка калегі вярнуліся. Узрадаваныя, мы трохі адышлі ўбок. Даздымалі апошнія кадры, перадавалі выніковую інфармацыю. На нас не звярталі ніякай увагі, і праз колькі хвілін шыхты вярнуліся да зыходнай пазіцыі — упоперак уваходу ў метро «Плошча Леніна».

На той момант на сярэдзіне плошчы заставаўся толькі спецназ. Унутраныя войскі грузіліся па машынах.

Калегі з апаратурай селі ў таксоўку. Мы з сябрам-фрылансерам вырашылі не пакідаць адным рэпарцёра, які паставіў машыну ў горадзе, ды скіраваліся ў бок метро.

...Бык накінуліся на нас за некалькі метраў да ўваходу.

«На Кастусю была камізэлька з вялікім лагатыпам TUT.BY. І тут нейкі спецназавец тыцнуў у нас пальцам і кажа свайму напарніку: «Смотри, это те, кто в нас кидал снежками, давай этих животных замочим!» Потым яны сталі смяяцца. Мы не маглі чакаць, што такое здарыцца з журналістамі. Адзін з іх наляцеў на Кастуся, а другі — на мяне. Я бяру пасведчанне і тыкаю яму ў нос. Што было з Кастусём, я ў гэты момант не бачыў. Чамусьці мяне адкінулі ўбок, а не сталі пхаць у аўтазак», — распавядаў потым у інтэрв'ю калега з машынай.

Я нічога гэтага не бачыў. Бык, які падскочыў да мяне, не звяртаў аніякай увагі на бэйдж. Напэўна, не адразу, але да яго такі дайшло, што я журналіст.

— Ты поляк? — рыкнуў на мяне спецпрызнавец.

Ужо потым я даведаўся, што незадоўга да нас была затрымана журналістка польскай кампаніі «N.E.W.S. Informacje» Таццяна Бублікава, асуджаная ўрэшце на 10 сутак ізалятара. Напэўна, нас і бралі быкі са статка аднаго і таго ж пастуха.

Пачуўшы адмоўны адказ, бык зароў таварышам:

— О, по-белорусски говорит! Этот точно наш!

...З іроніі лёсу: напярэдадні мітынгу я некалькі разоў нагадваў калегам пра тое, як падчас Плошчы-2006 чорныя быкі затрымалі галоўнага рэдактара найстарэйшай беларускай газеты «Наша Ніва» Андрэя Дынька. Інтэлектуала і беларускамоўнага інтэлігента тады асудзілі на 10 сутак за «лаянку ў грамадскім месцы». Нічога не мяняецца: за Лукашэнкам беларуская мова застаецца маркерам «ворагаў народа».

Следам за мной у аўтазак пацягнулі і майго сябра-фрылансера. Прычым яго ўзялі як мінака, бо журналісцкі бэйдж хлопец згубіў падчас уцёкаў ад нядаўняй пагоні.

Нас адразу кінулі тварам у падлогу, што смярдзела фекаліямі. Пры гэтым кожны атрымаў некалькі ўдараў нагамі і дручкамі. Спрабуеш павярнуць галаву — атрымліваеш удар. Да нас там ужо ляжалі трое. Пасля ў аўтазак закінулі яшчэ некалькі чалавек.

Над усімі высіўся нервовы бык у чорнай масцы. Дарэчы, як паказалі далейшыя падзеі, ён быў самы малады і «добры» з тых, хто заходзіў «адведаць» наш аўтазак. Нам дазволілі ўзняцца ды сесці.

Тут у машыну заскочыў раз'ятраны ўзводны «масачніка».

— Будете знать, что такое спецназ! Спецназ — сила! Спецназ надо бояться! — роў ён у твар кожнага затрыманага, патрасаючы дручком.

У параўнанні з першым «добразычліўцам» гэты выглядаў сапраўдным д'яблам з налітымі крывёю вачыма.

— Ну что, теперь жыве ваша Беларусь? — паўтараў ён, раздаючы застрашальныя ўдары дручком.

Нас дваіх, праўда, пасля настойлівых заяў, што мы журналісты, больш не білі. А вось хлопца нападпітку, які пачаў гыркацца з быкамі, нагамі збівалі так, што страшна было глядзець. Калі хлопцу стала дрэнна і ён папрасіў дапамогі, нехта з суседзяў запытаўся:

— А что, если он тут умрет?

— Сдохнет — значит, закопаем. Или завезем в морг, — ці то пажартаваў, ці то прыгразіў узводны.

Было поўнае ўражанне: каб яму далі дазвол, ён бы, сапраўды, нас закапаў.

— Дебилы, посмотрите, за кем вы ходите за 10–20 баксов? — на поўным сур'ёзе хрыпеў бык.

— Там, в толпе, вы герои! А тут, один на один, кто на меня?! Тряпки, а не мужики! — не супакойваўся другі, узвышаючыся па-нада мной у поўнай амуніцыі з дручком у руцэ.

Усе пагрозы, загады і прыніжэнні ліліся ўперамешку з грубай лаянкай. Столькі мату я не чуў з часу службы ў войску.

Падчас экспрэс-«допыту» два маладзёны на лёгкім падпітку распавялі, што ўвогуле не былі на плошчы, а вярталіся з кавярні, дзе паміналі смерць дзеда аднаго з іх. Адзін з гэтых затрыманых хлопцаў таго ж дня вярнуўся з Санкт-Пецярбурга.

— Не знаешь, что в Беларуси выборы?! Дома надо сидеть! — адрэагаваў бык.

Час ішоў. У аўтазак яшчэ заскочыў быў бык-маёр, абклаў усіх шматпавярховым матам і знік. На пытанне, куды нас павязуць далей, быкі адказвалі, што ў Курапаты — месца масавага пахавання ахвяр сталінскіх рэпрэсій пад Мінскам. Разумееш, канешне, што на двары XXI стагоддзе і метады 1937 года ўжо не пройдуць. Але ад гэтага ведання надта спакайней не становіцца.

Характэрна, што на чорнай форме — ніякіх апазнавальных знакаў, акрамя надпісу «Спецназ». Каб ніхто потым не знайшоў крыўдзіцеляў. Каб чорныя быкі не адказалі за свой гвалт.

Хвілін праз 40 пекла нас адвезлі да будынка МУС, дзе перасадзілі ўжо ў міліцэйскі варанок. Урэшце, пасля чатырох гадзін утрымання ў РУУС Маскоўскага раёна Мінска я выйшаў на волю.

«Ну што ты жалішся? Іншым было горш», — сказаў мне пасля расповеду адзін знаёмы. А я і не жалюся. Наадварот, падкрэсліваю, што мне пашэнціла больш за некаторых калег, якія ў ноч той «Крывавай нядзелі» засталіся ў міліцэйскіх пастарунках, а раніцой былі асуджаныя на 10–15 сутак.

...Дадому я вяртаўся а 6-й раніцы. Свежае марознае паветра, ні з чым не параўнальнае адчуванне свабоды. Там, за спінай, засталіся быкі і аўтазак, міліцыя і РУУС, бітма набіты дзясяткамі затрыманых, збітых і прыніжаных людзей, ледзь не добрая палова якіх былі выпадковымі мінакамі. А тут перад вачыма прачынаўся горад. Нібыта абыякавы да Плошчы і паламаных лёсаў сваіх жыхароў, суседзяў, суайчыннікаў. Да ўсяго таго, што адбылося ў «Крываваю нядзелю»...

Грай! Шукай! У снах юнацкіх твае мары!
Грай! Гукай! Вясны зялёнай цёплай чары!
Грай! Спявай дружна песні райскай волі!
Грай! Грай! Гані быкоў — вярнецца доля!

«Меня никогда не насиловали. Но теперь я знаю, что это такое»

Елена ЯКЖИК

«Яркая кокетка с мраморной кожей и смешной фамилией». Эту загадку любой из моих знакомых коллег разгадает сходу: Таня Бубликова! Лично я не могла и представить себе эту девушку в тюремной камере. Но президентские выборы сделали это реальностью.

Татьяна Бубликова во время работы вечером 19 декабря на Октябрьской площади

Фото Александра Зенкова

Белорусская журналистка Татьяна Бубликова, работающая на польскую компанию «N.E.W.S. Informacje», была задержана поздним вечером 19 декабря у метро «Площадь Независимости». На доводы, что она репортер, а также на предъявление журналистского удостоверения и документа с редакционным заданием, спецназовцы не обратили внимания. Таню вместе с другими людьми, среди которых был и репортер Анджей Почобут (корреспондент «Gazety Wyborczej»), забросили в автобус типа «сотки», после чего отправили по маршруту через Окрестина в РУВД Октябрьского района.

— В автобусе кто-то возмущался, кто-то старался передать побольше информации близким по телефону, у кого-то был тихий шок. Я постоянно плакала, — *рассказывает Таня.*

«В РУВД Октябрьского района ко мне подошли милиционеры и, чтобы удалось сделать фото, стали держать голову руками»

— В РУВД Октябрьского района я все время возмущалась: почему задержана, какие предъявляются обвинения? Из-за этого меня отправили на ночь в дежурку, — *продолжает рассказ коллега.* — В дежурке было несколько человек. Один — постоянно кашляющий, второй — сексуально озабоченный, который под смех милиционеров несколько раз объявил, что хотел бы со мной переспать.

Под утро меня повели на досмотр. Там, в большом зале, по периметру сидели милиционеры — видимо, отдыхали. Центр помещения, где стояли я и досмотрщики, был как будто сценой. Женщина ощупывала меня без эмоций, а сотрудник милиции Н. Колесников (имени не знаю) осматривал мои одежду и сумку. Он постоянно отмачивал сальные шутки сексуального характера, переходил на крик, близко наклонялся к моему лицу, всячески хотел меня унизить. За этим процессом наблюдали все те, кто сидел по периметру, и смеялись.

У меня очень быстро сдали нервы. Я рыдала. Колесников вывалил содержимое сумки на стол. И, увидев листок с моим редакционным заданием, с подколкой сказал: «А! Так ты у нас кооорреспонде-е-ентка!»

Меня никогда не насиловали. Но, кажется, что именно в таком состоянии находятся люди, которых изнасиловали. В тот момент я пережила публичное психологическое групповое изнасилование.

После досмотра, примерно в 9.00 20 декабря, Таню повели на дактилоскопию. Она отказалась сдавать отпечатки,

ссылаясь на то, что ее статус неясен и в связи с этим у правоохранителей нет полномочий проводить процедуру.

— Я сжала руку в кулак, — *вспоминает Таня.* — Тогда один сотрудник начал выкручивать руку, пытаясь разжать пальцы. Плача, я держалась до последнего. За всем этим действом наблюдала женщина в погонах. Она смотрела на меня — и ей было все равно. Наконец, им это удалось. Моя рука стала черной — отпечатки взяты. И тогда меня перевели в другую комнату — фотографировать. Там со злости я вымазала чистейший белый подоконник черной краской. Кричали, но стало безразлично. «Фотограф» спросил, хочу ли фотографироваться. Отказалась. Тогда ко мне подошли милиционеры и, чтобы удалось сделать фото, стали держать голову руками. Все лицо к этому времени у меня было черное — от туши и черной краски. Позже поняла, — когда ту же процедуру все женщины прошли уже в ИВС, — что в РУВД пальчики и фото срочно делали для КГБ.

Подземелье Дома правосудия

В Доме правосудия с Таней и другими женщинами еще до суда обращались как с арестантами. Ее и еще четверых отвели в подземелье, где посадили в камеру размером «с четыре холодильника» (такие камеры называют «стаканом»). Сидеть всем было невозможно. Так что женщины присаживались на пол по очереди.

— Охранница с грубым голосом на просьбу дать воды отвечала: «Пить в туалете». Но, когда нас водили в туалет — там никто не пил. Вода была горячая, — *продолжает Таня.* — Уже в зале суда попросила воды у охранников. Не дали, хотя сами у нас на глазах попивали кока-колу. Две бутылочки принес журналист «Еврорадио». Спасибо ему большое за это.

Изолятор с «человеческим» лицом

В ИВС Татьяна Бубликова, которая по рекомендации адвоката согласилась с обвинениями, что «участвовала в несанкционированной акции» (рассчитывала на штраф и свободу), попала на 10 суток административного ареста.

— В ИВС работают нормальные люди, — *сравнивает журналистка.* — С нами не говорили матом, выводили в туалет, предлагали воду. Охрана закрывала глаза, когда в туалете те, у кого были телефоны, писали СМС близким.

Задержанные и осужденные женщины пережили полный досмотр. Со снятием нижнего белья и раздвиганием ног. После этого всем нам раздали матрасы, покрывала (последним не хватило, поэтому в камерах накрывались пальто и куртками) и развели по камерам.

Нас в камере, рассчитанной на 8 человек, сидело 13. Сидели — это в буквальном смысле. На самом деле сидеть можно было или на полу, или на лежанке. Полноценно ходить было невозможно — только переступая через людей, которые лежат. 23 декабря к нам подселили еще одну женщину — не «политическую», избившую свою свекровь. Ей вовсе пришлось лечь на проходе. «Контрольным выстрелом» стало то, что в «Комсомолке» написали о том, что у нас трехразовое питание, а на самом деле кормили дважды в сутки. Нервы сдали, хотя мы старались держаться и даже, чтобы размяться, по вечерам занимались гимнастикой и йогой. Мы потребовали улучшения условий содержания.

Начальник ИВС Владимир Нагибо, которому я и еще несколько женщин передали заявление, просто засунул его в карман. Он даже не выслушал. Это очень расстроило, мы были подавлены. Нас расселили только на следующий день. Это произошло после того, как у моего адвоката состоялся разговор с начальником.

Я и еще две женщины оказались в «двушке». Голодовку многие прекратили (в том числе и я), хотя кто-то продолжал голодать. Дело доходило до обмороков.

Вообще, в тюрьме сложно ощущать себя женщиной. У нас не было зеркал, мы были вонючие, хотя не чувствовали этого, привыкнув к запаху. Передавали друг другу ароматизированный крем для рук, — только чтобы понюхать. Так хотелось свежести.

Перед тем, как мы должны были выйти на свободу, начальник ИВС Владимир Нагибо вручил нам квитанции. В них значилось, что за каждый день содержания мы должны 7 тысяч рублей. «Надеюсь, вы не будете дядю Володю у изолятора сторожить», — сказал он на прощание, имея в виду, что кто-то из нас станет ему мстить.

Наш разговор

Это интервью я брала у Тани на следующий день после ее освобождения. Она рассказывала о своих «приключениях» методично, почти без эмоций. Зато я, на другом конце провода, не смогла сдержать слез из-за несправедливости и таких издевательств.

— Ты в школьных столовых дежурила? — *вдруг спросила Таня.*

— Да...

— Помнишь, как тряпки воняют?

— Да.

— Я приехала домой, вошла в ванную комнату, понюхала одежду и волосы и поняла... Я пахну, как та самая тряпка. Это отвратительно.

Свобода в несвободной стране

В тот же день, 30 декабря, Таня обжаловала в суде высшей инстанции свой приговор. Решение было, как и предполагалось, не в ее пользу. Суд посчитал, что приговор первой инстанции был объективен.

После этого Татьяна — журналистка, которая несколько месяцев назад переехала работать в Минск и воодушевленно делилась планами на будущее, — без оглядки рванула на новогодние праздники домой, в Гомель.

— Сегодня я сильно не плачу, — *подытожила тогда Таня.* — Только несколько раз в день. Думаю о доме, о родных.

А через две недели мы встретились с ней на Немиге. Бубликова сменила цвет волос на «спелую вишню» (то есть теперь не рыжая и не блондинка). В ответ на комплименты, смущаясь, улыбалась.

— Ты уже много обдумала. Так чего там не хватает больше всего? — *поинтересовалась я.*

— Самое страшное — недостаток информации. Так что каждую газету мы читали вслух и пускали ее по кругу, чтобы можно было рассмотреть фотографии. А еще — не хватает любимого человека рядом, — *смеясь, добавила она.*

Шутница :)

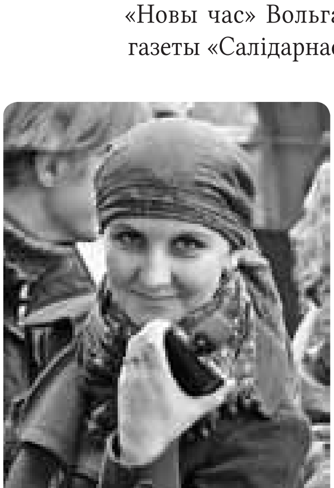
«Працоўныя» моманты

Пры разгоне грамадзянскай акцыі 19 снежня на плошчы Незалежнасці ў Мінску пацярпелі нашыя калегі. Пацярпелі, бо выконвалі свае прафесійныя абавязкі, пацярпелі, бо выкарыстоўвалі сваё права знаходзіцца ў самай гушчы падзей, пацярпелі, бо забяспечвалі канстытуцыйнае права грамадзян Беларусі на атрыманне аб'ектыўнай інфармацыі...

Вось такая яна, праца незалежных журналістаў — непрадказальная, рызыкоўная і нават небяспечная.

Але мы выконваем сваю справу. Пераступаючы праз боязь атрымаць амапаўскай дубінкай па галаве, пераадольваючы элементарную ўласную асцярогу. Напэўна, таму, што па-іншаму не ўмеем. А яшчэ мы не хочам і не будзем маўчаць. Інакш краіна будзе жыць у немаце.

Вечарам 19 снежня на плошчы Незалежнасці сярод іншых працавалі карэспандэнт газеты «Новы час» Вольга Хвоін і журналіст інтэрнэт-газеты «Салідарнасць» Руслан Гарбачоў.



Вольга ХВОІН: «Я не магу сказаць свайму сумленню: «Маўчы!»

— Вольга, што ты ўбачыла на плошчы, што цябе здзівіла і, магчыма, збянтэжыла?

— Насцярожыла тое, што людзей пусцілі на пляцоўку перад Домам урада, за помнік Леніну. Вулічныя акцыі амаль ніколі не адбываюцца на гэтай плошчы. А калі дэманстранты туды і даходзяць, то супрацоўнікі спецслужбаў не пускаюць людзей далей за помнік. А ў гэты раз людзі маглі падысці да самых дзвярэй. Было адчуванне, што падзеі разгортваюцца не традыцыйна, а па нейкім невядомым плане.

Калі пачалі біць вокны, дзверы ў Доме ўрада, лідары апазіцыі былі не радыя такому павароту падзей. Калегі гаварылі, што Андрэй Дзмітрыеў у адчаі выкрыкнуў: «Да гэтага мы перамагалі, а цяпер — канец!»

Разабрацца ў хітраспляценнях палітыкі, якая ў Беларусі робіцца насамрэч не на плошчах, а ва ўладных калідорах, няпроста. Але тое, што ў Доме ўрада былі спецназаўцы, якія не выйшлі адразу, каб абараніць будынак, выклікае мноства пытанняў...

— Вольга, у цябе немалы досвед працы падчас вулічных акцый. Ці было прадчуванне жорсткага разгону маніфестацыі?

— Так. Я пастаралася адшукаць найбольш небяспечнае месца з добрым сектарам агляду. Таму пачатак разгону, манеўры сілавікоў былі як на далоні.

Уразіла, як супрацоўнікі ў цывільным групамі па 5–8 чалавек выхоплівалі людзей з натоўпу і збівалі іх нагамі. Увогуле ўсё выглядала даволі брутальна.

У пэўны момант я апынулася на ўжо «зачышчанай» тэрыторыі і зразумела, што ў такім вэрхале наўрад ці хто будзе глядзець на маю прэс-карту. Вырашыла абмінуць натоўп з боку педуніверсітэта, але трапіла ў людскі вір, які да таго ж пачалі з трох бакоў сціскаць амапаўцы. Натоўп проста некуды нёс — па клумбах, бардзюрах. Баялася паслізнуцца і зваліцца. Апынулася ў месцы, дзе шэрагі амапаўцаў, вайскоўцаў з дубінкамі і шчытамі амаль сышліся. Спрабуючы вырвацца, я пачала крычаць вайскоўцу, што я журналіст, прэса! У адказ пачула брыдкую лаянку, потым гэты «прадстаўнік правапарадку» схапіў мяне за горла са спіны, штурхнуў на шчыты амапаўцаў. Але я зноў вярнулася да вайскоўца з тымі ж словамі, на што ён у чарговы раз абклаў мяне матам, схапіў за горла, а потым проста выкінуў на праезную частку. Добра, што рух транспарту на той момант быў часткова спынены.

Пазней, аналізуючы гэтыя падзеі, прыйшла да высновы, што людзей ратавалі зімовая вопратка, шалікі-пальчаткі. Інакш бы сінякоў ад моцных удараў было значна больш. Пасля ўбачанага магу сказаць: на тое, што ты журналіст ці дзяўчына, ніхто не зважаў. Натоўп быў асляплены страхам, а амапаўцы-вайскоўцы — шалам бойкі. Я разумею, што ў такіх сітуацыях у чалавека адбываецца моцны выкід адрэналіну, працуюць інстынкты, а не розум. Аднак ведаю і тое, што мяжа апантанасці сілавікоў залежыць ад каманды зверху.

— На тваю думку, ці быў адмысловы загад «нейтралізаваць» менавіта журналістаў?

— Не магу сказаць, ці быў такі загад, але думаю, што была каманда не цырымоніцца з намі і класці ўсіх тварам у асфальт. Што з прэсай і рабілі. Бо, калі ёсць загад не чапаць журналістаў падчас масавых акцый, то гэта збольшага выконваецца.

— Ты на ўласным досведзе даведалася, што незалежная журналістыка ў Беларусі — прафесія небяспечная. Пасля ўсяго, што ты перажыла, не ўзнікла жадання сысці з прафесіі?

— Жадання сысці з прафесіі не было. Але паменела талерантнасці ў дачыненні да людзей, якія хлусяць на дзяржаўных тэлеканалах і са старонак афіцыйных газет, якія бароняць сістэму, што трымаецца на сіле, а не на законе.

Для тых, хто працуе ў сферы СМІ ў Беларусі, цяпер ёсць некалькі варыянтаў пабудовы жыцця, прафесійнай дзейнасці. Працаваць у незалежнай прэсе, рызыкаваць стратай нерваў, маёмасці, а часам і здароўем. Ці працаваць у дзяржаўнай прэсе, сказаць «Маўчаць!» свайму сумленню і думаць толькі пра баршчы, рыбалку, кветкі. Я такога не хачу. Можна, канешне, увогуле сысці з прафесіі. Ці з'ехаць за мяжу і там наноў будаваць сваё жыццё, кар'еру. Аднак тым, хто абярэ першы і апошні варыянты, будзе надта няпроста.

Руслан ГОРБАЧЕВ: «Пока меня били, я даже не пытался встать»

— Я пришел на Октябрьскую площадь в Минске около 20.00, наблюдал за происходящим с самого начала. Вместе с толпой дошел до площади Независимости. И, ты знаешь, сперва у меня было четкое ощущение того, что ничего не предвещает столь брутальной развязки. Потому что никто из кандидатов в президенты, присутствовавших на митинге, не собирался ломать двери. Проходила обычная гражданская акция. Люди стояли у памятника Ленину. Я был свидетелем того, как экс-кандидат в президенты Андрей Санников сказал, что он и еще несколько человек идут на переговоры в Дом правительства.

И тут началось: несколько человек выскочили из толпы и, как по команде, начали бить двери Дома правительства. Я четко видел, как Виталий Рымашевский пытался остановить людей, которые начали бить окна, а Санников вместе с женой Ириной Халип находился перед ступеньками Дома правительства и даже не пытался на ступени подняться.

Позже я увидел, как с разбитой головой вышел из толпы Рымашевский. Я обратил на это внимание нашего фотографа. В этот момент на площадь выбежал спецназ, бойцы начали оттеснять людей от входа в Дом правительства.

— Как я понимаю, ты просто не успел вырваться из оцепления...

— Можно и так сказать. Я наблюдал за происходящим с левой стороны от Дома правительства — спецназовцы «отсекли» меня от основной массы людей, и я оказался прижатым к стене. У стены стояли пять человек в штатском. Когда я проходил между ними и бойцами спецназа, которые выстроились в многорядные цепочки, один подскочил ко мне и с криком: «Иди сюда!» — ударами в грудь и плечи повалил меня на землю, а его соратники принялись избивать меня ногами.

— Прокричать о том, что ты журналист, успел?

— А что толку? На мне был бэйдж с надписью «Пресса»... Когда я упал и меня начали бить, я, конечно, закричал, что я журналист. Может быть, это меня в какой-то степени и спасло от серьезных увечий. Когда они меня били, я даже не пытался встать...

Через какое-то время они меня подхватили и вытолкнули. Сознания я не терял. Когда меня избивали, то сорвали бэйдж. Из переделки я вышел практически целым: переломов не было, только ссадины на руках.

— Извини за банальный вопрос, тебе было страшно?

— Было. Особенно за разгоном людей со стороны было очень страшно наблюдать.

Представь, ты видишь, как спецназовцы бьют дубинками безоружных людей, как дубинки опускаются на головы... Ты стоишь в оцепенении и ничего сделать не можешь. А те, кто орудует дубинками, чувствуют свою безнаказанность и неоправданно, с остервенелой жестокостью, применяют силу к безоружным людям, вина которых только в том, что они пришли узнать о результатах выборов. Страшно...

— Руслан, как, на твой взгляд, работать журналисту в стране, где постоянно нарушаются гражданские и профессиональные права?

— Так же, как и раньше. Каждый из нас стоит перед моральным выбором, как и где работать. Так вот, я уверен, что журналисты, которые работали на площади, — настоящие профессионалы. Никто из них не нарушал общественный порядок, они просто выполняли свою работу. А как иначе? Ну не будешь же наблюдать за происходящим за 500 метров от событий?

И, ты знаешь, размышляя о том, что произошло в Беларуси 19 декабря, я только утвердился в мысли, что сейчас в государственные СМИ я работать не пойду ни за какие «коврижки». Я не понимаю, зачем туда идти и что там делать. На что тратить свои силы? Ведь там скорее платят за то, чтобы ты не писал о том, что видишь и чувствуешь.

Тюремная география

В то время, когда наших коллег, осужденных по надуманным и ничем не подкрепленным обвинениям, отправили «отбывать сутки» в следственные изоляторы, БАЖ делала все возможное, чтобы арестованные журналисты не чувствовали себя брошенными.

Мобильные группы волонтеров каждый день курсировали по маршруту: офис БАЖ — изоляторы. О том, кто и как оказывал помощь отбывающим административный арест независимым белорусским журналистам, рассказывает заместитель председателя Ассоциации **Андрей АЛЕКСАНДРОВ**.

— Поздно вечером 19 декабря в офис БАЖ стали звонить журналисты, которых задержали во время освещения акции. Они звонили прямо из «автозаков», переполненных людьми. Мы пытались давать им какие-то рекомендации. Утром 20 декабря в БАЖ начали составлять список задержанных и пострадавших журналистов. После того как прошли мероприятия, которые в Беларуси называются судами, и наших коллег «запаяли» на сутки, мы начали оперативно решать вопрос с передачами для арестованных.

Фото Алеся Пилецкого

Уже 21 декабря, в первые сутки отсидки наших коллег, мы повезли передачи членам БАЖ, которые находились в изоляторах на ул. Окрестина и ул. Скорины.

Ты знаешь, я был приятно поражен тем, что некоторые наши коллеги, члены организации бросили дела, позвонили в офис и вызвались работать волонтерами.

Надо сказать, что мы наладили эффективную систему. Работал штаб, кто-то занимал очередь возле изоляторов, кроме того была мобильная группа, которая передвигалась по маршруту от магазина до изолятора.

— Как принимают передачи для задержанных в Беларуси?

— Существует общий для изоляторов перечень того, что можно передавать.

Но у меня лично сложилось впечатление, что список этот абсолютно разный в разных изоляторах.

Например, некоторые наши коллеги сидели в Жодино — там одни правила, на Окрестина в Минске — другие, на Скорины — третьи. Причем эти правила могли меняться несколько раз в течение дня. Я думаю, что это зависело от присутствия или отсутствия гуманизма в сознании каждого конкретного дежурного милиционера в конкретный промежуток времени. Например, на Скорины принимали спальники, а на Окрестина не брали.

В один из дней поступила информация о том, что в изоляторе на Скорины берут еду. В первый раз, когда мы привезли туда передачу Тане Бубликовой и Юле Дранчук, из еды ничего не приняли, а только средства гигены и спальники.

Мы купили печенье, апельсины, яблоки. Эту передачу я и повез в изолятор. А там очень симпатичная сотрудница милиции пристально посмотрела на пакет с яблоками, сетку с апельсинами и пачку печенья. Потом все вскрыла и сказала: «Я могу передать два яблока и два апельсина». Взяла несколько печенюшек. Все остальное мне вернули под роспись.

Или вот еще случай, который поизошел накануне католического Рождества. Я повез передачу на Окрестина члену БАЖ Алексею Шеину. А там в тот день было два списка. Я не знаю, по какому принципу их составляли. Скорее всего, по принципу «политические» и «случайные». Крупная женщина на приемке довольно грубо меня встретила, вообще не заглянула в мой пакет. Только попросила написать на листке с перечнем того, что я передаю, мой телефон и номер паспорта. Бросила эту бумажку в пакет с передачей и куда-то ушла, предварительно указав мне на дверь. Я не уверен, что Алексей эту передачу получил…

— Некоторые члены БАЖ до сих пор находятся в СИЗО КГБ.

— В этой «конторе» своя специфика: передачи принимают с 10.00 до 12.00 три раза в неделю. В такие дни там очередь, и люди не всегда успевают уложиться в отведенный промежуток времени. Я два раза возил передачи члену правления БАЖ Сергею Возняку, и очередь почему-то на мне заканчивалась. Соблюдая все «письменные формальности», в КГБ за 2 часа успевают принять не многих. И даже видя, что в очереди остается 3–4 человека, в 12.00 прием передач заканчивают. Жаловаться некому и бесполезно.

Кстати, в канун Нового года в СИЗО КГБ поменялись правила. Если раньше принимали домашнюю еду, то 31 декабря объявили, что ничего такого больше брать не будут. Причем, людей заставляли переписывать заявления с перечнем продуктов, что значительно затягивало процесс передачи.

— Не видел ли ты у стен изоляторов коллег из государственных изданий? Ведь пострадали журналисты и из таких СМИ.

— Нет, не видел. И вообще, то, как освещали события 19 декабря государственные газеты и телеканалы, заставило меня усомниться в том, что мы с ними едины в призвании. Несколько последних лет, когда казалось, что диалог возможен, БАЖ пыталась идти на контакт с Белорусским союзом журналистов, задумывались совместные проекты с коллегами из государственных СМИ.

Наша позиция изменилась не сильно: мы за диалог, мы должны обсуждать наши общие профессиональные проблемы. Но то, как государственные СМИ освещали события 19 декабря и в последующие дни, не совместимо с понятием профессиональной этики. Мне неприятно это комментировать. Тут, как говорится, каждый выбирает по совести.

Падрыхтаваў Віталь ГАРБУЗАЎ

Журналісты сталі ворагамі?

Тое, што 19 снежня ў аўтазакі і міліцэйскія аўтобусы трапілі журналісты, нельга назваць выпадковасцю. Цягам двух апошніх гадоў фотакарэспандэнты, аператары, рэпарцёры сутыкнуліся з істотнымі перашкодамі для сваёй прафесійнай дзейнасці з боку сілавікоў.

Любоў ЛУНЁВА

Увечары пасля выбараў рэпарцёры, вядома, былі з тэлекамерамі і мікрафонамі. Амаль у кожнага на вопратцы — пасведчанне, добра бачнае за некалькі метраў. Міліцыя колькі гадоў запар настойвала на такіх «апазнавальных» знаках ды БАЖ раіла: у месцах здарэнняў, масавай актыўнасці журналіст выконвае свой прафесійны, абумоўлены законам, абавязак. Таму павінен працаваць адкрыта, што называецца, «без страху і папроку».

«Без страху і папроку» пэўны час амаль атрымлівалася ў сярэдзіне 90-х. Многія з нас памятаюць, што тады шматлікая рэпарцёрская каманда імкліва збіралася, ледзь пачуўшы пра не любімыя ўладамі вулічныя акцыі. Апекаваўся ж над намі Дзмітрый Партон, прэс-сакратар МУС. Элегантны, у стылёвым паліто, ён заўжды быў ветлівы, у добрым настроі. І — што па цяперашніх часах дзіва! — не дзяліў нас на штатных і пазаштатных, «чэсных» і «нячэсных», добра разумеючы: той, каму наканавана пісаць, усё адно напіша, знойдзе спосаб данесці да слухача і чытача інфармацыю пра падзеі з бурлівых вуліц.

Байцы спецпадраздзяленняў тады таксама лютавалі. Але Партон неаднойчы станавіўся паміж рэпарцёрамі і АМАПам.

Цяперашні штат прэс-афіцэраў у сініх камізэльках мае моду збіцца ў купку дзенебудзь падалей — і ад рэпарцёраў, і ад дэманстрантаў. Міліцэйскае начальства ўвогуле вельмі хацела, каб падчас вулічных акцый журналісты арганізавана стаялі ў агароджаным «загоне». Але прафесія вымагае бачыць і чуць не толькі тое, што жадае міліцэйскае начальства. І рэпарцёры ідуць у гушчыню падзей, дзе разлічваюць толькі на сябе і напісанае на

бэджах слова «прэса». Мы ўжо забыліся, а шмат хто і не ведае, што ў асобе прэс-афіцэра МУС да нас і павінны прыходзіць дапамога і абарона. Як пацверджанне, між іншым, пэўных палажэнняў Закона аб друку.

Прэс-афіцэраў у той вечар на плошчах увогуле не было заўважна. Ні на Кастрычніцкай, ні на пляцы Незалежнасці.

Тое, што журналістаў штурхалі, некаторых збівалі з ног, білі дубінкамі па галаве і па руках, яскрава сведчыць: салдаты ўнутраных войскаў і міліцыянеры, калі і мелі, то зусім не абарончыя інструкцыі ў дачыненні да прэсы. Можна, канешне, дапусціць, што інструкцый увогуле не было і таму дзейнічалі «па абстаноўцы». Але цяжка паверыць, што сілавікі нават праз шчыліны шлемаў не бачылі аб'ектываў, мікрафонаў, бэджаў з надпісам «прэса»…

За паўгадзіны да таго, як зачыніліся ўчасткі для галасавання, на вуліцы Няміга, каля штаба Уладзіміра Някляева, карэспандэнтаў пад акампанемент выбухаў шумавых гранат кідалі тварам у снег. Нікому не дазвалялі здымаць. Спецназаўцы зрэагавалі толькі на вокліч: «Мы — первый канал!» Узялі з сабой гэтую групу. А калі праз пэўны час высветлілі, што той «первый» — расійскі, сказалі: «Не з тымі, хлопцы, працуеце…»

Быў час, ужо пасля Партона, калі спецназаўцы мелі загад не чапаць журналістаў. І нават падчас нейкіх сутычак рабілі калідор ці выцягвалі рэпарцёраў з натоўпу, кантралявалі, каб прадстаўнікоў прэсы не «загрузілі» ў аўтазак. Калі ж высвятлялася, што разам з затрыманымі ўдзельнікамі акцыі ў міліцэйскі пастарунак трапілі журналісты, іх адпускалі. Канешне, нельга казаць, што ўсё было ідэальна. Натуральна, не абыходзілася без эксцэсаў, але на вулічных акцыях працаваць было значна лягчэй, чым у апошнія два гады.

На пачатку 2009 года ўсё рэзка змянілася. Тыя ж спецназаўцы падчас так званай зачысткі пачалі закрываць спінамі і далонямі аб'ектывы тэлекамер, штурхаць журналістаў. Бывала, што карэспандэнтаў папросту абступалі і не давалі здымаць.

Узгадайма: менавіта гэткім чынам у 2000 годзе дзейнічалі салдаты вайсковай часці № 5448 на плошчы Якуба Коласа. Тады міністрам унутраных спраў быў Юрый Сівакоў. У той год 25 сакавіка на журналістаў вялося паляванне. Рэпарцёраў закідвалі ў аўтазакі (яшчэ старога ўзору), потым адвезлі на тэрыторыю вайсковай часці, што на вуліцы Маякоўскага, дзе больш як 40 чалавек зачынілі ў ангары.

Дык, можа, у гэтай гісторыі і крыецца адказ на пытанне: што здарылася са спецназам за апошнія два гады? Сёння бясстрашнымі байцамі кіруе былы камандзір той самай брыгады ўнутраных войскаў Аляксандр Лукомскі…

Журналісты недзяржаўных выданняў, якія і без таго адчуваюць прэсінг з боку ўладаў, цяпер не могуць паводле закону свабодна асвятляць падзеі падчас вулічных акцый. Збіццё ж спецназаўцамі затрыманых у аўтазаках і мікрааўтобусах стала звычайнай практыкай. Зламаную тэле- і фотаапаратуру, чэрапна-мазгавыя траўмы мы фіксуем амаль пасля кожнай вулічнай акцыі. Няўжо гэта задавальняе цяперашняе кіраўніцтва МУС? Наўрад ці, бо зняславіліся на ўвесь свет. Дык, шаноўныя палкоўнікі ды генералы, выпраўляйце сітуацыю. Ці гэта не ў вашай кампетэнцыі?

Дарэчы, АМАП стваралі ў 90-я менавіта з мэтай аховы грамадскага парадку падчас масавых акцый. Мэта ўключала ў сябе і разгон гэтых акцый. Бо трагічныя падзеі ў Тбілісі прымусілі тады наш урад тэрмінова стварыць адпаведныя падраздзяленні, распрацаваць тактыку іх паводзінаў і вызначыць межы ўжывання сілы супраць мірнага насельніцтва. Для гэтага падбіраўся персанал, складаліся адпаведныя інструкцыі, праводзілася навучанне.

Камандзіры павінны былі сачыць за падначаленымі. Нельга было дапускаць празмернага ўжывання сілы, нецэнзурную лаянку, ствараць сітуацыю, калі ў натоўпе магла ўзнікнуць паніка і г. д.

А што цяпер? АМАП, які сёння стаў палком міліцыі спецыяльнага прызначэння, забыўся на інструкцыі сваіх заснавальнікаў? Ці шараговыя байцы, якія і раней не вызначаліся асаблівым тактам, атрымалі «адмашку» ад новых камандзіраў і дзейнічаюць па прынцыпе «вайна ўсё спіша»?

Дарэчы, гісторыя былых савецкіх рэспублік сведчыць, да чаго прыводзіць падобная тактыка сілавікоў. Можа, таму мы іх цяпер і называем былымі…

RE-pressing:

Захад шакаваны дзеяннямі беларускіх уладаў у дачыненні да журналістаў

З першага дня за падзеямі ў Беларусі і гвалтам у дачыненні да журналістаў сачылі дзясяткі міжнародных праваабарончых арганізацый. Заявы пратэсту прымалі і нацыянальныя журналісцкія саюзы, і транснацыянальныя карпарацыі, і палітычныя інстытуцыі.

Амаль 30 нашых калег былі затрыманыя, столькі ж — збітыя. Паламаная і адабраная апаратура стала толькі пачаткам вялікага «зносу» камп'ютараў, ноўтбукаў, дыктафонаў і відэакамер, якія канфіскоўвалі ў рэпарцёраў і з рэдакцый цягам наступных тыдняў.

Супраць сілавых дзеянняў у дачыненні да беларускіх і замежных журналістаў выступілі АБСЕ, Міжнародная федэрацыя журналістаў, «Рэпарцёры без межаў», Саюз журналістаў Расіі, украінскі рух «Стоп цэнзуры!», Саюз журналістаў Літвы, Асацыяцыя журналістаў Іерусаліма (JAJ), Нарвежскі саюз журналістаў, Сетка Дамоў правоў чалавека, Amnesty international, Камітэт абароны журналістаў (CPJ), Асацыяцыя польскіх журналістаў і многія іншыя.

«Міліцыя павінна дапамагаць рэпарцёрам, якія перадаюць інфармацыю з месца публічных падзеяў, а не біць і запалохваць, разбіваць іх абсталяванне і знявольваць іх», — адзначыла ў сваёй першай заяве прадстаўніца АБСЕ ў пытаннях свабоды СМІ Дуня Міятавіч.

Праз некаторы час спадарыня Міятавіч зноўку вярнулася да тэмы ціску на журналістаў у Беларусі, накіраваўшы ліст на імя міністра замежных спраў Сяргея Мартынава. У ім прадстаўніца АБСЕ патрабавала вызвалення з-за кратаў журналісткі расійскай «Новой газеты» Ірыны Халіп і рэдактаркі «Хартыі-97» Наталлі Радзінай.

Дуня Міятавіч запэўніла беларускія ўлады, што гатовая ў хуткім часе наведаць Мінск і праз офіс АБСЕ ў беларускай сталіцы дапамагчы Беларусі вярнуцца да нормаў свабоды сродкаў масавай інфармацыі. Вось толькі ці будзе працаваць у Мінску той самы офіс — пакуль пытанне адкрытае.

Міжнародная федэрацыя журналістаў абвінаваціла беларускія ўлады ў «гвалтоўным запужванні і запалохванні» журналістаў, якія асвятлялі мірную акцыю пратэсту ў Мінску 19 снежня.

«Беларусь ніколі не дасягне статусу дэмакратычнай краіны, пакуль яна сістэматычна здзяйсняе гвалт у дачыненні да незалежных медыяў і свабодных журналістаў. Без свабоды прэсы дэмакратыя немагчымая», — дадаў Эйдан Уайт, генеральны сакратар МФЖ.

Шакаваная ціскам на журналістаў была і міжнародная праваабарончая арганізацыя «Рэпарцёры без межаў». Тым больш, што падчас перадвыбарчай кампаніі беларускія ўлады не толькі на словах дэкларавалі лібералізацыю ў краіне, але і рабілі рэальныя крокі ў гэты бок. Напрыклад, акрэдытавалі на выбары ў краіне каля 400 замежных журналістаў, што было рэкордам у параўнанні з папярэднімі выбарчымі кампаніямі.

Між тым затрыманні і збіццё журналістаў паказалі, што ўлады не гатовыя «мірыцца» з прафесійным і адказным стаўленнем рэпарцёраў да сваіх абавязкаў, з іх прысутнасцю не толькі на прэс-канферэнцыях, але і на месцах падзеяў.

«Рэпарцёры без межаў» выказалі свой пратэст супраць «паліцэйскай жорсткасці ў дачыненні да супрацоўнікаў СМІ», супраць таго, што сілы правапарадку «вырашылі не адрозніваць журналістаў ад маніфестантаў, замінаючы ім выконваць прафесійныя абавязкі».

«Гэта «савецкі» спосаб стрымаць крытычнае асвятленне падзеяў падчас перыядаў

напружання, — заявіла каардынатарка праграм Камітэта абароны журналістаў у Еўропе і Цэнтральнай Азіі Ніна Агнянава. — Мы заклікаем прэзідэнта Лукашэнку забяспечыць неадкладнае вызваленне ўсіх зняволеных рэпарцёраў, а таксама дазволіць ім працягнуць працу без пагрозы рэпрэсіяў».

Не засталіся абыякавымі да падзеяў у Мінску калегі з краінаў-суседзяў. Саюз журналістаў Расіі прыняў адмысловую заяву з нагоды ціску на калег у Беларусі і заклікаў усе СМІ выказаць салідарнасць з беларускімі журналістамі, падтрымаць іх у працы.

З патрабаваннем да беларускіх уладаў спыніць рэпрэсіі супраць працаўнікоў СМІ, якія выконваюць свае прафесійныя абавязкі, выступілі і ўкраінскі рух «Стоп цэнзуры!», і Саюз журналістаў Літвы, і Асацыяцыя польскіх журналістаў. Калегі з краін-суседзяў з уласнай гісторыі ведаюць, як небяспечна страціць свабоду слова.

Photo.bymedia.net

Саюз журналістаў Літвы ў адмысловай заяве нагадаў не толькі амбасадзе Беларусі ў Літве, але і дзяржаўным інстытуцыям сваёй краіны, што «свабода слова — гэта магчымасць вольна і без цэнзуры выказваць свае перакананні, погляды і думкі» і свабоду слова немагчыма аддзяліць ад сучаснага разумення дэмакратыі.

На падзеі ў Мінску адрэагавалі і журналісцкія арганізацыі з далёкага замежжа. «Нарвежскі саюз журналістаў ухваляе намаганні Беларускай асацыяцыі журналістаў па ўмацаванні прафесійнай і незалежнай журналістыкі ў Беларусі», — гаворыцца ў лісце, падпісаным прэзідэнтам Нарвежскага саюза журналістаў Элінам Флобергхагенам.

Асацыяцыя журналістаў Іерусаліма звярнулася да МЗС Ізраіля з просьбай запатрабаваць ад беларускіх уладаў вызвалення журналістаў і гарантавання свабоды слова і распаўсюду інфармацыі. Падобны зварот за подпісам старшыні асацыяцыі Дэні Закена быў накіраваны і ў амбасаду Беларусі ў Ізраілі.

З заклікам пісаць у амбасаду Беларусі лісты з патрабаваннем вызваліць палітычных зняволеных, сярод якіх ёсць журналісты, выступіла і грамадская арганізацыя «Сетка журналістаў у выгнанні», штаб-кватэра якой месціцца ў Лондане.

Між тым, міністр інфармацыі Беларусі абяцае супрацоўнікам незалежных СМІ жорсткія «разборкі». «Вялікая колькасць публікацый насіла адкрыта антыдзяржаўны характар, многія з іх утрымлівалі недакладныя звесткі, абразы і паклёп, заклікі да ўдзелу ў несанкцыянаваных мерапрыемствах», — заявіў міністр інфармацыі Алег Праляскоўскі агенцтву «Інтэрфакс».

Праляскоўскі ўжо паабяцаў «пільна прааналізаваць дзейнасць гэтых СМІ» і «даць ім адпаведную прававую ацэнку». Разам з беларускімі будуць «прааналізаваныя» і некаторыя расійскія СМІ, прадстаўнікі якіх былі акрэдытаваныя на час выбарчай кампаніі ў Беларусі і асвятлялі падзеі з Мінска, на думку Праляскоўскага, «выключна перадузята і тэндэнцыйна».

Падрыхтавала Яніна Мельнікава

«Было вельмі цяжка.
Не ведаў, ці працаваць, ці шукаць маму і сястру па ізалятарах, ці бегчы з перадачамі. На ростанях быў…»

Ала Ксёнжык

Рэдактар аддзела палітыкі газеты «Наша Ніва» Зміцер Панкавец працаваў пасля 19 снежня, прысутнічаў на прэс-канферэнцыі Аляксандра Лукашэнкі, задаваў пытанне. А яго маці Ірына з сястрой Святланай былі затрыманыя на Плошчы і асуджаныя на 10 сутак.

— Зміцер, як адбылося, што затрымалі тваіх родных?

— Мая сястра вучыцца ў Гданьску на эколага. 18 снежня ў яе пачаліся канікулы, і яна прыехала ў Беларусь. Я сустрэў Свету, і мы разам адправіліся да мамы — у Барысаў. 19 снежня з раніцы ўсе разам мы прагаласавалі на выбарах, а вечарам паехалі ў Мінск. Я — да сябе дахаты, каб трохі адпачыць перад вячэрняй працай. Яны — да цёткі.

Сустрэліся мы ўжо ў калоне Віталя Рымашэўскага, якая накіроўвалася ад чыгуначнага вакзала да Кастрычніцкай плошчы. Потым доўгі час не бачыліся. Атрымаў SMS, калі пачаўся разгон на плошчы Незалежнасці: «Нас узялі».

Мы сазвоньваліся, але ж было ясна, што іх ніхто не выпусціць. Паведамілі, што, калі пачаўся разгон, яны пабаяліся ўцякаць, бо можна было разбіць галаву аб бардзюр — было слізка.

— Якія атрымалі тэрміны?

— Ведаеш, працэсы былі ў Маскоўскім судзе. Сястра віну не прызнала, сказала, што яе не адчувае. А мама — прызнала, што прымала ўдзел у несанкцыянаванай акцыі. Але ў выніку тэрмін атрымалі аднолькавы — па дзесяць сутак.

— Звярнула ўвагу, што сам ты амаль нікому не казаў, дый не пісаў, што твае жанчыны ў ізалятары. Чаму не скарыстаўся службовымі магчымасцямі?

— Калегі давалі інфармацыю, што яны затрыманыя. Але ж менавіта мне крычаць, што мае мама і сястра апынуліся ў гэтым спісе, калі ў ім было больш за 600 чалавек… Не, не думаю, што павінен быў узнімаць нейкі шум вакол іх дзвюх.

— Многім калегам было цяжка працаваць у першыя дні пасля падзей 19–20 снежня. Быў стрэс. Як ты спраўляўся?

Зміцер Панкавец

— Было вельмі цяжка. Не ведаў, ці працаваць, ці шукаць іх па ізалятарах, ці бегчы з перадачамі. Яшчэ нумар газеты здавалі. Трэба было і туды матэрыялы пісаць, і нешта рабіць для сайта. На ростанях быў…

— На наступны дзень пасля выбараў ты яшчэ прысутнічаў на прэс-канферэнцыі Аляксандра Лукашэнкі і нават задаваў яму пытанне. Не было жадання пракрычаць пра затрыманне сваякоў?

— Па шчырасці кажучы, былі думкі задаць пытанне: «За што пасадзілі маю маму і сястру?» Але ўсё ж такі вырашыў агучыць іншае — пра «падпал рэйхстага», палічыўшы, што гэтае пытанне будзе больш важнае за маё прыватнае.

Адразу пасля прэс-канферэнцыі паехаў у суд. І самае цікавае, што міліцыянты мяне ў памяшканне ўпусцілі (хаця нікога не прапускалі ўвогуле), таму што бачылі па тэлевізары на прэс-канферэнцыі. Але на сам суд я не патрапіў: працэсы ў судзе Маскоўскага раёна былі самыя закрытыя.

— Зараз які настрой у тваіх блізкіх?

— Маму звольнілі з працы. Яна была галоўным поварам у школе. Зараз мама шукае новае месца. Дзве спробы ўжо аказаліся марнымі. З ёю размаўляюць, а пасля гавораць: «Можаце да нас не прыязджаць, самі ведаеце, з якой прычыны». Мама пакуль не расчараваная, трымаецца. Так што нармальна ўсё.

…Зміцер, смеючыся, распавёў пра яшчэ адзін пераднавагодні момант. У канцы снежня яму давялося на некалькі дзён паехаць у Барысаў, каб, як гаспадару, калі ўжо яго сваякі сядзяць «на сутках», прыглядаць за коткамі. Але ж варта было яму вярнуцца ў Мінск, прыйсці на працу ў рэдакцыю, як увечары там адбыўсяператрус.

— Вельмі прыемна было, што ўвесь час, пакуль доўжыўсяператрус, на вуліцы, на марозе, стаялі і падтрымлівалі сваёй прысутнасцю неабыякавыя, у тым ліку калегі. Гэта вельмі дапамагала, дзякуй, — падсумаваў Зміцер.

Не люблю белорусские выборы.

Смотрю подконтрольные власти телеканалы (других в нашей стране нет) и содрогаюсь от приближения выборов последние лет пятнадцать. От того, что в первое послевыборное утро переживаю острое чувство беспомощности и полного унижения. А казалось, что счастье было близко…

Виктория РАВИНСКАЯ

По эту сторону решетки — по одну сторону «баррикад»

Утро 20 декабря стало апогеем этих многолетних послевыборных рассветов. После бессонной ночи, около полудня, решила пройтись по улице. Зачем? Хотела посмотреть в лица победителей, которые голосовали за стабильность и дальнейшее процветание. То, что увидела, оптимизма не добавило, но хоть заставило улыбнуться. Растяжку «19 декабря — выборы президента Республики Беларусь» бравые парни из ЖКХ снимали и развешивали вместо нее «С Новым…». «Годом!» еще бултыхалось где-то на асфальте. И солидный мужчина за моей спиной возмутился, ни к кому не обращаясь: «Да с каким же новым?! Черт! Со старым!» Я готова была его расцеловать за искреннюю безысходность в голосе. И заулыбалась…

* * *

Случилось так, что уже на следующий день после черного понедельника пробрал меня какой-то несусветный грипп не грипп… Бешеная температура, которая в итоге вылилась во что-то буквально символическое. Я потеряла голос. Напрочь! Изъясняться могла только тихим шепотом. «Вот, — чуть не плакала я в кратковременных перерывах между приступами забытья, — и голоса у меня теперь нет. У меня какая-то тварь украла голос!»

В этом состоянии накануне Католического Рождества меня застал телефонный звонок Елены Автушко, которая все пятнадцать суток с первого дня массовых административных арестов металась в качестве водителя на своей машинке из Минска в Жодино и обратно едва ли не круглосуточно. «О-о-о-о! — расстроилась она, услышав мой надсадный шепот. — А я хотела тебя попросить…» «Проси, Леночка, проси!» — насиловала я свое голосовое шелестение. И поехали мы с ней собирать и возить передачи для почти трехсот жодинских сидельцев.

* * *

Не ждите от меня глубокомысленных выводов, символических параллелей. Я буду просто писать о том, что видела, слышала, чему удивлялась, о чем думала и что чувствовала, находясь «по эту сторону решетки» и по одну сторону послевыборных «баррикад».

Пятница, 24 декабря. Двор Жодинского ГОВД. В очередь записывают жодинские бабушки-пенсионерки. Они еще с 21-го дежурят каждый день возле милиции (о них расскажу немного позже). Кстати, на правах местной жительницы проинформирую несведущих. Раньше в здании, где теперь вполне вальяжно разместилась жодинская милиция (в Жодино, по последним статданным, проживает 62 228 человек), располагались четыре строительных управления — на каждое по этажу. Сейчас все этажи принадлежат только милиционерам. Но, видимо, найти место в просторных коридорах для «передачников» было невозможно. Или не хотелось.

Многочисленная очередь (мы были 36-ми, за нами еще колыхалась толпа) стоит на улице метров за сто — сто пятьдесят от здания. Не возмущаемся. Главная задача — передать все необходимое нашим сидельцам с Площади. «Утешьтесь, родные, — шутит какой-то острослов, вызывающе поглядывая на посиневших от холода жодинских милиционеров, «следящих за порядком». — Милиция с народом. Пусть померзнет!» Мы хихикаем. Странно! Но шутка действительно, как скупая капля «бальзама», орошает наши души…

Совсем некстати. Удивилась, когда увидела знакомое лицо исполкомовской дамы, пробирающейся к очереди. «Неужели у нее тоже кто-то сидит?» Даже из сочувствия поздоровалась, к ее нескрываемому ужасу. Оказалось, слишком хорошо о ней подумала. Дама была из

Фото Алеся Пилецкого

В штаб-квартиру БНФ десятки людей приносили вещи для задержанных. Подобные «пункты сбора» работали в офисах других неправительственных организаций

жодинского отдела идеологии. Видимо, наряду с милицией обеспечивала порядок. «Идиалагицки».

* * *

Бедные милиционерские юнцы! Мало того, что замерзли, так еще убедились в том, что «террористов» поддерживает такое количество людей с явным отпечатком интеллекта на лице. А что? Передачи ведь несут не какие-то насквозь пропитые ханыги, не марухи и прочий настораживающий контингент. Стоят, к примеру, интеллигентные пожилые папа с мамой. Мама «советуется» с друзьями по очереди: «Сыну в протоколе написали, что он выкрикивал антигосударственный лозунг «Жыве Беларусь!». Так что же, получается, что государственный лозунг — «НЕ жыве Беларусь!» или «Жыве НЕ Беларусь!»?»

Вообще, очередь у нас весьма живописная. Вот топает мокрыми ботиночками наш редактор Люда Отченашенко. Бледная, удрученная. «Вик, что будет?» — спрашивает как у пророка. Шепчу ей в ухо: «Иди погрейся!» Хрупкая Люда, может, впервые соглашается без пререканий, вздыхает и... остается мерзнуть. Лена Автушко в сотый раз спрашивает, правильно ли я заполнила заявление на передачу. Тут же ее дивный муж, координатор движения «За Свабоду» Саша Жучков, все проверяет. Правильно! Только бы пустили! Волнуемся! Заучиваем наизусть имена и фамилии наших «родственников»...

Я упомянула про потерю голоса вовсе не для того, чтобы кого-то разжалобить. Это мне здорово помогло. Был на приеме передач такой ЕДИНСТВЕННЫЙ мужчина. То есть все остальные были женщины. Когда я подошла к нему с двумя европейско-темно-синими клунками, он грозно спросил: «Кому?» И у меня мгновенно из головы выпало, кому. Начала что-то там шелестеть, мол, родственникам. И этот принимающий вдруг как-то сочувственно спросил: «У вас горло болит?»... Удивляюсь, что не расплакалась. Страшно подумать: неужели этот человек может по приказу взять в руки дубинку и раскроить мне голову? Ведь делали же это с такими, как я, «люди в черном», крошившие наших собратьев по перу и не только.

Об этом «приемщике» мы просто слагали «легенды». Надо сказать, передачи принимали четверо: три женщины («белобрысая», антибелоруска шатенка и «нормальная» левша) и этот самый чуткий мужичок лет сорока. Так вот, когда с мужичком начинали говорить по-белорусски, он на родную мову переходил легко и с видимым удовольствием. «Хоць родную мову з вамі прыгадаю!» — улыбался. Шатенка гыркала, если видела список передаваемых вещей на белорусском: «Я белорусского не знаю! Переводите!» Белобрысая орала на всех без разбору и без причин — мы были ей противны изначально и по определению. Левша с длиннющими наращенными ногтями просто автоматически принимала передачи и ни с кем в полемику не вступала. Зато не хамила и старалась втолкнуть в наши клунки побольше полезных вещей.

* * *

Напомню, мы приносили передачи в те дни, когда еще было совершенно неизвестно, что с задержанными кандидатами в президенты и живы ли они вообще... Короче, веселили мы друг друга не от радости, а чтобы не дать себе и другим сойти с ума от отчаяния. А отчаяние было. Вместе с ощущением, что все кончено. И было еще очень страшно за тех, кому мы передаем пакеты с самым необходимым. Утешали себя только тем, что вот ведь — собрали же эти передачи НАШИ ЛЮДИ! Значит, не одни мы в этой стране. Вернее, мы ТАКИЕ не одни.

* * *

Все-таки вернусь к нашему единственному мужчине-приемщику. Отмечу при этом, что после многочисленных

переносов тяжестей (каждый пакет весил два кило, а мы, хрупкие «нячэсныя» журналисточки, волокли их по четыре-пять в каждой руке) у меня на следующий же день открылся голос! Я смогла говорить с нашей «легендой»! И перлась в еще одну очередь со своей ношей уже именно к нему. Он вздыхал, краснел... и посылал меня к «нормальной леворучке», которая, по его подмигиванию, принимала у меня передачи просто влет!

А еще этот же человек вышел к очереди уже 27 декабря, чтобы произнести: «Извините, пожалуйста!» Очередь охнула. И он продолжил: «Мы до обеда не сможем всех принять — начальство приезжает. Зато после обеда все пойдет быстрее: жодинские говэдэшники помогут. Есть вопросы?» А как же! Могилевчанин привез своему сыну пайки на пятнадцать человек, «чтоб все в камере поели». «Пищевые продукты не принимаем, — стесняется легендарный приемщик. — Что вы волнуетесь? Мы им пищу из ресторана возим! А где еще вдруг на триста человек начнут готовить!» «Вы их хоть на улицу выводите?» — спрашивает мама молодого сидельца. «По первому требованию!» — без запинки отвечает «легендарный». И добавляет: «Вы книг столько не передавайте! Там же ж целая библиотека! Они даже прочитать все не успеют!» Вспомнилось, как несколько лет назад БАЖ собрала и передала в жодинскую тюрьму приличное количество книг для библиотеки. Тогда здесь «коротал время» правозащитник и журналист Валерий Щукин.

«А почему нельзя передавать больше одной передачи?!» — каверзничает кто-то. Не зря каверзничает, потому что все мы слышим собственными ушами изумительный по точности ответ: «Да поймите же вы! Это же не уголовники! Это же не АСОЦИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ! Они ж административщики. Это ж все равно, что на улице матом ругнуться!» И дивный контрвопрос очередников: «А многих ваша система сажает за мат на улице?» Приемщик окончательно смущается, машет рукой, но все же опять извиняется и уходит расстроенный.

А наши острословы начинают говорить друг другу: «Может, на «сутки» попроситься? А что? Из рестора кормят, гулять — по первому требованию, книг — море. Лежи, жри, читай и расслабляйся!»

* * *

Особо должна рассказать о безымянных (по понятным причинам) жодинских бабульках-пенсионерках. Они начали свое дежурство возле жодинской милиции еще 21 декабря. Дежурили самозабвенно, благо, имеют многолетний опыт.

Увидев, в каком подавленном состоянии стоят в очереди далеко не молодые чьи-то папа и мама из Минска, жодинская бабулечка тут же начала свою анекдотичную историю. «Это что! Вот в 2006-м, когда я узнала, что наших завезли в Жодино, собрала что могла. Нагрузила сумку на колесах, нацепила «парадную» шляпу и потянулась в СИЗО. Иду. Возле СИЗО никого нет. И вдруг, как черт из табакерки, — здоровенный сизошник в камуфляже. И говорит мне: куда, мол, бабка, столько передачи тянешь? А я ему гордо: «Дак ведь, сынок, у вас здесь Александр Григорич сидит. Несу вот жрачки, чтоб не помер!» Сизошника этого просто парализовало. А я ж еще и добила: «Ай, как стыдно! Здеся работаешь, а главной новости не знаешь!» И пошла. Долго потом слухи ходили, что возле Жодинского СИЗО ошивается сумасшедшая старуха, которая президенту каждый день передачи носит». Очередь умирает от смеха, молодые милиционеры не знают, как реагировать на «провокацию».

Эти бабушки ежедневно отслеживали по интернету, кому передачи дошли, а кто остался пока ни с чем. За каждого просили, «чтобы люди в обиде не остались». Вот вам и «пенсионерский лукашенковский электорат».

* * *

Позже выяснилось, что якобы именно наша БАЖевская группочка из пяти человек передала продукты «провокатору», бившему стекла в Доме правительства. А мы нисколько не жалеем. Пусть хоть на нарах в СИЗО он почувствует доброту «проигравших», тех, против кого «борется».

* * *

А потом мы пошли встречать... Дежурство возле закрытых ворот Жодинского СИЗО оказалось испытанием гораздо более изощренным, нежели таскание передач. Чего только ни придумывали «победители» в форме силовиков, чтобы лишить людей возможности проявить солидарность с осужденными!

Можно было приехать к полудню и ждать до темноты... выезда закрытых автобусов, безостановочно двигающихся до ближайшей станции метро уже в столице. Такое «счастье» испытали на себе Лена Автушко и Саша Зенков, продежурившие почти день возле зловещих ворот 29 декабря. А был же еще вечер накануне новогодней ночи!

* * *

Расскажу, как мы встречали последних сидельцев-пятнадцатисуточников 4 января. Вообще-то мне в этой жизни «повезло» особо. Я живу в Жодино именно на улице Советской, которая этим зловещим Жодинским СИЗО на территории тюрьмы № 8 и заканчивается. Изначально там располагался лечебно-трудовой профилакторий для алкоголиков. Учреждение вполне безобидное и даже гуманно-медицинское. Кто мог знать, что превратится оно в зловещий Жодинский «централ»! Теперь Жодино, пожалуй, более известно в стране «благодаря» именно этому «централу», нежели заводу БелАЗ...

Добежать из дому по первому сигналу до ворот СИЗО я успевала за минут двадцать. Прибежала в 13.30. Обошла припаркованные машины... Никого! Стою, жду. Увидела какую-то троицу в форме. Подошла и очень вежливо спросила, когда сегодня суточников будут отпускать. Эти, форменные, смотрели на меня как на чудо. «В ГОВД езжайте (это, замечу, через весь город!), там и спрашивайте!» «А, — говорю, — извините. Вы просто ничего не знаете...» Эта фраза вызвала негодование: «Мы все знаем! Все, что надо, знаем! А вам обращаться надо в ГОВД!» Спасибо и на том. Постояла еще полчаса в полном одиночестве. К счастью, приехал знакомый, член БНФ из Борисова. И как-то так удачно припарковал свою машину! За секунды нас уже было четверо! Оказывается, один спал в авто, поскольку приехал из Молодечно еще в шесть утра за двумя своими

Фото Сергея Балая

друзьями. «Уже и в ГОВД съездил, и здесь замучил всех вопросами! — сокрушался парень, который еще пару дней назад сам отбывал сутки. — Никто не говорит, сидят здесь мои друзья или нет. А ведь точно знаю: здесь они. И сегодня на волю выходят!»

«Это для того, чтобы, не дай бог, наши не почувствовали поддержки! Все эти выезды из СИЗО освободившихся — психологическая атака! — разъяснял нам парень из недавно созданного и пока незарегистрированного комитета «Солидарность». — Милиция хотела раздавить людей психологически, лишив нас возможности демонстрировать нашу солидарность с репрессированными. Представьте, людей везут в Минск, они не знают, как до дому добраться, как родным сообщить, что они уже на воле... А возле метро мы их ждали, давали деньги на проезд, развозили на машинах по городу! Есть солидарность, есть! В управу БНФ толпами люди шли, деньги несли, вещи, все необходимое. Смеяться будете, кто-то деньги передал с запиской: «От БРСМ». Теперь есть средства на то, чтобы бывшим суточникам и за «услуги» СИЗО заплатить, и в случае их увольнения с работы первое время хоть немного поддержать».

...Подъехали отец и сын из Бреста, чтобы забрать своего второго сына и брата. И стало понятно: нас уже целая команда, которую ожидать «до последнего» не отвратило сообщение о том, что выпускать будут только в семь вечера. Молодец Саша Жучков, один из координаторов движения «За свободу»: добился в Жодинском ГОВД, чтобы наших сидельцев отпустили-таки в 16.00.

Около четырех дня в ворота СИЗО въехал темно-зеленый микроавтобус со знаком «дети» на заднем стекле. Мы удивились и поняли, что эти «дети» — те самые, которых мы и дожидаемся. Так и вышло. За пять минут до четырех на скорости подъехал к воротам легковой автомобиль жодинской милиции, из СИЗО выехал «детский» микроавтобус, из окон которого нам махали пятнадцатисуточники. Мы уже знали, что их везут на железнодорожный вокзал в Жодино. Буквально по их пятам мы рванули туда.

...Заранее было договорено, что всех вышедших на свободу развезут по домам на машинах. Надо было видеть смятение шести милиционеров, выглядывавших из-за угла жодинского вокзала! Они-то думали, что тихонько сопроводят сидельцев на электричку, а тут такой кортеж их встретил! Пообнимались, поцеловались, порадовались встрече. Могу представить, как приятно было этим четырнадцати последним (дай Бог, вообще последним!) сидельцам, когда их сразу же посадили в машины их единомышленники и отвезли домой. Среди освободившихся был Андрей Макаев. Уже по пути в Минск ему сообщили по мобильному, что дома у него проходит обыск...

Эпилог

В канун Католического Рождества, 24 декабря, через пять дней после этих треклятых выборов, мы с Леной Автушко и Сашкой Зенковым везли передачи в жодинский СИЗО мимо проходной БелАЗа. Было три часа дня. Рабочий день на заводе в связи с праздником закончился на час раньше... Серая толпа с одинаково удрученными лицами медленно тянулась из проходной через дорогу. Лена остановила машину. Постояли молча пару секунд. И Лена взорвалась: «И где их радость от победы на выборах?! Пусть бы пили шампанское на улицах, орали веселые хмельные песни! Где радость-то?! Пусть бы МЫ порадовались, что хоть кто-то ЭТОМУ рад».

А Саша глубокомысленно произнес: «НЕ жыве Беларусь? Или жыве НЕ Беларусь?» На тот момент не имея голоса, я только печально вздохнула.

Рыгор Барадулін

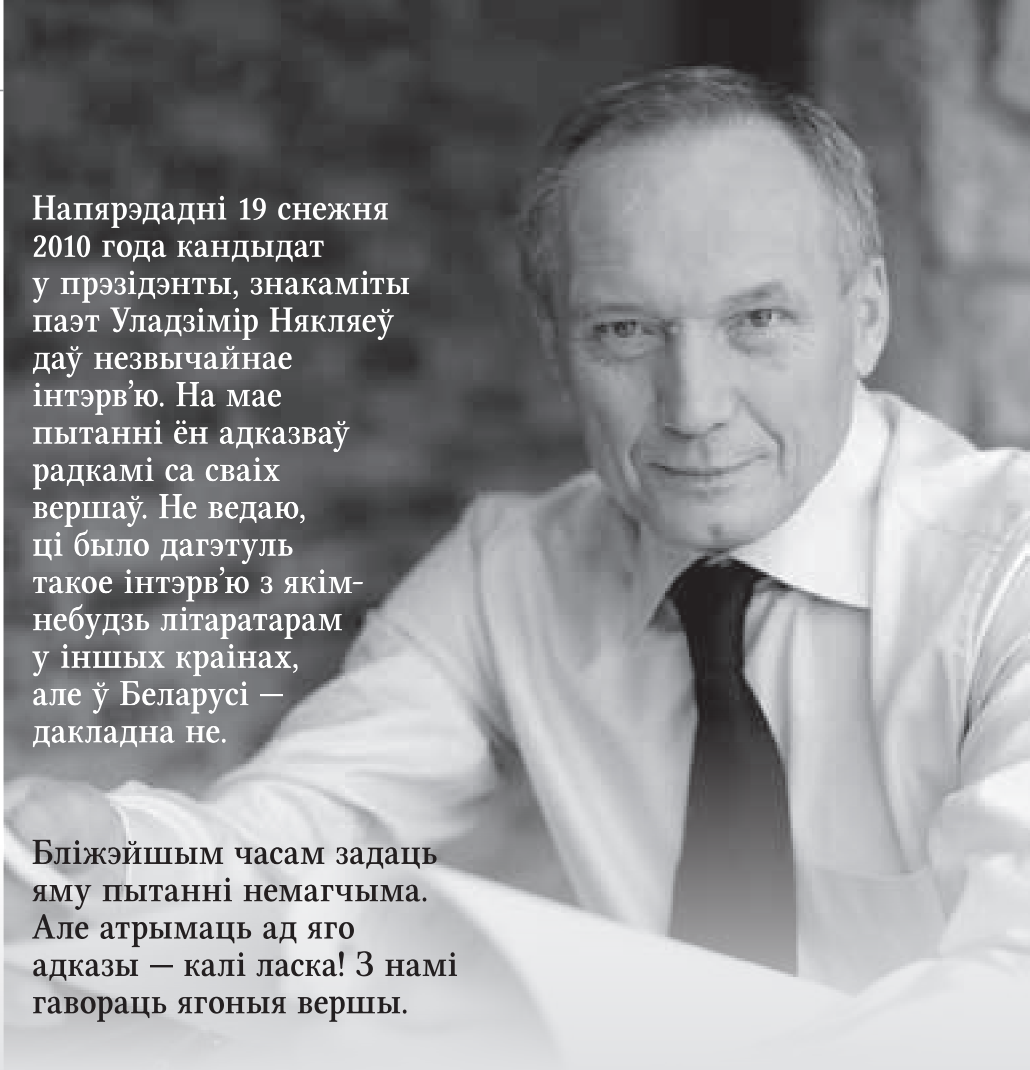
* * *

Ратуй узятых на смерць,
і няўжо адрачэшся ад вырачаных
на згубу?
Прыпавесці Саламона 24:11

Узятыя на смерць павінны жыць.
Яны прыйшлі ў жыццё,
Каб цемра знікла.
Каб д'яблавы ашчэраныя іклы,
За ганьбу помсцячы,
Ушчэнт скрышыць.
Дай моцы духу
Ратнікам святла.
Рашучыя не могуць быць рабамі.
Хай здрайцы ў дол пакоры
Б'юць ілбамі,
Трывацьме непахіснасці скала.

Не памірае праведная кроў,
Яна ў вяках
Не ведае сутрыму.
Злу непадлеглую сваю Радзіму
Світальна
Бачаць вочы ваяроў!..

2.1.11



Напярэдадні 19 снежня 2010 года кандыдат у прэзідэнты, знакаміты паэт Уладзімір Някляеў даў незвычайнае інтэрв'ю. На мае пытанні ён адказваў радкамі са сваіх вершаў. Не ведаю, ці было дагэтуль такое інтэрв'ю з якім-небудзь літаратарам у іншых краінах, але ў Беларусі — дакладна не.

Бліжэйшым часам задаць яму пытанні немагчыма. Але атрымаць ад яго адказы — калі ласка! З намі гавораць ягоныя вершы.

Уладзімір Някляеў: «Я прыйшоў»

— Спадар Уладзімір, здаўна ў беларусаў была завядзёнка, што калі сустракаліся на шляхах-дарогах нашай Сінявокай два незнаёмцы, то мусілі адно ў аднаго запытацца: «Скуль ты ёсць?» І з таго адказу шмат чаго пра чалавека рабілася зразумелым... А раскажыце Вы пра сваё паходжанне.

— Крэўны сын Някляева Пракопа,
Стасі Магер роднае дзіцё.

— Ведаю, што Ваш бацька — рускі, маці — беларуска. Чыя кроў мацнейшая?

— Кроў мая руская — Волга і стэп —
у беларускай ніяк не патоне.

— А як адбілася тое, што нарадзіліся Вы ў знакавым месцы беларускай гісторыі — у Крэве?

— Па-над Юравай гарой,
Па-над Магеравым полем,
Па-над крэўнай старанoй
З неба мой развейце попел.

Па-над Крэвам, дзе святыя
Для мяне пагоркі ўсе...
Ціха лягу я на тыя,
Куды вецер занясе.

— Большую частку жыцця Вы пражылі ў Менску. Ці стаў ён для Вас родным?

— Родны мой горад, любоў мая,
Казка кахання чароўная.
Ты, калі ласка, чакай мяне
З кожнай дарогі, са шляху расстайнага...

— Пра Вас шмат гавораць як пра скаральніка жаночых сэрцаў. Ці пісалі Вы вершы, прысвечаныя Вашым каханым? Напрыклад, першай жонцы Людміле, з якой пражылі больш за 30 гадоў?

— Дай руку, хай спаткаюцца
Акіяны пяшчоты і млосці...
Маладосць прадаўжаецца
Успамінамі аб маладосці.

Ты абрана прыродай,
Яна табе права дае
Таямніцай валодаць —
І не знаць пра яе.

Спачуваць?.. Ці зайздросціць?..
Твайго болю збаўлення
Не ўспомню!
Маладзік маладосці
Акругляецца ў поўню.

— Акрамя Ілоны — дачкі Людмілы, у вас ёсць і супольнае дзіця — Ева… Ці ставала часу тату-паэту, душы вольнай, на клопаты сямейныя, на выхаванне?

— Купі мне самую казачную кнігу.
Купі мне дождж.
Купі мне човен,
Купі маленькую малпу,
Купі гушкалкі
І гэтую крычалку, у якую крычыць
Дзядзька міліцыянер...

Я купіў марожанае —
І гэтага ёй хапіла.

— Як здарылася, што Вы ўзялі другі шлюб — з Вольгай?

— Ува ўсім, што ёсць, было і будзе —
Ані ў чым цябе магло не быць.
Цуды ўсе ў адным-адзіным цудзе:
У непраўдападобным цудзе
Жыць.

Усім на волю Бог дае іспыт —
І не займець збавення ад іспыту:
Адзін раз воля — калі ты з нябыту,
Другі раз воля — калі ты ў нябыт.

— То бок паэт — нявольнік, ён не належыць сабе?

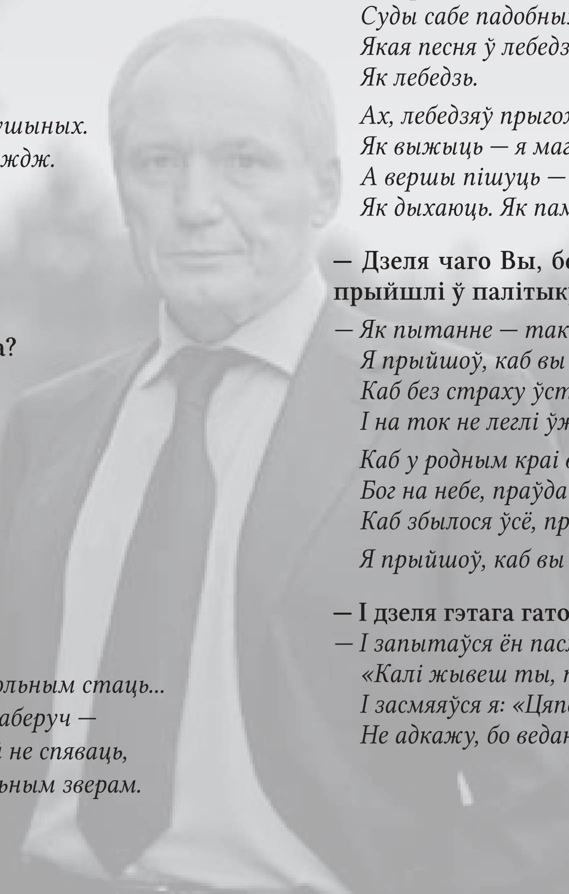
— Пазбыўшы нябыт, ты з'явіўся на свет,
Каб свету здзівіцца.
Калі ты званар ці калі ты паэт,
Жыві на званіцы.

Няхай на зямлі хоць патоп, хоць пажар,
Хоць ліха ды войны,
Калі ты паэт ці калі ты званар,
Ты лішні, ты вольны.

— Ці ёсць у Вас нейкае вызначэнне для сябе: як даведадцца, што паэзія — твая абранасць?

— Калі пісаць, дык толькі так пісаць,
Як бліскавіцу доўжыць бліскавіцай,
Як з вены ў вену кроў пераліваць...
Пісаць, як спавядацца і маліцца.

каб вы ўдыхнулі волі!»



— Вы падоўгу жылі за мяжой, далёка ад родных… Як давалася расстанне?

— Тут не забыты плач.
І не забіты смех.
Не аціхае спеў чарод птушыных.
Тут дождж не проста дождж.
І снег не проста снег.
Бо гэта дождж і снег
над берагам
Айчыны.

— Пра што просіце ў Бога?

— ...Як смерць, бялее маці,
Кажа маці: «Не прасі.
Ані каліва якога,
Ні свайго і ні чужога,
Як бы ты ні бедаваў,
Не прасі нічога ў Бога —
Ён і так табе ўсё даў...»

— Што для Вас воля?

— Ніхто не змог, як воля, вольным стаць...
Хоць абдымайся з воляю аберуч —
Паэту вольнай птушкай не спяваць,
Не паляваць тырану вольным зверам.

— То бок паэта можна судзіць па тым, як ён піша?..

— Мой родны!.. Бог табе суддзя.
Суды сабе падобных лепяць.
Якая песня ў лебедзя?
Як лебедзь.

Ах, лебедзяў прыгожа б'юць!
Як выжыць — я магу параіць.
А вершы пішуць — як жывуць.
Як дыхаюць. Як паміраюць.

— Дзеля чаго Вы, беларускі паэт Уладзімір Някляеў, прыйшлі ў палітыку?

— Як пытанне — так адказ наўпрост:
Я прыйшоў, каб вы ўдыхнулі волі,
Каб без страху ўсталі ў поўны рост
І на ток не леглі ўжо ніколі!

Каб у родным краі валадарылі
Бог на небе, праўда на зямлі,
Каб збылося ўсё, пра што вы марылі!..

Я прыйшоў, каб вы перамаглі!

— І дзеля гэтага гатовыя паставіць на карту ўсё?

— І запытаўся ён пасля ўсяго:
«Калі жывеш ты, то ў імя чаго?»
І засмяяўся я: «Цяпер якраз
Не адкажу, бо ведаю адказ».

Соф'я МОЛАТАВА, www.naviny.by
(друкуецца са скарачэннем)

За кулисами «СБ»

Николай АЛЕКСАНДРОВ, «Брестский курьер», № 3, 2011 г.

Кому и зачем нужен компромат

Есть такая народная примета у нас в Беларуси: как только здесь прошли президентские выборы — жди в государственных СМИ шумный разоблачительный парад компромата. В 2006 г. так выстрелила статья «Операция «Черный аист», в нынешнем — «За кулисами одного заговора». Причем нынешняя публикация имеет свою интригу, выходя в свет чередою залпов.

Сразу же признаюсь честно и откровенно: «За кулисами...» я не прочел. Не смог заставить себя войти в эту публикацию — даже из журналистского интереса. Душа противится. Только взглядом выцепил один из «документов»: *«На литовско-белорусском направлении 19 декабря задержан курьер (Семеняко Игорь Владиславович, 1986 г. р.), который пытался ввезти в Республику Беларусь около 7 тысяч доз наркотиков. Наркотические средства должны были в этот же день попасть в г. Минск для распространения во время протестных акций».*

Дальше не пошел, поскольку из одного лишь этого абзаца сделал вывод о простейшей механике разоблачений, не имеющей ничего общего с жанром газетного расследования. Ведь по канонам нашей профессии любой приводимый факт требует четкой аргументации и привязки, двойной-тройной проверки, определенной

логичности в контексте изложения. Здесь (даже в конкретике одного факта — 7 тысяч доз!) все это напрочь отсутствует. Есть некое обвинительное утверждение, причем до суда, который в ходе прений сторон должен выяснить истину. Будь это версия какого-либо бульварного издания — плюнул бы да и забыл. А здесь — газета, где в выходных данных указано: «Учредитель — Администрация Президента Республики Беларусь».

Горе побежденным.
Фрагмент из сетевых обсуждений

guralyuk (близкий к президентским кругам политолог Юрий Шевцов) пишет: *«Публикация в официальном издании по прямому указанию президента — это уже текст, к которому надо относиться как к официальной позиции. Т. е. источник высокого уровня».*

nkoulinka: *«Но для меня это-то и является проблемой — кто будет нести ответственность за эти слова, кому конкретно они принадлежат».*

guralyuk: *«Как это может быть для Вас проблемой, если в этом конкретном случае все прозрачно донельзя? Л. во время пресс-конференции 20.12 прямо в эфире указал редактору «СБ» напечатать это все. Т. е. максимально выраженная персонификация ответственности. Даже не просто власть, а сам ее глава лично».*

nkoulinka: *«Меня интересует ответ на очень конкретный вопрос: кому персонально в суде может быть предъявлено обвинение в клевете, если когда-нибудь выяснится, что все опубликованное — неправда?»*

guralyuk: *«Да какая разница? Политически все ясно. А юридический вопрос Вы ставите надуманно».*

nkoulinka: *«Не могли бы Вы пояснить, что и с кем все ясно политически и почему юридически мой вопрос надуманный?»*

guralyuk: *«Власть у других, чтобы судить. Победителей не судят — и горе побежденным...»*

Браво, маэстро Шевцов, предельно откровенно высказавший в завершающем посыле суть политтехнологии, которой он служит!..

Между прочим, его собеседница с 2001 по 2008 г. преподавала в БГУ на журфаке теорию жанров, сейчас проживает в Калифорнии (США). А диалог этот она завершила следующим образом: *«Вчера просматривала «Русский Журнал» и наткнулась на такое высказывание Бориса Межуева: «Культурное» поколение ушло с подмостков истории, произнеся устами Кайдановского свое последнее проклятие Власти, вот это знаменитое: «Победа — истина для подлецов»...»*

Шевцов разговор с нею не продолжил...

Факультатив не для «чайников»

Вообще ситуация с этой разоблачительной публикацией мне напомнила эпизод из романа замечательного писателя Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей»:

«— Здорово! — сказал Зыбин и рассмеялся. — Богато! Ну и нарисовали же вы мне следственную идиллию! Что же, давайте факты!

— Так вот же они! — сказал Хрипушин с непоколебимым, тупым убеждением. — Вы арестованы — факт! Вам предъявлено обвинение — факт! Что же это, с потолка взято, что ли? Или мы берем невиновных?..

— А фактов про вас сколько угодно, — заверил Хрипушин. — Вот здесь в столе три папки фактов, — он вынул и положил их одну на другую. — А там, в шкафу, еще пять таких же, так что хватит...»

Время действия романа — 1937 г. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?..»

Неважный у нас получается исторический фон событий. Перекликаются эпохи, перестукиваются, обмениваются «малявами». Впору уже и забытые аббревиатуры возвращать в обиход: СОЭ (социально опасный элемент) — применительно к «изолированным» журналисткам Халип и Радиной, ЧСИР («чесеиры», члены семей

изменников Родины) — в отношении матерей, жен и дочерей Некляева, Северинца, Михалевича, Санникова и других сидельцев по событиям 19 декабря.

Ничего удивительного в таком логическом развитии происшедшего я не вижу. Ведь еще ранее вся белорусская оппозиция была обозначена с высокой государственной трибуны Беларуси как «враги народа». А тут уж не просто лексика, но и сама методика приснопамятных времен становится востребованной. Имею в виду газетную артподготовку перед знаменитыми ежовскими процессами, создание в обществе атмосферы гневного осуждения участников «заговора», извлечение покаянных признаний из тех, кто задержан или мог оказаться в числе таковых, пренебрежение нормами закона в добывании доказательств вины («прослушка» и т. д.), апелляция к неким государственным интересам («революционная целесообразность»)... В общем, большой привет от Лаврентия Палыча.

«Журналёры, актёры, малёры...»

Понятно, что адресована эта публикация «СБ» аудитории, не склонной к «интеллигентской рефлексии», использованию гуманитарных критериев в оценке фактов (точнее, сообщений, преподносимых как факты), а также тем, кто не имеет других источников информации, кроме государственных СМИ, или всецело разделяет такие подходы и методы.

В этом плане очень характерен комментарий в блоге **novi_dom**: *«Лукашенке в порядке превентивных мер надо собрать всех стонущих недовольных памяркоўных гуманитариев — журналёров, актёров, малёров — и выслать контейнером куда-нибудь в демократию... Создать бастион славянской культуры, так сказать, — это и определит идеологическую политику»*. Не пойму вот только, что разумеет блогер под термином «культура»? Может, что-то аграрное — прополотое поле брани? У истинной культуры-то ведь иная миссия...

А цель публикации «За кулисами...» технологически проста: оправдать применение силы 19 декабря (по оценкам ЕС — непропорциональное), сбить возникшую после этого волну протестных настроений, уничтожить (или сильно поколебать) репутацию оппозиции, подготовить почву для грядущих судебных процессов (если они состоятся).

Давайте-ка заглянем снова в «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского. Два зэка беседуют в камере:

«— Вот скажите прямо: вы признаете, что наши вожди — это и есть самая доподлинная народная власть? И что никакой иной не только не было, но и не должно быть! Признаете или нет? Но прямо, прямо...

— Давайте устроим голосованье, спросим народ, я-то что?

— Вот демагог! Народ спросим! А он, значит, не народ! Да, да, верно, вы не народ, народ верит своей власти, а вы маловер, брюзга, ходите, подмигиваете и посмеиваетесь. А раз не верите, то и других — не дай Бог еще война — можете совратить. А ведь еще когда-когда было сказано: «Горе тому, кто соблазнит малых сих». Вот! И Вождь эти слова еще с тех самых пор запомнил. Значит, вы человек опасный. В обществе вас оставлять рискованно — надо изолировать. Ну и изолируют...»

Работа у них такая

Авторство публикации «За кулисами...» (наверное, точнее — ее авторскую обработку) сетевая молва приписывает главреду «СБ» Павлу Якубовичу. Склонен согласиться с этой версией, зная еще по прежним временам невероятную продуктивность и скорострельность пера капитана белорусского медийного госфлагмана. Не удивительно, что он теперь оказался под прицелом коллег из независимой эскадры.

Его прежний соратник по «Знамени юности» перестроечных лет **Семен Букчин** пальнул в него ироничнейшим открытым письмом «Судьба фельетониста», которое завершается ударной

фразой: *«Неужто вы, Павел Изотович, так и проживете остаток жизни сторожем при этих тюрьмах?»* Павел Изотович, будучи, видимо, озабоченным исполнением важного государственного заказа, ничего на это не ответил.

А философ и политолог Владимир Мацкевич, приглашенный в эти же дни в «СБ» для участия в «круглом столе» по проблеме прав человека, подготовил свое воззвание к Якубовичу, но так и не сумел лично вручить его адресату. Вообще эта история с «круглым столом» в «СБ» с участием Мацкевича стала хитом прошлой недели в сетевых обсуждениях, обретя характер политологически-спиритического сеанса. Меня она восхитила тем, что наглядно показала, где теперь обитает лукавая буква закона и где ночует его упрямый дух.

Кроме того, стало очевидным, что блогерская среда ныне является основной дискуссионной площадкой за неимением прочих. Да, она довольно-таки шумна и пестра, но в ней есть свои обитаемые острова — этакие сады Академа. И это один из главных упреков в адрес нынешней власти, отметающей диалоги и не настроенной выслушивать иные мнения.

А насчет Якубовича — вспоминается показанный на прошлой неделе по первому каналу БТ фильм «Кобб» с несравненным Томми Ли Джонсом в главной роли. Его герой, старик, в молодые годы снискавший славу лучшего бейсболиста Америки, решил создать о себе книгу-панегирик. А характер у него ужасный, так же как его житейские воззрения и поступки. И вот нанятый им писатель откровенничает в пабе с барышнею, ведя такой диалог: *«Я должен писать, что это чудовище — король!» — «Тебе платят за это?» — «Да, хорошо». — «Тогда это не ложь, это — работа...»* (Как пишут иногда в титрах, никаких параллелей, все совпадения — случайны.)

У Павла Изотовича тоже *«это — работа»*. Есть такая профессия — кого-то защищать. Или валить.

Только зачем же именоваться журналистом? Лучше уж — PR-менеджером, для которого все едино — создавать репутации или их разрушать по заказу клиента.

Кстати, немногие знают, что одним из отцов-основателей Public relations в 20-е годы XX века в США был уроженец Брест-Литовска Бенджамин Зонненберг, сделавший своим девизом формулу: «Я создаю большие пьедесталы для маленьких людей».

Верным курсом валюты идете, товарищи!..

Отец PR, уроженец Бреста Б. Зонненберг (слева) и главред «СБ» П. Якубович. Поразительное сходство!

В чем правда, брат?

Снова вернемся к сетевым обсуждениям. И к Домбровскому.

usovski: *«Относительно тех материалов, что взялась публиковать «Советская Белоруссия», — полагаю, что большинство этих данных правдивы; но, вне зависимости от того, сколько денег на «революцию» некляевы и санниковы получили из-за границы и какие европейские чиновники их курировали, — фактом является то, что большинство «вождей Площади» суть нанятые иностранцами марионетки, и не более того».*

Юрий Домбровский, «Факультет ненужных вещей»:

«...— Одним словом, — усмехнулся Зыбин, — я не личность, а преступник, определенный заранее, вот как жучок в определителе: такие-то усики, такие-то крылышки, надкрылышки, жевальца. Определили на булавку, так?

— Может, по-вашему, по-ученому, и так — не знаю. Ну а вот насчет преступника вы опять ошибаетесь. Не преступник вы, а человек, и-золи-ру-емый от общества! Ибо — вот это и есть второй принцип — вы, голубчик, человек вредный, сомнительный, не советский.

— А чей же?

— А батюшка вас знает, чей вы, ну, наверно, вот тех господ, что сидят за рубежом да на нас с вами зубы скалят: Чемберлена, лорда Керзона, господина Форда — акул капитализма.

— А откуда же вы взяли, что я такой?

— Я-то ниоткуда не взял, а они — из всего вашего облика. Из ваших манер: ходите боком, подсмеиваетесь, шуточки-прибауточки какие-то отпускаете. А над чем смеяться-то? Смеяться сейчас не над чем! Время серьезное!..»

strangerbel: *«Только вчера читал одну советскую брошюру 1973 года издания (в библиотеке, касалась гражданской войны в контексте т. н. «демократической контрреволюции») и наслаждался пассажами в стиле «профинансированных западными спонсорами национал-фашистских бунтов в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г.». Правда, в самих Венгрии, Чехии и Словакии эти события сейчас оцениваются по-другому».*

Без комментариев.

Вспомнилось

На взлете перестройки, где-то в 88-м или 89-м, приключилась в Бресте своя «плошча», наделавшая много переполоху в начальственных кругах. Тогда на площадь Ленина под окна облисполкома вышли семеро, если не ошибаюсь в количестве, граждан с плакатами, требующими защитить их нарушенные права на труд и т. д. То есть лозунги были не столько политические, сколько социальные. Кого-то в чем-то ущемили, кому-то в чем-то отказали… Но это было неслыханно и невиданно: демонстрация непослушания и протеста! Граждан с площади быстро убрали с глаз долой.

А в главной и единственной газете области, где я тогда возглавлял отдел коммунистического воспитания (да-да, не смейтесь!) по указанию свыше закипела работа. Поначалу роль пишущего решили возложить на Сашу Леоновца, заведующего отделом идеологии. Но тот, вникнув в дело, нашел какие-то аргументы — и отказался от этой миссии. Тогда сей хомут водрузили на «боевого коня», которому пофиг было — что и как писать бойким пером фельетониста. Лишь бы потом это весомо отразилось на сумме прописью.

Целый вечер его кабинет напоминал какой-то штаб по ликвидации чрезвычайной ситуации. Правоохранители всех мастей и чиновный люд несли ему бумаги, аналитические справки на участников «плошчы», созванивались, вычитывали и правили…

В следующем номере газеты был опубликован крутой материал за подписью журналиста. Предельно правдивый, вплоть до приведения справок из дурдома. Разоблачительный. Слава Богу, никого из пикетчиков вроде бы не засудили — только «приговорили к позору».

А ведь если по уму, нужно было всего лишь разобраться в причинах, побудивших ту семерку выйти на площадь вождя революции, да озвучить в газете их мнения и контраргументы тех, кто нарушил их права, да затем добиться восстановления справедливости.

Действуй таким образом — так, может быть, и до нынешних площадей дело бы не дошло.

А Леоновцу, обитающему ныне в небесных кущах, мой вечный респект.

А журыцца не варта!

…Настрой наш грамадска-прафесійны цяпер такі, што пакуль не тое што не да грунтоўных артыкулаў, а нават не да паспешлівых нататак. Сумны і горкі настрой — як у бальшыні грамадства. Тым больш што журналісты незалежных СМІ па вызначэнні адчуваюць грамадскую аўру і нерв больш востра, чым хто іншы.

Генадзь СУДНІК

Думаю, што гэты настрой у нас яшчэ доўга не палепшыцца, прынамсі, да часу, пакуль усе нашы калегі не выйдуць на волю. Пакуль не паправяць здароўе, якога не шкадавалі ўсе месяцы, як цяпер думаецца, занадта працяглай выбарчай кампаніі. І пакуль, зразумела, не вернуцца журналісты, супраць якіх сістэма ўзбудзіла крымінальныя справы. Бо без іх нават не столькі непасрэдна нашы (і без таго сціплыя) шэрагі будуць неадпаведныя і няпоўныя, а больш за тое — вось дзе сапраўды да месца пякучы і адначасова кранальны платонаўскі выраз! — і народ застанецца няпоўным…

А з другога боку — можа, варта менавіта цяпер, адразу, па гарачых слядах прафесійна занатаваць свае ўласныя «выбарчыя» адчуванні, каб потым не падганяць іх пад агульнае меркаванне, якое, магчыма, будзе больш дакладным, але ж і больш акадэмічна-халодным. А сказаць, нават пракрычаць, хочацца цяпер і адразу, не штосьці «навукова абгрунтаванае», а ўсяго толькі сваё шчырае слова. На тым афіцыйным ідэалагічным фоне, які цяпер пануе ў краіне, гэтае слова не можа быць іншым.

Гэтае шчырае слова найперш у тым, што незалежная беларуская журналістыка (а іншай не павінна быць) з гонарам і сумленнем вытрымала чарговы нялёгкі іспыт. Перадусім — на трываласць чалавечых характараў. Адна Ірына Халіп чаго вартая! Ды і ўсе, хто ў чарговы раз патрапіў у бяздушныя карныя жорны сістэмы. І ўсе тыя, хто з болем у сэрцах, але

ўпарта працягваў рабіць сваю справу — як, у прыватнасці, каляжанкі з нашага БАЖаўскага офіса, журналісты Белсат, Радыё Свабода, «Народнай волі» і «Нашай Нівы», супрацоўнікі нешматлікіх рэгіянальных выданняў. Гэта іспыт на звычайны, здавалася б, прафесіяналізм, што ў такія дні ўздымаецца да той адказнасці за слова, на якой і трымаецца сапраўдная журналістыка і якой жывіцца няхай сабе пакуль толькі частка — але светлая частка! — беларускага грамадства. Такая наша прафесійная адказнасць не мае нічога агульнага з тым, як яе разумее ўлада, што неаднойчы ў гэтыя дні з непрыхаванай помслівасцю пагрозліва палохае нашу незалежную супольнасць «адказнасцю за кожнае надрукаванае слова». Хай бы спыталі за працу — хаця мне асабіста да гэтага няма ніякай справы — са сваіх «ідэалагічных байцоў», якія падчас выбарчай кампаніі прадэманстравалі правальны непрафесіяналізм і адсутнасць маральнасці.

...Але вернемся да журналістыкі. Яна ў нас розная, як і тыя канкрэтныя СМІ, дзе яна «пражывае». Гэтыя СМІ адрозніваюцца па тэрыторыі распаўсюду, па маштабе і сіле ўздзеяння, па перыядычнасці выхаду ў свет і па якасці тэхнічнага выканання. Па наяўных журналісцкіх «штыках», нарэшце.

Мала да каго з іх няма прэтэнзій — і гэта таксама маё шчырае слова. Але відавочныя недасканаласці нашай незалежнай прэсы, асабліва рэгіянальнай і той, што выходзіць у незарэгістраваным фармаце, маюць сваё апраўдальнае тлумачэнне. Тут не толькі ўлада вінаватая, хаця яна — найперш і недаравальна!..

Ну, тэхнічнае выкананне пакінем сёння за дужкамі тэмы, хаця і газета, і сайт — гэта адно цэлае, якое складаецца са зместу і дызайну. Спынімся толькі на змесце.

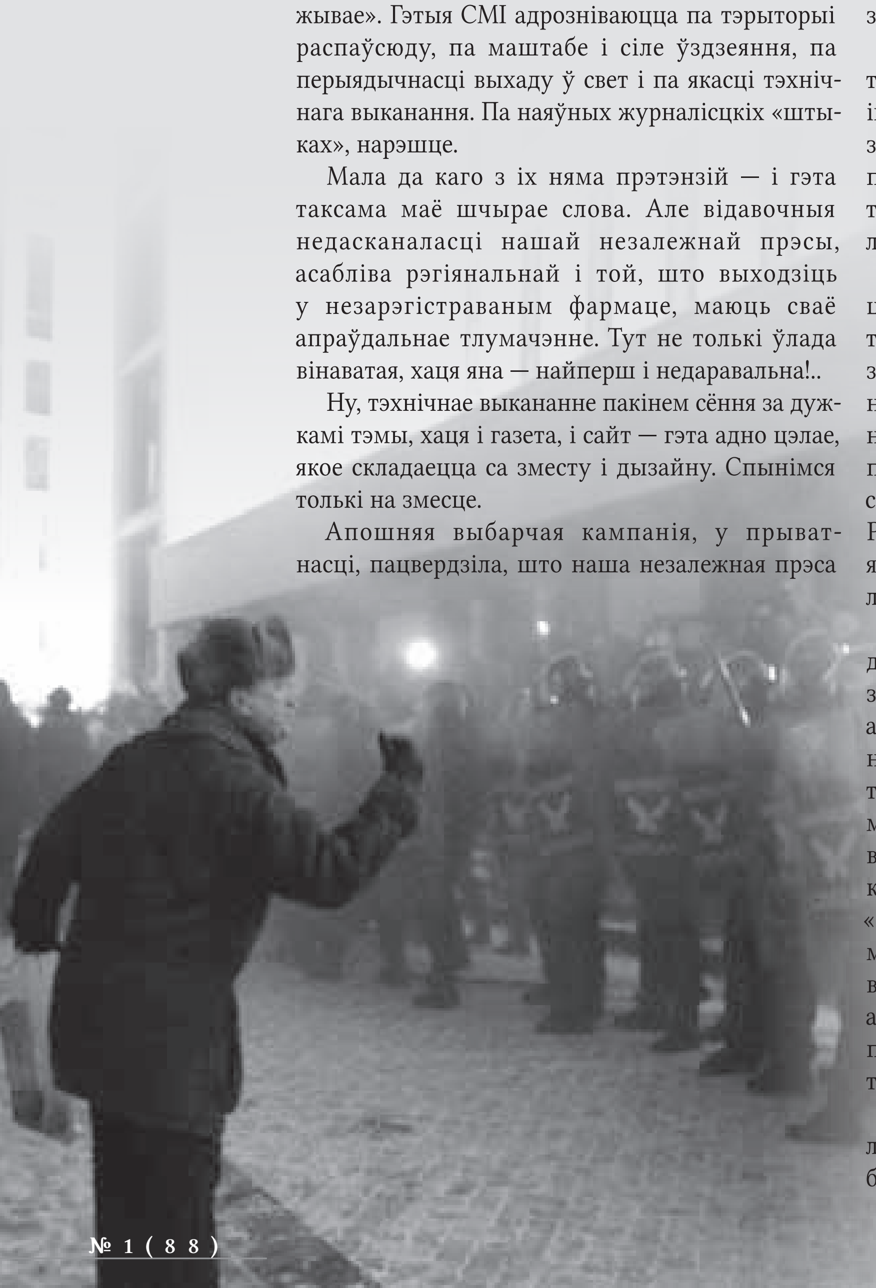
Апошняя выбарчая кампанія, у прыватнасці, пацвердзіла, што наша незалежная прэса па-ранейшаму мала ўплывае на розныя дэмакратычныя офісы і на лідараў грамадства. Адпаведна, яна мала ўздзейнічае і на шырокае грамадства (пра лепшую, аднак невялікую ягоную частку мы ўжо гаварылі). Таму, на жаль, ёй не выпадае вырашаць сутнасныя пытанні. Ды і СМІ нашы, асабліва ў рэгіёнах (напэўна, каб быць больш карыснымі для дэмакратыі ў гарачы выбарчы час), пайшлі следам за палітыкамі-кандыдатамі, што прапаноўвалі, як мне падалося, што заўгодна, акрамя слушных канцэпцый развіцця краіны і светапоглядных арыенціраў для грамадства. Забыліся, на жаль, нашы дэмакратычныя кандыдаты, а вось многія выбарнікі, атрымліваецца, памяталі пра гэта інтуітыўна. Пра тое, што ў тых, хто — далей паводле Іосіфа Бродскага — прэтэндуе на тое, каб кіраваць намі, варта запытвацца не пра эканамічныя формулы, а пра тое, ці «чыталі яны Стэндаля...», бо калі чыталі, то ім будзе значна цяжэй устанаўліваць дэспатыю і значна лягчэй — дэмакратыю. У «эканамічных» жа формулах у нас, як вядома, выдатна разбіраецца нязменны кіраўнік краіны... (ну і сп. Раманчук).

Нідзе, ніводным словам незалежная журналістыка не схлусіла і не падфарбавала жыццё. Але ішла не наперадзе грамадства і кандыдатаў, а — за імі. Гэта можна зразумець нават і з пазіцый прафесійных стандартаў: маўляў, трэба адлюстроўваць тое, што ёсць насамрэч, і быць больш люстэркам, чым паходняй.

Стандарты, і праўда, такія. Гэта мы паспелі цвёрда засвоіць, тым больш у параўнанні з іншай, так званай дзяржаўнай журналістыкай. Але, як здаецца і як хочацца верыць, стандарты гэтыя не адмяняюць чуйнага стаўлення да грамадскага наваколля (як у Святланы Калінкінай). І ўласнай пазіцыі (як у Андрэя Дынько) не адмяняюць. І смеласці чалавечай і прафесійнай (як у Наталлі Радзінай і Аляксандра Фядуты) не адмяняюць. У якога б шведска-брусельскага тэарэтыка журналістыкі запытацца дазволу на такія стандарты?!

А можа, самі дамовімся, што ад заўтра будзем брацца за асадку толькі для таго, каб сказаць праўду пра тое, што ведаем і што бачым, аднак і абавязкова — пра тое, што думаем з гэтай нагоды самі? Тады, у прыватнасці, пазбегнем і таго, з чым даводзіцца сутыкацца гэтымі днямі: маўляў, ну што ж вы, журналісты, не здолелі згаварыць гэтых кандыдатаў у прэзідэнты на адну кандыдатуру; а лепш бы — на адмову ад удзелу ў «фарсавым спектаклі»; а так і мы, выбарнікі, вымушаны былі ісці на гэтыя ўчасткі, разумеючы вынік, але каб не кідаць тых кандыдатаў увогуле адных і каб уладзіцца з уласным сумленнем. Цяпер вось душа за ўсіх баліць, хаця і гонар ёсць за тых, хто працаваў на Плошчы!..

І ў нас гэты гонар ёсць. Тым больш што найлепшыя нашы журналісты ў літаральным сэнсе былі і засталіся з кандыдатамі, а больш — са



сваімі чытачамі, слухачамі і гледачамі. Аднак хацелася б, каб і грамадскія лідары наперад ставіліся з большай павагай і ўвагай да жыцця, праблемаў і — ніколькі не настойваючы на «ісціне ў апошняй інстанцыі» — да думак, прапановаў і ацэнак незалежнай журналістыкі, малой ці вялікай, не істотна. Бо і адна, і другая — пагартайце хоць бы ў памяці старонкі незалежных газет і ўзгадайце радыё- і тэлевізійныя сюжэты выбарчай кампаніі і паслявыбарчых дзён — відавочна даказалі сваё права быць адказным складнікам грамадскага і палітычнага жыцця краіны. Складнікам, без якога яна, краіна, увогуле можа не захавацца. Бо не будзе каму замовіць за яе цвёрдае (і забяспечанае адказнасцю!) слова ў абарону. Таму, спадзяюся, што снежаньскі, хоць і горкі, урок падштурхне ўсіх нас (і знешніх назіральнікаў — таксама) да безумоўнага прызнання, што ў рэальных беларускіх умовах варта падтрымліваць і вырошчваць не журналісцкія «бізнес-праекты», але вольналюбівую, «незгаворлівую» прэсу. Не тую, што ходзіць у прыслугах і пераказвае толькі тое, што некаму прыемна пачуць. А тую, якая гаворыць «уласныя рэчы». Зразумела, такая прэса павінна ўзяць на сябе абавязак, што яе слова будзе забяспечана праўдай, інфарматыўнасцю і фактамі жыцця, аднак таксама — правам на ўласную пазіцыю і на ўласную думку. Без фанабэрыі, на падставе аналізу, роздуму і ўмення бачыць і адчуваць жыццё. Здаецца, звычайнае і зразумелае прафесійнае патрабаванне.

Дарэчы, чытаў у нашай незалежнай рэгіянальнай прэсе нямала публікацый, дзе калегі на месцах (а гэта цяжэй, чым у сталіцах) уздымаліся над палітычнымі сімпатыямі і нават над прыватным сяброўствам з тым ці іншым кандыдатам (цяпер «экс-»), бо служылі ўсё той жа прафесіі, а не «дэмакратыі» ўвогуле альбо «змаганню з рэжымам». Не магу ўтрымацца і назаву тых журналістаў, што былі вышэй за «палітычную мэтазгоднасць»: Сяргей Няроўны, Барыс Вырвіч, Мікалай Царкоў, Пётр Мігурскі, Ганна Ільіна, Ігар Барысаў, Андрэй Дзвігун, Ілля Заранок...

У адрыве ад прафесіі ніякай карысці ад нас ні змаганню за дэмакратыю, ні грамадству няма і не будзе — і гэта мы павінны выразна ўсведамляць.

Так што — будзем жыць! А журыцца не варта...

Даже на отдаленных пастбищах Туркменистана слушают «Радио Свобода»

При этом в стране нет ни одного негосударственного средства массовой информации, а на 4,8 миллионов человек приходится всего 6 интернет-кафе.

Янина МЕЛЬНИКОВА

Разговор с правозащитником, журналистом, а ныне политическим беженцем и председателем Демократического гражданского союза Туркменистана Вячеславом Мамедовым мы ведем в Астане. Вячеслав — единственный представитель своей страны, которому удалось приехать в Казахстан для участия в параллельной конференции гражданского общества ОБСЕ, организованной накануне исторического во всех отношениях Саммита. Удалось только благодаря наличию российского паспорта и нынешнему фактическому проживанию в Нидерландах.

«Должна была приехать Наталья Шаблинская, но ее фактически посадили под домашний арест. В ее подъезде постоянно дежурили сотрудники Министерства национальной безопасности Туркменистана. Раньше Андрей Рамбаев выезжал, но сейчас ему поставили жесткие условия, что он никуда не выедет», — перечисляет имена тех, кто остался на Родине, Вячеслав.

Туркменистан — своеобразная terra incognita на территории бывшего Советского Союза. Страна, о которой почти не говорят, а если и упоминают какие-то факты, то они больше похожи на сказку с намеренно гипертрофированными героями и ситуациями. Во многом этому способствует введенный визовый режим со всеми без исключения странами, а также то, что в Туркменистане нет свободных

медиа и практически отсутствуют правозащитные организации.

И все-таки, какая она, жизнь в стране, регулярно попадающей на самые низкие ступеньки всевозможных рейтингов свободы? Что происходит с этими самыми свободами? Как живут в Туркменистане правозащитники и журналисты, не желающие поддерживать режим?

Короткий разговор в перерывах между заседаниями конференции — и сказка оказывается былью, горькой. По мнению Вячеслава Мамедова, последние места Туркменистана в рейтингах свободы — закономерность.

«Страна не имела никакого перестроечного периода, структуризации хотя бы какого-то гражданского общества. Передышка в конце 80-х годов, время, когда вокруг зарождалось племя инакомыслящих людей, тоже не затронула Туркменистан. От советской модели развития мы сразу перешли к постсоветской, когда власть захватили партийные боссы, принявшиеся строить исключительно авторитарное государство. Первым президентом стал Сапармурат Ниязов (Туркменбаши), его эстафету перехватил Гурбангулы Бердымухаммедов», — терпеливо и немного обреченно рассказывает о своей стране Вячеслав.

Надежды на перемены, связанные с именем Бердымухаммедова — его называли чуть ли не туркменским Горбачевым, — рухнули, так и не успев толком взлететь.

«При Ниязове в «черных списках» было 12 тысяч человек, сейчас невыездными из страны являются уже 15 тысяч. Причем люди попадают в эти списки не вследствие судебных процедур, а по «телефонному праву», — говорит правозащитник. — Часто человек об этом может даже не знать. То есть покупает билет, приезжает в Ашхабадский аэропорт, проходит таможенные процедуры, сдает свой багаж и тут неожиданно узнает, что выехать не может. Оспорить это решение в порядке судебной процедуры невозможно».

Увидев, что я не удивляюсь, Вячеслав осекается: «И у вас?..» Затем на минуту замолкает, видимо, собирается с мыслями, выуживая из обилия имеющейся у него информации ту, что должна меня поразить.

«В Туркменистане невозможно зарегистрировать неправительственную общественную организацию, которая была бы неподконтрольна властям, — продолжает свой рассказ Вячеслав Мамедов. — Мы пытались зарегистрировать общественный образовательный центр «Фламинго» — нам сказали, что в стране есть Министерство образования, и этого достаточно. До этого мы собирались зарегистрировать экологический клуб «Фламинго» — нам заявили, что в стране есть Министерство охраны окружающей среды и наша работа на этом поприще не нужна. Все те организации, которым удалось зарегистрироваться в стране в 90-х, были закрыты».

И вновь картина кажется мне до боли знакомой. Ловлю себя на мысли, что жду «экзотики», чего-то по-настоящему невероятного, непостижимого, как если бы люди в Туркменистане вдруг стали... ну, по крайней мере, ходить на головах. «Среднеазиатская экзотика» не заставляет себя долго ждать.

«Занятие любой деятельностью, выходящей за рамки Демократической партии имени Сапармурата Туркменбаши, запрещено. Все должны читать «Рухнаму», — добавляет новые штрихи в свой рассказ туркменский диссидент.

Вот оно — «Рухнама»! Своеобразная «Тысяча и одна ночь», доходившая до нас лишь отголосками, фантастическими картинками, которые невозможно понять человеку европейскому, хоть и живущему в похожем условно «демократическом» обществе, «идущем своим путем».

«Книга, написанная Ниязовым, приравнена в стране к Корану», — видя мой живой интерес, объясняет собеседник.

«Рухнаму» читают в школах и вузах, на предприятиях, дома и в общественном транспорте. По ней сдают экзамены, с нее начинают день и с ней же — заканчивают. В двух словах смысл написанного в этой книге можно передать так: туркмены — великая нация, Ной, возможно, был туркменом и т. д.

Еще недавно в Туркменистане все школьники были обязаны перед началом занятий читать «Клятву верности». В ней были слова: «Да отсохнет рука моя… Да отнимется язык мой… Да прервется дыхание мое, если я предам Туркменистан и Сапармурата Туркменбаши»…

С именем «отца нации» связана вся жизнь в стране. Связана с ним и личная история Вячеслава Мамедова.

«Я «предал» Туркменбаши еще в 90-х, когда стал протестовать против переименования родного города. Городу хотели дать вместо русского туркменское название. Традиционное название города мы тогда отстояли, но кто же знал, что уже скоро и мой город, и еще 50 населенных пунктов по всей стране будут носить имя Туркменбаши?» — рассказывает Вячеслав.

Затем были другие акции протеста, правозащитная деятельность, тюрьма, освобождение, еще три года попыток что-то изменить в стране и, наконец, отъезд.

Работать в стране, где пятьдесят Туркменбаши, где нет не только негосударственного телевидения, но ни одной газеты, которая бы не была в личном владении президента, Вячеслав Мамедов не смог. Бежали из Туркменистана и большинство его русскоязычных коллег.

«Людей запугивали, кидали в тюрьмы, садили и до сих пор садят под домашний арест, выгоняют с работы. Инакомыслящих в стране осталось очень мало, власти способствуют их отъезду из Туркменистана», — говорит Вячеслав.

Сегодняшние СМИ в стране, по словам Мамедова, однотипные. Окружение президента формирует тематику прессы, назначает и снимает главных редакторов, следит за тем, чтобы и газеты, и их сотрудники соответствовали государственной политике и идеологии.

Первые полосы туркменских газет густо украшены президентскими портретами, восхвалениями в его адрес, перечислением его встреч и т. д. Третья полоса отдается под бойкие отчеты о битвах за урожай и прочих свершениях, победах. Четвертую занимает реклама.

«Журналистами сейчас работают все, кому не лень. Для того чтобы заниматься такой журналистикой, читай — пропагандой, большого ума не нужно. Достаточно уметь записывать и воспроизводить высказывания президента», — отмечает Вячеслав Мамедов.

Мы рассматриваем одну из привезенных Вячеславом газет. «Сегодня во всех регионах страны и в туркменской столице на широкой альтернативной основе прошли выборы членов велаятских, этрапских и городских халк маслахаты. Уже к полудню свой гражданский долг исполнили около 50 процентов туркменистанцев, а на момент завершения акции в целом по стране проголосовало 95,79 процента от общего числа избирателей».

В стране невозможно подписаться на иностранную прессу. Единственный источник независимой информации в Туркменистане — «Радио Свобода».

«Любая туркменская семья имеет радио, и даже на отдаленных пастбищах все слушают «Радио Свобода». Главное, чтобы были электричество или батарейки», — усмехается Вячеслав.

Что касается ТВ, то и российское телевидение, и телевидение стран-соседей внутри Туркменистана можно смотреть только через спутник. Спутниковых тарелок в Туркменистане, пожалуй, больше, чем в любой другой стране Центральной Азии. В Ашхабаде на 120 квартир многоэтажного дома примерно 80–90 спутниковых антенн. Большинство из них направлены на спутники, принимающие передачи из России.

Ситуацию мог бы изменить доступ к интернету, но на почти 5 миллионов населения в стране только 6 интернет-кафе, выход во Всемирную сеть через мобильные телефоны заблокирован по договоренности с операторами мобильной связи.

Свобода слова, выражения, свобода ассоциаций — для подавляющего большинства жителей Туркменистана это всего лишь недостижимые права, которые их государство гарантировало всем гражданам еще в 1992 году, когда вступало в ОБСЕ.

«Мне хочется верить, что вы учтете наши ошибки. И вы не допустите такого в своей стране», — говорит на прощание Вячеслав Мамедов. Становится грустно от ощущения, что на своей стране этот умный, обаятельный человек уже поставил жирный крест.

Обещаю ему, что, конечно же, не допустим такого… Нет?

Леонид ЗАИКО,
научный обозреватель

Надо отметить, что первой реакцией на подписание 31 декабря 2010 года директивы было что-то типа: «Сбылась мечта идиотов». Беларусь двинулась (стройными рядами?) в новую экономику. Или сдвинулась? Но это выяснится несколько позже. Загадочность ситуации обнаруживает себя во многом.

Экономическая свобода
(недирективный подход)

Начнем с простого. В Беларуси в последние годы, как и раньше, не было традиций использования идей либертарианства, концепций экономической свободы. Собственно, в среде чиновников и политиков официального уровня, среди которых много посткомсомольцев и неокоммунистов, парадигмальная фундированность ограничивалась идеями социальной справедливости в субсидиарной форме. Все, что хотите, любой каприз за деньги налогоплательщиков, только не пугающая «экономическая свобода». Как тезис и как практика.

Именно по этой причине ничего, кроме постулата «социально ориентированной» экономики, придумано не было. Теоретическая бессмыслица данного словосочетания далеко не всегда понимается, ибо, если экономика не ориентирована на социум, то она вообще не имеет шансов на развитие. Создаваемые ценности, товары только тогда приносят доход, когда они «признаны обществом», то есть куплены потребителями. Социальная, общественная ориентированность есть имманентное свойство любой современной экономики. А мы особого желания опуститься в средние века, рабовладение не изъявляли.

Но дело в том, что рыночная экономика далеко не всегда является свободной. Существовали в истории и рабовладельческие рынки, на которых была конкуренция и действовали законы спроса и предложения. Рабами неплохо торговали, чем не развитый рынок? Но — свобода. Увы.

Так и с нами. Рынок по директиве будем выстраивать, но свободную экономику? Ох, как далеки и чиновники, и официальные экономисты, писавшие директиву, от понимания базовой «величины» — свобода. Конечно, не невольнический рынок, а просто «несвободный» мы сконструировали. Основы заложили еще до подписания директивы.

Вирус мутантного постсоветского сознания глубоко поразил определенные слои общества, поэтому не только свобода, но и рынок пугал и

пугает до сих пор. В том числе и «широкие народные массы». Последние 3–4 месяца предлагаемые многими экономистами и политиками изменения преподносились как заведомо пугающие перспективы. Неосоциализм практический использовался в форме лозунга стабильности. Иное не принималось, не советовалось и не допускалось в качестве парадигмы развития, ориентированной в будущее.

Как главное достижение развития, доминантный вектор экономики в Беларуси преподносилось (и так до сих пор) производство. Заводы и фабрики, наемный труд. Капитал стыдливо замалчивался, хотя нынешние политики и чиновники уже становятся капиталистами, сами по определению перестают быть наемными работниками. И имплицитно этого не замечают. Либо, вольно или невольно, делают вид, что не замечают.

Что-то менять по существу в атмосфере вымученной социальности нет острой необходимости. Потоки нефти из России, успешно переработанные на двух национальных предприятиях, давали 40% валютной выручки. И будут давать в соответствии с российской привязкой последнего времени. Усилиями Кремля наша страна с помощью собственной власти и части собственной оппозиции отрезана от ЕС и США. Не как некая геополитическая периферия, а как домен региональной и мировой экономики.

Подписанная 31 декабря Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» оказывается на «линии огня». Она была очень нужна весной и летом 2010 года, отлично работала прямо перед выборами. Манила и вдохновляла многих. Создавала новый образ государства, удивляла страны Запада. Нравилась даже самим себе.

Обратный эффект ситуации в том, что многое делалось «под Запад». Выборы «под ОБСЕ», либерализация «под ЕС и США». Теперь это уже не нужно. А что нужно? Что нам самим себе «заготовить» на ближайшие годы?

Народу — рост заработной платы. Политикам и чиновникам — раздел промышленной собственности. Кому цветы, а кому — мороженое.

Белорусская неономенклатура дождалась своего звездного часа. Не удивительно, что и назначенный премьер-министр — «аппаратный генерал». Переждали В. Кебича, убрали «лишних», подчистили, подправили. Прямо как в американских боевиках про грабителей банков. На финишной дистанции — минимальное количество. «Боливар не вынесет двоих». Это — про наше нынешнее социоэкономическое, институциональное состояние.

Есть ли спрос на либерализацию? Не очень-то. Пока собственность не поделена, лучше использовать командные методы. Уволить, скажем, директора частного акционерного общества указанием свыше. Или перечеркнуть право частной собственности. Что и было быстро продемонстрировано. После подписания директивы и таких обнадеживающих тезисов, как: *«Принимать самые серьезные меры по защите и развитию частной собственности. Создавать условия для беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности».*

Сними раньше директора частного предприятия — вроде как все нормально, естественно. Но после вступления в силу «протокола о намерениях» (может, такова и есть суть директивы?) вмешиваться в управление частным предприятием не следовало бы. Да пришлось. Зачем, спрашивается? Собственную природу (административную) уже не обманешь? Или поспешили, забыли про документ от 31 декабря!

Конечно, директивы есть наше изобретение (были и при Сталине, писались и для армии). Ну что тут поделаешь? Своеобразная традиция, не совпадающая с юридическими канонами. Раз в 2–3 года пишутся директивы, что-то «под них» делается, потом все забывается. Потом вспоминается. Когда реализация «циркуляров» корректируется и все идет по-другому.

Но внимание к нынешней директиве особое. За пару месяцев до ее подписания А. Лукашенко в своей программе дал новую парадигмальную установку: «От экономики директив — к экономике инициатив». Отличная мысль, кто же против. Плюс к этой позиции — курс на реализацию человеческого потенциала, поворот к «раскрепощению деловой инициативы и творческого потенциала граждан».

Мысли удивительные по своей актуальности. Конечно, следовало бы спросить, и конкретно: кто же так долго, лет 15, закрепощал потенциал «граждан»? Где эти полисимейкеры и аппаратчики? Почему мы не видим их всенародно?

Все это напоминает ситуацию с лекциями по истории КПСС. У нас в институте (Нархозе) доцент читал лекции за пару дней до отлучения от власти Н. С. Хрущева. Читал с упоенным восторгом, взахлеб, рассказывая о текущих успехах и начинающемся строительстве коммунизма. О мудром руководстве Хрущева нам сейчас многое известно, но тогда мы мало о чем догадывались. После восторженной лекции следующая была критическая. Все наоборот! Красноречие и дидактика работали с полным размахом. Камня на камне не оставил наш доцент от Никиты Сергеевича. «Оттягивался» по полной.

Сокурсники мои под впечатлением смеялись и шутили. Это была не лекция, а урок на всю жизнь: о лжи и слабости человеческой натуры. Урок ничтожности, подавленности и хамелеонства. Хотя доцент мог и не распаляться в своих выступлениях. Но мы ведь очень долго воспитывали в стране «дураков с инициативой».

Не хочется верить, но в начале 2011-го все повторяется. Те, кто был сторонником административной системы «управления» экономикой, стали вдруг

«рыночниками». Они с ловкостью комментируют диаметрально противоположные идеи — опять «на плаву» дети и внуки нашего доцента по истории КПСС.

А такими должны стать и министры, и губернаторы, и служащие правительственных структур. Или не станут? Будут говорить одно, а делать другое?

Скорее всего, так и будет. Ведь полтора десятилетия дискриминации, по существу социально выраженной, психологической, а также прессинг не могут вмиг смениться на благожелательность к предпринимателям, поддержку их инициатив. Принять экономическую свободу вместо административного управления чиновничий аппарат просто не сможет.

В этом перечне вопросов мы имеем, как говорится, «нечто». Свои доморощенные демократы и западные консультанты угодливо предлагают белорусам реформы и рынок. Под это давали деньги МВФ (3,6 млрд. долларов) и Всемирный Банк. Даже чиновники ЕС сподобились на обещания в 3 млрд. $. Для чего?

Для приватизации в пользу номенклатуры? Или реформ в пользу иностранных компаний? Защиты иностранных инвестиций?

А нужно ли нам это? Наделить министров и вертикаль очередными долями «фамильного серебра», дать поучаствовать в этом западным политкоммерсантам? Зачем, для чего одни проблемы системного плана заменять другими, не менее неприемлемыми.

Никакие выборы, директивы не заменят необходимость понимания изменений. Базовых изменений в белорусском обществе. В этом можно убедиться на примере экономических изменений (реформами называть «это» нет необходимости) в соседних странах. Особенно — в России. Там, вроде, рынок есть. Такой специфический. С коррупцией, криминалом. Но они «это» считают рынком. И сами себе не верят. Внутренне сопротивляются. Не хотят такой перспективы для собственных детей. Потому и отправляют их учиться за границу, а вскоре и сами уезжают.

Самоотрицание (при подобном развитии) грозит и нам. Половина нашей молодежи готова навсегда уехать из страны. Семьдесят процентов детей моих научных коллег и коллег по университету уже перебрались в США, страны ЕС. Папы получают ордена и медали из рук главы государства, а дети избавили себя от «Папиного» государства.

И кто же есть мы сами? Как и зачем добиваемся общих целей? Не подменяем ли принципы лучшего и свободного общества разными усредненными задачами и директивами?

Многие понимают это. Есть в директиве замечательные слова и положения о защите частной собственности. Защите от кого? От чего? От самих себя? Естественно.

Есть и другое, внешне привлекательное. Например, *«предоставить право преимущественного приобретения находящегося в государственной собственности имущества (кроме земельных участков) субъектам предпринимательской деятельности, арендующим данное имущество не менее трех лет, с рассрочкой платежа на пять лет»*. Это означает, что, если вы взяли в аренду этаж для офиса в муниципальном строении, у вас есть право на покупку этого этажа.

Ну и что? Купите с радостью? Вот так просто мэр поселка, города вам и отдаст то, что на время позволил использовать! Не спешите. Сначала постарайтесь понять, что речь идет только о «преимущественном приобретении». Перед тем, кто будет вашим конкурентом. А цена? Выстроится ряд приобретателей — и своих, и чужих. Ценами вас просто смоет, как волной.

Более того, у чиновников есть и супераргумент — «кроме земельных участков». Это имело место во многих странах Восточной Европы. Здания покупали, а земля — в собственности других. И — вперед, катитесь, куда хотите, с этой земли.

Рассуждать можно о многом. Например, ждать исполнения желаний и чудесного превращения «белорусского экономического чуда» в чудо рыночное. Почему бы и нет? Начинающейся номенклатурной приватизации жизненно необходима минимальная либерализация. Ею можно и закрепить переход, то есть конвертацию политической власти во власть экономическую. Процесс идет явно, но, по большому счету, скрытно. Под него и прошла директива. Под эту конвертацию власти заточены слова и дела победивших на недавних выборах стратегов неономенклатуры.

Надо радоваться? Кто-то вправе это делать. Те, кто должен разделить собственность и власть в 2011 и последующих годах. «Маленькие радости» получат и предприниматели. «Непременно, батенька, получат», — как сказал бы в такой ситуации известный политический лидер всех времен и народов.

А что свободная экономика? Рыночная экономика свободных людей? А это и есть реальная цель преобразований в Беларуси. В развитии не экономики директив, а экономики инициатив.

Именно в этом тезисе пока сомневаться не приходится. Осталось объединить усилия. Причем не только теоретические, умственные. Но и практические, деловые и прагматические

Юзік ЛАБЭЦКІ

Вір

Сацыяльна-эканамічны агляд і сярэднетэрміновы прагноз

Як я быў яшчэ малы, вада ў рацэ нашай была чыстая-чыстая, можна было піць яе. І вялікія рыбы плавалі ў цені дрэваў. А ля вострава быў вір. Кінеш трэсачку якую, і яе там пачынае круціць. Усё меншыя кольцы, усё хутчэй круціцца, аж пакуль не знікне.
Зараз у нас, у нашым краі, такі вір зрабіўся. Круцімся без толку.

Іншы раз напалохаюць людзей чым, дык яны пытацца пачынаюць: «Скажы, Юзік, што было, што будзе, чым душа супакоіцца?»

Было... А што было? Заўсёды тое самае і было. Наталіўшы смагу і голад, жанчыны шукалі сабе мужчынаў, каб нарадзіць дзяцей. Дзеці нараджаліся, плакалі і кожны дзень прасілі есці. Так было, гэтак ёсць, і гэнак будзе. Дзеля таго мусім штодня працаваць і змагацца з лёсам.

Яшчэ жанчыны вучаць дзяцей размаўляць. Ці не так? Цягаюць іх на руках, потым водзяць за руку і нешта гавораць, гавораць увесь час. Глядзі, гэта тое, а гэта не тое. Ты хлопчык, а ты дзяўчынка. Гэта добра, а гэтак рабіць не варта.

Першыя тры гады свайго жыцця большыня з нас амаль цалкам залежала ад жанчын.

І калі падзяліць свет гэты на дзве часткі: рэчы і дух, — то дух, які ні ёсць, уваходзіць у чалавечкаў малых з вуснаў жанок.

Некаторым з дзяцей і ў нашыя часы шанцуе, што апрэч нармальнай маці ў іх ёсць нармальны бацька. Ён вялікі, дужы і справядлівы. Ён вырашае і судзіць, ён шкадуе і падымае пад самае неба. Ён уладарыць над светам рэчаў. І Ён закаханы.

Пасля трох гадоў, калі мае сына гэткі бацька, то ўводзіць хлопчыка ў вялікі свет рэчаў... Стоп!

«Што ты вярзеш, дзед? — нехта скажа. — Твая казачка састарэла».

Не, дакладней, не зусім яна састарэлая. Проста склалася так, што цэлыя апошнія сто гадоў падзеі былі для беларусаў неспрыяльныя і многа, занадта многа дужых, прыгожых і разумных мужчынаў загінула. Да таго ж войны, калгасы, турмы моцна прайшліся па ўсім, што было створана нашым людам, — і засталіся толькі вартыя жалю парэшткі. На тых парэштках ацалелыя целяпаюцца, робяць што могуць ды як умеюць.

Адробяць. Балазе, рукі куды трэба прыстаўленыя. Хіба з моваю турботы будуць. Бо ўжо з паўсотні гадоў як большыня тутэйшых дзяцей чуе ад мацярок расейшчыну. Не кажу — расейскую. Бо як у Расеі на чыгунцы працаваў, то сапраўдную іхную гаворку чуў. І кніжку іншы раз пачытаю. Дык вось, у тутэйшай расейшчыне словаў мо ўтрая меней, плоская яна нейкая, нібыта з інструкцыі па грамадзянскай абароне.

Рускія школы, польскія школы — тае бяды. Перажылі тое лёгка, але ж тут яшчэ тэлевізар. Я зараз жанок, у якіх глузды тым тэлевізарам не пашкоджаныя, і не ведаю. Бо па сабе скажу: адзіны спосаб ёсць з тэлевізарам змагацца — наогул не глядзець. Пятнасце год ужо не зазіраю ў тое чортава акенца, крыху ачуняў.

Дык вось, за мноства грахоў нашых насланы на баб тэлевізар, а на мужчынаў — гарэлка. Таму малыя няшчасныя толькі і чуюць, што рэкляму, а як татка прыйдзе з душою адпітай, хворы, злосны, ды жонку біць пачне, чуюць лямант ды брыдкаслоўе. І гэтак праз тры хаты на чацвёртую. Ніякай табе акупацыі не трэба. Не дзеці робяцца, а нейкія хамячкі: соваюцца туды-сюды бязглузда ды гэтыя чыпсы жаруць. Ані гульняў людскіх не ведаюць, ані рабіць нічога не ўмеюць.

За тым усім лепшае ад дзядоў добра калі да кожнага дзясятага дзіцяці даходзіць. Няма рэчышчаў даўнейшых дзеля досведу. Бачу зараз, як цяжка сапраўдным майстрам, у чым заўгодна людзям спрактыкаваным. Вучняў майстру ўсё цяжэй адшукаць!

Адныя гэтыя няшчасныя кабеты без мужоў, штурхаюць дзетак, крычаць на іх. Не дзіва, палічылі ўжо, што тры чвэрці шлюбаў скасоўваецца ды кожнае пятае дзіцё па-за шлюбам родзяць.

А чаму гэткая мода пайшла, той казаў: шлюб пад плотам, а вяселле потым. Гамоняць: разбэсцілі народ living розны...

Але не ад місы смак залежыць. Проста тыя вострыя прысмакі з сытай Амерыкі альбо Еўропы праз рускае сіта да нас прапіхваюць. І гэтае абы-што тут потым трушчаць не як ласунак, а як хлеб. Завялася ў бедакоў лішняя капейчына — і

Photo.bymedia.net

тую пруць на атруту: наркотыкі ды розную парнаграфію.

І яшчэ. Даўней з тых, што пазычалі, смяяліся. А зараз крэдыт той хопнуць — справа гонару. Ужо на шаснаццаць трыльёнаў рублёў пазык людзі набралі. Чым думаюць? Начальства ўсё за мяжой пазычае, а галота следам за начальствам...

Дайце нам, як панам, чаю з агуркамі! Усе сметнікі ў немцаў падчысцілі. Машыны яны, бач, купляюць. Потым, хто з Менска, зірніце ў акно: стаіць тое ламачча снегам засыпанае. Будуць «на дачу» ездзіць. З тае дачы толку, як з казла малака. Кітайская гароднiна-садавіна ўжо таннейшая за нашу, і гішпанская, і бельгійская... Ды з усяго свету. Сам бачыў.

І што з таго будзе? Мяркую так. Няхай сабе штогод нараджаецца прыкладна сто тысячаў дзяцей. Гэта значыць, што тут ужо жыве два мільёны беларусаў, маладзейшых за 20 гадоў, якія не бачылі іншага жыцця. Якія не ведаюць ніякага іншага ладу, іншай мовы, іншай улады.

Казалі па нямецкім радыё, што зараз чвэрць мільёна наркаманаў — будзе праз дваццаць год паўмільёна. Я рознае радыё слухаю: і Маскву, і Ватыкан, і Варшаву. Ды свае вочы ў лобе маю.

Не менш у нас як паўтара мільёна алкаголікаў. Два мільёны чалавек хоць тыдзень, а за кратамі пабывалі. А гэна, суседаў сын гаворыць: «Хто не быў, тот будзет, хто был — не забудзет». Вядома, што пасля турмы нашай, дый пасля войска ў хлапцоў уся псіхіка перакрыўленая. Што не меней за паўгода п’юць, як перад канцом свету, як адтуль вырвуцца. Супакоіцца не могуць. І пітушчых праз дваццаць гадоў удвая паболее, калі не апрытомнеем.

Восем мільёнаў нас тут беларусаў. І чым далей, тым болей адно аднаго дурнямі лічым. Гэта ўсё мы — Божа! Ды не дадзена нам іншай зямлі і будучыні, чым тыя, што ёсць і будуць намі самімі зробленыя.

Што будзе? Тое будзе, што нас не будзе, па звычцы адказваю. Ніякавееце, а дарма. Бо не ведаеце, як гэна — глядзець на непазбежнае як на той бераг ракі.

Можна імкнуцца насуперак плыні, можна рвацца штохутчэй, а можна проста плыць, сілы ашчаджаць. Усё можна, калі ты сам сабе гаспадар, сабе аднаму належыш, сабою кіруеш, сабою валодаеш.

А хто ты такі? Зрэшты, сваю няпэўнасць кожны адчувае, ды не кожны хоча прызнавацца. Ведае, якім ён хоча быць. Ведае, што дзеля гэнага трэба зрабіць. Ведае, як гэта трэба рабіць. Але не здольны перамагчы ў сабе нешта... Потым сорамна, як зробіць такое, што і ўспамінаць гідка.

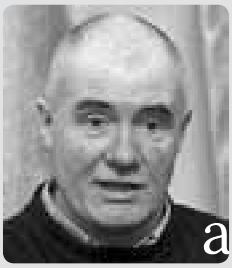
Вялікім кожнаму хочацца здавацца. Салідна выглядаць. Толькі, на дыбках стоячы, вышэй не зробішся, дый на пяты мусіш неўзабаве апусціцца. Усім будзе смешна, хто заўважыць. А табе крыўдна.

Веру ў Бога. Таму не баюся будучыні. Дый мая будучыня тут хутка зробіцца. А ў маладых на шляху да таго, кім хочуць быць, — тры перашкоды, як тры сцяны паміж імі ды іхнымі марамі. Адна — тое ў табе, што замінае быць добрым. Другая — лёс. Трэцяя — іншыя людзі.

Будзеш моцны — сабе рады дасі, адолееш д’ябла. Будзеш цярплівы — беды пераж ывеш, за лёсам пойдзеш і шчасце знойдзеш.

Людзі... Кожны за сваім ідзе, а сцежкі робяцца. Бо многа каму адное і тое трэба. Думай...

Каму ў Беларусі жыць добра



Наша дзяржава арыентаваная на чыноўнікаў — ад самага галоўнага да апошняга клерка ў кіраўнічай канторы.

Міхась ЗАЛЕСКІ

Сістэма сацыяльнай абароны ў поўным аб'ёме захавалася ў нас з часоў СССР, аднак яе эфектыўнасць радыкальна знізілася. Бо сацыяльныя праграмы падтрымліваюць нябедных болей, чым жабракоў.

Вось прыклад-ілюстрацыя. У табліцы паказана, колькі тысяч афіцыйна бедных і колькі тысяч афіцыйна заможных сем'яў атрымліваюць розныя сацыяльныя льготы. Усе хатнія гаспадаркі краіны падзеленыя ў табліцы на 10 роўных груп (статыстыкі іх называюць дэцыльнымі групамі) па ўзроўні прыбыткаў на аднаго сямейніка. Група 1 мае самы нізкі прыбытак, група 10 — самы высокі. Бадай, толькі самую заможную групу варта параўноўваць з еўрапейцамі.

Там, дзе «ўладары свету» не цягнуць з дзяржаўнай кішэні, усё выглядае натуральна: дзве трацiны або палова дапамогі на харчаванне і на дзетак дастаецца незаможным.

А там, дзе капіталізму яшчэ няма, але патрабуецца пэўная якасць паслугаў, пануе савецкая сістэма доступу да лепшага па ніжэйшых коштах. І, натуральна, большая палова дапамогі размяркоўваецца «лепшым сынам і дачкам», якія...

Вынікі, атрыманыя беларускімі даследчыкамі шляхам спецыяльнага вывучэння праблем адраснай сацыяльнай дапамогі, не асабліва і вядомыя. Дый навошта...

Наіўныя даследчыкі мяркуюць, што падстава для «няадраснага» выкарыстання сродкаў — «адсутнасць неабходнага ўліку ўзроўню даходаў пры размеркаванні дзяржаўнай дапамогі паміж сем'ямі з розным узроўнем даходаў».

Насамрэч грошыкі ідуць тым, хто набліжаны да выціскання з краіны максімальных дывідэндаў.

Як мы робім і што маем

Уявіце сабе маладых, што, узяўшы шлюб, аддзяліліся ад бацькоў. І кажа гаспадар: «Жонка, мы людзі сумленныя, працуем шэсць дзён на тыдні, а ў нядзелю прыстойна адпачываем. Трэба нам дзеля працы лепей харчавацца, а дзеля адпачынку годна выглядаць. Зноў жа, неўзабаве будзе нам прыбаўленне. Мусім паклапаціцца і аб малым!» Пастанаўляюць яны так: зарабляем мы два мільёны штомесяц (някепска, бач, жывуць), а каб гэтак было, як хочацца, трэба мець тры. То станем пазычаць: спачатку — у бацькоў, потым — у братоў, потым — у суседзяў, потым — у банках розных, і, нарэшце, калі ўсе прычэпяцца: «Аддай-аддай»...

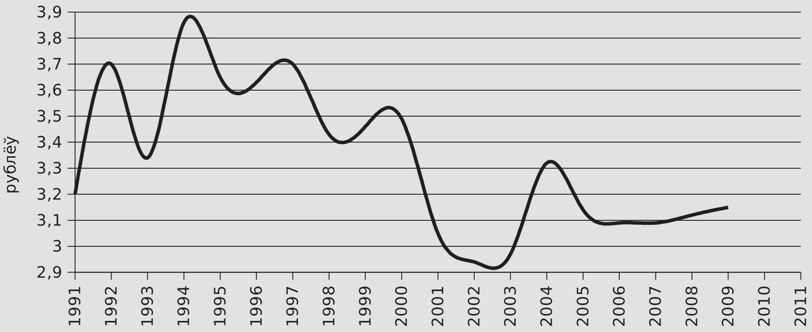
Тут мне фантазіі не хапае. А вам, шаноўныя чытачы, ці не падаецца гэткая сям'я поўным зборам дурняў? Напэўна.

Колькасць хатніх гаспадарак, што атрымліваюць сацыяльныя льготы, па дэцыльных групах (тысяч гаспадарак)

Групы	Харчаванне	На дзяцей	Усяго па слупках 1 і 2		ЖКГ	Пуцёўкі	Лекі	Іншыя	Усяго па слупках 5, 6, 7, 8
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	60	90			42	15	55	3	
2	48	46			47	24	62	4	
3	47	41			43	29	65	8	
4	56	30			53	33	57	5	
5	39	27			53	30	79	6	
Па пяці бедных групах	250	234	484	Па трох найбяднейшых групах	132	68	182	15	397
6	39	23			40	35	73	4	
7	43	23			43	35	65	4	
8	42	14			55	39	57	9	
9	29	10			43	44	63	4	
10	26	5			35	35	48	4	
Па пяці багатых групах	179	75	254	Па трох найбагацейшых групах	133	118	168	17	436

Беларусь аддзялілася ад СССР, лічы, у 1991 годзе. Багата чаго за той час змянілася. І на статыстыку шмат хто наракае. Але ж той вызначаны статыстыкамі валавы ўнутраны прадукт, ростам якога хваліцца ўвесь час начальства, і намінальны заробак падлічваліся тымі самымі спецамі ў аднолькавых на год разліку рублях. І атрымалася...

Выраблена ВУП адным занятым у эканоміцы на адзін налічаны рубель заработнай платы



Ці то працуем мы за часы Лукашэнкі што далей, то меней; ці то атрымліваем за сваю мізэрную працу ўсё болей? А можа, на карку нацыі ўжо цесна ад «слугаў народа», што гоняць люд невядома куды? Апошняе, як на маю думку, найбольш падобнае да праўды.

Бо чым ёсць валавы ўнутраны прадукт у самым простым разуменні — сумаю дададзеных вартасцяў. Што за яны? Ну, напрыклад, я купіў бервяно, і сусед купіў. Ён распілаваў упоперак і атрымаў дровы, а я — удаўжыню і атрымаў дошкі. Ён прадаў, і я прадаў. Хто болей атрымаў? Той, хто больш кваліфікаванай працы выкарыстаў, дадаў вартасці. Каб я мэблю зрабіў, то было б яшчэ лепей.

Тыя, што пасвяць працоўных, могуць таксама вартасці дадаць тавару, калі прыстрояць яго выгаднаму пакупніку альбо так работу арганізуюць, што ўсім прыемна. Так усё зробяць, каб нам выгадна было працаваць. А яны во што зрабілі, глядзіце.

Каб вырабляць свае тавары, прадпрыемствы нашыя, за другімі саветамі пабудаваныя, — вельмі вялікія і абавязаныя экспартаваць — патрабуюць імпарту сыравіны і камплектацыі.

Заўважце, з кожным годам розніца ў цане імпарту і экспарту павялічваецца не на нашу карысць. Змяніць сітуацыю не можа ні рабочы, ні настаўнік, усё вырашае арганізацыя.

Прыкладам, ёсць тры беларусы-станочнікі: у Барысаве, Беластоку і Чыкага. Дык наш робіць экспартнай прадукцыі на 1300 даляраў, польскі супляменнік — на 3000, а амерыканскі — на 13000. Рукі ва ўсіх аднолькавыя. Камандзіры — розныя.

Ну, здавалася б, усё відавочна: прадукцыйнасць працы падае 15 гадоў, знешні гандаль не дае чаканага эфекту 15 гадоў, а камандаваць хочацца... Дзеля гэтага трэба, каб масы людзей не адчувалі бесталковасці сваёй працы і безвыніковасці калектыўных намаганняў, каб куплялі, куплялі і куплялі новыя кватэры, машыны, вопратку, ежу... Куплялі, не зарабіўшы. Куплялі і хвалілі начальства: «Жить стало лучше, жить стало веселей!» Знойдзены быў спосаб просты і хуткі: рост усіх магчымых тыпаў запазычанасцяў.

Некаторыя крэдытаў панабіралі, а зараз аддаць не ў стане — але гэта іхныя праблемы, тут кожны за сябе адказвае. А за тое, што набралі дзяржава, банкі і прадпрыемствы ад нашага імя, давядзецца адказваць усім нам...

Абсалютныя паказчыкі валавай знешняй запазычанасці Беларусі, млн дал. ЗША

	01.01.2007	01.01.2008	01.01.2009	01.01.2010	01.04.2010
Валавая знешняя запазычанасць па ўсіх сектарах эканомікі	6844.1	12496.5	15154.1	22060.3	22243.5
Абслугоўванне знешняй запазычанасці	3680.9	3965.4	6448.5	5822.2	1730.3

Крыніца: Нацыянальны банк http://www.nbrb.by/bel/statistics/ExternalDebt/Parameters/

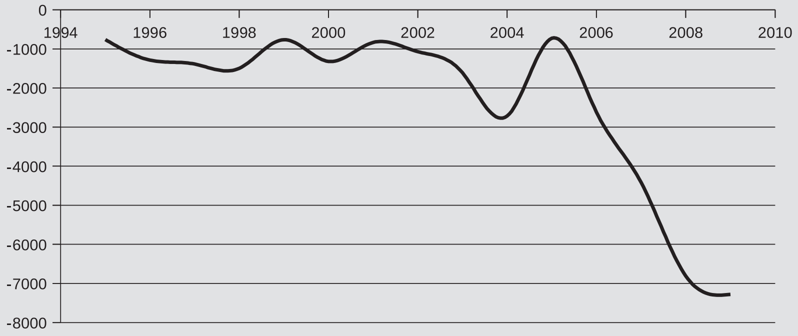
Чаму кажу пра банкі і прадпрыемствы? Ну мы ж не дзеці, ведаем, што тут без дазволу зверху скочка не скоча, а яны мільярды даляраў «самі» напазычалі.

Выглядае гэта наступным чынам.

За тры гады канчатковага пагаршэння знешняга гандлю знешняя запазычанасць вырасла ўтрая. Мільярды ідуць ужо на абслугоўванне тых пазыкаў. Кожны жыхар краю, нават немаўля ў люльцы і дзед, што здзяцініўся, павінны па 2500 даляраў, а камандзіры хваляцца: еўрабонды прадалі.

А тое, што да 2015 года за гэтыя 600 мільёнаў даляраў давядзецца больш за мільярд аддаць, іх не хвалюе — відаць, маюць фантазію, багацейшую за нашу.

Адмоўнае сальда знешняга гандлю таварамі, млн дал. ЗША



О свинье в год кролика

Константин
СКУРАТОВИЧ

**Когда газеты, некогда травившие «попов и поповщину», публикуют рождественские послания духовных пастырей, удивляться ничему не приходится.
Трудно понять, где религия, где ересь, где милая, но чужая традиция, призванная укреплять пошатнувшуюся в заблудших душах веру в «доброго царя». Народу хочется чуда, и его обещает Белый Кролик, под патронажем которого пройдет наступивший год.**

Вообще, кролики, в отличие, скажем, от козлов, не являются традиционными для наших широт животными. Им требуется климат помягче, а хозяйского внимания побольше. Где-нибудь в Австралии демонстрирующие своей плодовитостью искреннее стремление уничтожить растительный покров континента кролики могут считаться сорными животными. В Европе таких предпосылок не имеется, поэтому бюргеры вполне с ними уживаются. Прыгают себе лопоухие по парковым лужайкам, глаз радуется.

В наших условиях кролик может существовать как животное исключительно домашнее. Во-первых, по причине переизбытка бесхозных собак в каждом населенном пункте, во-вторых, из-за преобладания в социуме всегда обеспокоенного пропитанием населения, в-третьих, ввиду регулярно наступающей зимы. Если от холодов кролика вполне мог бы спасти мех, то от голодной гибели — пуля охотника или клыки волка.

К слову, советский человек был не менее сентиментальным, чем нынешний. Бывало, украдет колхозного поросенка, сменяет на самогон, пьет и плачет, что продовольственная программа слабо исполняется. Вот если бы кроликов завести, то их резать не перерезать...

Отметим, что в продолжение всей советской истории партия учила работать на конечный результат. А тут случай такой: запустил кроля в клетку — жди приплода и точи нож. Чудо? Чудо, которым Отечество победившего пролетариата собиралось поразить весь мир. Даже коэффициенты придумали, в соответствии с которыми крольчатину собирались переводить в свинину, а шкурку кролика — приплюсовать ко всем остальным мехам. Получалось, народ ходит сплошь в меховых шапках, чиновники тоже. Равенство есть, нищеты — нет.

Как у Зощенко: «Кролики — это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма легкоусвояемого мяса». Но ведь завезли кроликов, разверстали по учреждениям, выделили кормов до 30-го, а с 1-го они уже должны питаться по учреждениям, но не берут, хоть на календаре 5-е. Чудо, что еще живут.

Бывало и хуже. Любопытные сведения на сей счет имеются у нашего земляка Ивана Солоневича в его книге «Россия в концлагере». Это первое и энергичное свидетельство сидельца ГУЛАГа, поражающее свежестью изображения и глубиной анализа нового социального материала. Сегодня читается как один большой и веселый анекдот о путях созидания нового при тотальном отрицании старого. К слову, анекдот злободневный, в котором начало имеет множество точек соприкосновения с фантасмагорическим завершением проекта. Подставляй только в отдельных местах слова типа «демократизация», «либерализация» — не всякий догадается, что написано восемь десятилетий тому назад. Например, сюжет, изображающий заседание гулаговского начальства по поводу оптимальной утилизации отработанного человеческого материала, трудно отличить от селекторного совещания с его необходимым уклоном в сторону кадрового вопроса.

Задачи, иронизирует Солоневич, решаются по мере их поступления, инициативы и почины непрерывным потоком поступают с мест. Ранний, сверхранний и зимний сев, устройство бытовых коммун (кондоминиумов), борьба с религией (с чуждой идеологией) и прочие штучки, включая полную знаковую и содержательную эквивалентность прежнего и нынешнего понятий «враг народа».

Вчера — уничтожим последнего попа, примемся за кулака, после за уклониста. Сегодня — последнего коррупционера, оппозиционера, отморозка. Вчера и сегодня — смертельный бой бюрократии.

Однако вряд ли у автора получится лучше, чем у Солоневича: «Когда в подмогу к остальным двуногим и четвероногим, впряженным в колесницу социализма, был запряжен этаким коренником еще и кролик, это было глупо. Так сказать, в принципе. Кролик — зверь в нашем климате капризный, кормить его все равно было нечем, проще было вернуться к знакомым населению и притерпевшимся

ко всем невзгодам русской жизни свинье и курице. Но все-таки кое-чего можно было добиться и от кролика, если бы не энтузиазм.

Десятки тысяч активистов уцепились в куцый кроличий хвост, надеясь, что этот хвост вытянет их куда-то повыше. За границей были куплены миллионы кроликов за деньги, полученные за счет вымирания от бескормицы свиней и кур. В Москве, где не то что кроликов, но и людей кормить было нечем, «кролиководство» навязывали больницам и машинисткам, трестам и домашним хозяйкам, бухгалтерам и даже — страшно сказать — церковным приходам! Отказываться, конечно, было нельзя — «неверие», «подрыв», «саботаж советских мероприятий». Кроликов порасписали по московским квартирным дырам, и кролики передохли все. То же было и в провинции».

В общем, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Причем с блеском, как теперь сказали бы, элегантно. В Подмосковье был создан кролиководческий колхоз, привилегированный по части кормов. Кролики толстели, но «пребывали в аскетизме» и размножаться не хотели. Как выяснилось, на семь тысяч импортных бельгийских кроликов самок было только около двадцати.

Как и теперь, в то время кадры решали все. Но имя того, кто согрешил против естества, устроив для кроликов мужской монастырь, осталось неизвестным.

Суда не было, значит, не было преступления и преступников. Кроликов же зарезали и съели, поскольку лимиты на год оказались исчерпанными. А без пищи кролик долго не живет.

Это был момент истины. Казалось бы, однажды потерпев жесткое фиаско, начальство впредь не будет вкладывать средства в обещающий чудеса энтузиазм трудящихся. Но кроликами только начиналось. Впереди были коллективизация, индустриализация, электрификация, химизация, борьба против травополья, мелиорация, кукуруза и безотвальная пахота.

Нынче вроде бы обратились к здравому смыслу и опыту предков. Решили возвратить свинье то место, которое она прежде занимала в обществе. Но после слов о том, что белорусские свинарники должны быть лучше европейских, свиньи перестали смотреть на людей как на существ себе равных. Современное жилище — это не только очаг и кров, но и свидетельство социального статуса. А у основной массы наших людей жилища куда хуже европейских.

Вознесли свинью на пьедестал, ходят вокруг, задрав голову. Кто виноват? Не кролики, понятно, не свиньи. Видимо, всему виной то самое нечто внутри, что заставляет нас выбирать такие вот маршруты.

Это абсолютно достоверный диагноз очень серьезной болезни. Но слабый шанс на выздоровление еще остается. До той поры, пока мы свинье не позавидуем.

Як Бог стварaў беларуса

Алесь АНЦІПЕНКА

Некалі Ўладзімер Караткевіч распавёў легенду пра тое, як Бог, стварыўшы сьвет, надзяліў розныя народы зямлёй, а на беларусаў забыўся.

Не хачу паставіць пад сумнеў праўдзівасьць той гісторыі. Але ж яна нічога ня кажа пра тое, як Бог стварaў саміх беларусаў. На шчасьце, пра гэта ёсьць другая легенда.

Напачатку ўсё было так, як кажа Біблія: «...стварыў Бог неба і зямлю... І ўбачыў Бог, што гэта добра». А далей вырашыў Гасподзь стварыць ня толькі чалавека, але і розныя народы. Першымі стварыў, натуральна, гэбраяў. Бо цікава было Яму паразмаўляць з разумнымі людзьмі. А самае галоўнае — разьлічваў Ён паслаць у гэты народ Сына свайго адзінароднага.

Другімі выштукаваў грэкаў. Бо ведаў, што тыя закладуць падмуркі эўрапейскай цывілізацыі, шмат чаго дзіўнага ды прыгожага зробяць ды на новыя шляхі ўсё чалавецтва выведуць. Потым былі італьянцы, французы, немцы... Карацей, сфастрыгаваў амаль усе народы.

Дайшла чарга й да беларусаў. Паглядзеў Бог у будучыню і ўбачыў, якая гаротная доля тых чакае. Будзе беларускі мужык «дурны, як варона», будзе «цёмны, сьляпы, быццам крот» (так напішуць іхныя паэты Францішак Багушэвіч і Максім Багдановіч), будзе жыць без сваіх элітаў (як пазьней сьцьвердзіць Валянцін Акудовіч), матчынай мовы адрачэцца, а на «Жигули» будзе казаць: «Автомобиль отечественного производства».

І моцна задумаўся Бог: а ці варта ствараць такі нягеглы народ? І вырашыў не ствараць.

Але, як толькі вырашыў так, сталася Яму неяк няўтульна: дужа ж супярэчлівая сытуацыя атрымоўваецца. Па-першае, ці будзе тое справядліва, калі пашкадаваць беларусаў болей за астатніх? А па-другое, як тое мажліва, каб дасканалы Творца ня мог выштукаваць адпаведны прадукт? Ці ж ня ўсёмагутны Ён?!

І тады заманіфэставаў Бог напоўніцу ўсе свае Веліч, Красу і Сілу. Дый стварыў беларуса!

Пяць навагодніх гісторый

Сямён ПЕЧАНКО

Прысвячаецца ўсім тым, хто з незалежных ад іх прычынаў адзначаў Новы 2011 год не ў коле сям'і.

Новы год для мяне — асаблівае свята. І асабістае — ёсць у ім адзін значны момант: у навагоднюю ноч я раблюся на цэлы год старэйшым, бо нарадзіўся акурат у апошнія хвіліны снежня. Пашпарт такую дробязь не ўлічыў, таму ў ім пазначана 1 студзеня. Я не крыўдую. Падвойнае свята мае свае перавагі: падарункі дорацца ў падвойным памеры (прынамсі ў дзяцінстве гэта спрацоўвала). Акрамя таго, я быў не адзіным навагоднім падарункам для маёй сям'і — у тую зімовую ноч нарадзіўся і мой брат-блізнюк Паўлюк. Вось так.

Новы год — яшчэ і нагода пакорпацца ў асабістым: што змянілася за год, што зроблена, а што адкладзена да лепшых часоў. А то і проста прыгадаць мінулае, у тым ліку і папярэднія святкаванні. Пастунова ў мяне выбудаваўся своеасаблівы рэйтынг, з першай пяцёркай якога я і наважыўся вас пазнаёміць, аформіўшы гэта ў навагоднія карацелькі.

I. Дзед Мароз і аўтамат Калашнікава

Гэта здарылася ў другой палове 80-х. Бацька пасадзіў мяне з братам побач ды сур'ёзна запытаўся, што замовіць для нас у Дзеда Мароза. Што маглі папрасіць у дзядулі выхаваныя на гісторыях пра добрага Уладзіміра Ільіча хлапчукі? Пра той час у мяне захавалася не так і шмат успамінаў. Памятаю, як старэйшы брат перамог у конкурсе навагодніх касцюмаў, апрануўшыся... праваслаўным бацюшкам. Цяпер гэта гучыць як блюзнерства, а тады такі ўбор быў нічым не горшы за апранахі пірата. Тады мы марылі пайсці ў школу, каб добра вучыцца, дапамагаць калгасу ўбіраць ураджай і ўзяць шэфства над суседам-ветэранам. Так, мы былі маленькімі савецкімі хлапчукамі, таму доўга не думалі: папрасілі ў Дзеда Мароза цацачныя аўтаматы. Ну, такія, падобныя да сапраўдных. І Стары не падмануў! На раніцу на нашых ложках, у нагах, нас чакалі пакункі з цацачнымі аўтаматамі Калашнікава. Яны стракацелі кароткімі чэргамі, міргаючы чырвонымі лямпачкамі на дзюбцы рулі. Тут жа разгарэлася невялікая «братазабойчая» вайна, якая невядома чым магла скончыцца, калі б старэйшыя браты не выступілі ў ролі міратворчых сілаў.

Дзякуючы такому падарунку мая вера ў Дзеда Мароза стала амаль абсалютнай. Ён і раней радаваў нас сюрпрызамі, але тая гісторыя ўзнесла маю веру ў навагодняга чараўніка на самы пік.

Пазней, калі мы пайшлі ў школу, а праз колькі год памерла бабуля, і я даведаўся, што такое рак, навагодні міф быў развянчаны. Але я захоўваю самыя цёплыя ўспаміны пра тыя часы. Многія з маіх родных былі жывыя і здаровыя, мы збіраліся вялікімі сем'ямі на шумныя і вясёлыя святкаванні. І, здаецца, ніякае ідэалагічнае шалупінне позняга саўка не магло сапсаваць нам свята.

II. Новы год у Ялце

Напрыканцы 1993-га ў нашу школу даслалі два дзясяткі пуцёвак у беларускі санаторый у Крыме. Сярод шчаслівчыкаў былі і мы з братам.

Тагачасная Ялта была для нас сапраўдным раем. І не толькі дзякуючы мору ды пальмам. У нашых крамах у той час было пуста, а тут ужо працавалі прыватнікі, якія гандлявалі «пластмасавымі» турэцкімі шакаладкамі ды заморскім шырспажывам.

Праўда, месцічы не маглі пахваліцца высокімі заробкамі. Тое, што нашы бацькі давалі нам на кішанёвыя выдаткі, тут было месячным заробкам кіроўцы тралейбуса. Каля курортных гатэляў мы сутыкнуліся з дзятвой, што зарабляла мыццём дарагіх аўто. Кожная спроба спыніцца каля якога «Поршэ», каб разгледзець яго лепей, расцэньвалася як пасягальніцтва на іх невялікі бізнес і сустракалася кулакамі. А ад ракавак рапанаў, выкінутых на бераг штормам, нас ганялі і дарослыя...

Новы год мы сустрэлі на курорце. Большасць дагэтуль не святкавала яго па-за сям'ёй і разгубілася. Найбольш ініцыятыўныя вырашылі адзначаць, нягледзячы ні на што. Так утварыўся аргкамітэт па падрыхтоўцы да навагодніх святкаванняў. Мы набылі колькі пляшак з ліманадам і нават нешта, аддалена падобнае да піцы. Печыва і яблыкі прыносілі з санаторскай сталоўкі.

Чаканне Новага года дало мне першы сур'ёзны ўрок патрыятызму. Калі да падзеі заставалася ўсяго адна гадзіна, у неба паляцелі феерверкі і ракеты. Пачуліся крыкі і свіст. Аднекуль данесліся гукі крамлёўскіх курантаў. І тады нехта з нас здагадаўся, што ў Маскве ўжо наступіў новы 1994 год. Мы раптам адчулі, якая далёкая ў той момант для нас была *нашая* Беларусь. А таксама тое, што праз гадзіну наступіць *наш* Новы год. І калі гэты момант прыйшоў, многія з нас ужо спалі, стол быў разрабаваны. У неба зноў узляцелі ракеты. А мяне не пакідала пачуццё важнасці адкрыцця, падмацаванага займеннікам «наш».

III. Праблема 2000 і байцоўскі клуб

Новы 2000-ы надыходзіў у атмасферы ўсеагульнай істэрыі з нагоды так званай «праблемы 2000». Калі хто не памятае, тады была папулярнай тэорыя магчымага сусветнага калапсу ў выніку абнулення даты ў камп'ютарных сістэмах. Меркавалася, што камп'ютары па ўсім свеце маглі паблытаць 2000-ы з 1900-м, з прычыны чаго на людзей непазбежна мусілі абрушыцца шматлікія катастрофы. Галівуд, натуральна, праэксплуатаваў папулярную тэму загадзя, скляпаўшы колькі блокбастэраў на тэму зусім не рамантычнай сустрэчы Зямлі з каметамі ды астэроідамі.

Як і перад любым канцом свету, гэты Новы год мы з братам вырашылі сустрэць як апошні. Накупілі спіртнога, прыцягнулі ад сябра стары савецкі прайгравальнік, які і ўключылі на ўвесь гук сярод ночы, вярнуўшыся з навагодняй вечарыны ў вясковым ДК.

Сышоўшыся ў п'яным пога-дэнсе, Паўлюк сутыкнуўся плячом з сябрам. Атрымаў кухталя. Адказаў сябру ўзаемнасцю — заляпіў таму кулаком у плячо. Тое, што пачыналася як сяброўскі жарт, хутка перарасло ў распрананне да пояса і абмен серыямі ўдараў у корпус і галаву.

З дынамікаў хрыпеў хтосьці з беларускіх рокераў. На падлозе, побач з паваленым на бок крэслам, паблісквалі аскепкі ёлачных цацак. Пад сталом з лужыны пралітага піва наталяў прагу Рыжык, наш кот. У той дзень сусед з нейкай прычыны тэрмінова закалоў свінню. Вантробы выкінуў проста за хлявом. За святочны стол Рыжык не прыйшоў, а прыкаціўся. Белая грудка і пакруглелы жывот былі барвовыя. Скажу шчыра: ён вельмі арганічна выглядаў, седзячы на падлозе паміж сябрамі новаадчыненага байцоўскага клуба, што зняможана саплі пабітымі насамі...

А на раніцу свет не скончыўся. Галава, канечне, балела. І не толькі ад начнога бою. Але неба не ўпала на зямлю, а толькі прасыпалася дробным і сухім сняжком. І гэта было галоўнае.

IV. 2002. Чароўнае імгненне

2002-гі, год-паліндром, я сустракаў у студэнцкім інтэрнаце ў Гродне. Святочнае меню складалася з пачка пельменяў, пляшкі цёмнага піва і кітайскай цыгарылы, набытай у бабуль на адным з гарадскіх рынкаў. Такі мінімалізм тлумачыўся адразу некалькімі прычынамі. У той час мой брат вучыўся на платным курсе, бацькі выплачвалі крэдыт, грошай не хапала. Іх заўсёды не хапала ў настаўніцкай сям'і, але той год быў асабліва цяжкі. Некалькі разоў я дасылаў бацькам са стыпендыі па колькі тысяч да зарплаты. Каб пазней яны дапамаглі мне да чарговай стыпендыі.

Другой прычынай была апатыя пасля чарговых выбараў. Мне наіўна здавалася, што змены вось-вось прыйдуць, але-але...

Мне невыносна было бачыць захопленых навагодняй падрыхтоўкай землякоў, у якіх, як мне здавалася тады, у галаве былі толькі чарка ды шкварка.

Кампанію за навагоднім сталом мне склаў мой сябар, сусед па пакоі. Пельмені мы згатавалі за колькі гадзін да

поўначы — баяліся, што потым ніхто не адчыніць нам кухню. Перажывалі дарэмна, бо нашы суседзі выкруцілі-такі рукі вахцёрцы. Яны гатавалі амаль да самай ночы, наганяючы слінкі пахамі з кухні. З крамы без канца падносіліся «боепрыпасы»: шампанскае, гарэлка, піва. На патэльнях і ў рондалях кіпела і шквірчэла. Суседзі нібы дэманстратыўна сведчылі якасна іншы падыход да сустрэчы новага 2002-га.

Каб не бачыць, не чуць, не нюхаць, мы пайшлі паблукаць па вуліцах. Але гэта толькі ўзмацніла адчуванне прысутнасці на чужым свяце: мы ўвесь час натыкаліся на запозненых пакупнікоў, якія не знайшлі іншага часу набыць пляшку ігрыстага віна, як за дзве гадзіны да Новага года.

Калі да святочнай змены стрэлак засталося хвілін пятнаццаць, мой сябар Віталь пайшоў разагрэць пельмені. У думках я пракручваў ідэю стрэліць піўным коркам, імітуючы адкаркоўванне шампанскага. З кухні данёсся выбух рогату, следам за ім у пакой уваліўся пачырванелы Віталь. Аказалася, што наша святочная вячэра ў чаканні застолля зляпілася ў адзін велізарны пельмень. Мы хуценька перайменавалі яго ў навагодні мясны пірог і падзялілі на дваіх. Віталь дачакаўся першай хвіліны 2002-га і зрабіў мне першы ў гэтым годзе падарунак, прэзентаваўшы сваё піва.

І ўсё ж нам не хапіла цвёрдасці, каб гнуць аскетычную лінію да пераможнага канца. Змучыўшы недагрэты «пірог», мы пайшлі глядзець на святочны салют. На цэнтральнай плошчы сабраўся ладны натоўп. Працяглае сіпенне, глухія выбухі, каляровыя ўспышкі, задаволеныя воклічы натоўпу. Я ўжо не мог супрацьстаяць усеагульнаму настрою, аддаўся ў яго рукі, галёкаў разам з усімі. Кітайская сігарыла ўвесь час тухла, нібы даказваючы, што сапраўды была з Кітая.

Дапальваў яе я на вуліцы Гараднічанскай, калі замусолены недапалак нечакана выпаў з пальцаў. Маю ўвагу прыцягнулі выцінанкі ў старых высокіх вокнах, падсвечаных з сярэдзіны: анёльчыкі, сняжынкі, званочкі. Сюды не даляталі гукі транспарту і крыкі людзей, хоць да плошчы ўсяго хвіліна хады. З пакоя даносілася ціхая музыка, на суседняй вуліцы брахаў сабака. Я ведаў, што ягоны брэх даносіцца з-за недалёкай турэмнай сцяны. Але гэтае веданне парадаксальным чынам не псавала чароўнасці моманту. Ён цягнуўся зусім нядоўга, але яго хапіла, каб я адчуў, што свята, сапраўднае Свята, адбылося. Такое, якое далёка не заўсёды спаткаеш, седзячы за багатым сталом у вялікай кампаніі.

V. З Новым годам, байцы!

Новы 2004-ы я сустракаў у войску, у навагрудскім радыётэхнічным палку. Ужо гэтым той Новы год быў незвычайны. Тут, у арміі, дзе кожны дзень жывеш клопатам, каб боты былі наваксаваныя, каўнерык адпрасаваны, а ложак акуратна засланы, усе святы ўспрымаюцца не так, як у цывільным жыцці. Справа ў тым, што жыццё салдата тэрміновай службы, як бы добра яму ні служылася, падпарадкаванае адзінаму надзвычай моцнаму жаданню — хутчэй звольніцца ў запас. У чаканні светлага дня салдат адмервае тэрмін, дзелячы яго на кавалкі: ад свята да свята, ад падзеі да падзеі. Таму Новаму году ці дню народзінаў тут найперш радуюцца як чарговаму этапу, які сімвалізуе скарачэнне службы на N-ю колькасць дзён, тыдняў, месяцаў.

Для мяне прыход 2004-га сімвалізаваў не толькі ўласнае 23-годдзе, але найперш тое, што да канца службы засталося 6,5 месяцаў. Да таго часу я ўжо навучыўся жыць адным днём, радавацца простым рэчам, на якія раней амаль не зважаў.

Як бы салдаты ні ставіліся да святаў, а Новы год і ў войску Новы год — за некалькі дзён да яго мы пачалі рыхтаваць святочны стол. Я быў ротным казначэем, таму ў апошні дзень года мяне накіравалі ў горад на закупы. У дапамогу далі двух саслужбоўцаў.

Быў шэры адліжны дзень. Раніцай за вароты выйшлі першыя шчаслівчыкі-дэмбелі. Іншагародніх пагрузілі ў «КАМАЗы», адвезлі на вакзал і рассадзілі на рэйсавыя аўтобусы. Але хлопцы ўсе як адзін павысаджваліся і вярнуліся ў горад адзначаць вяртанне на «гражданку». Іхнія шапкі ды рамяні мы знаходзілі то на гарадской елцы, то проста ў сметніцы. У часць мы вярталіся пад п’яныя спевы выпускнікоў «школы жыцця»...

Каго толькі ні сустрэнеш у войску. Сярод нас апынуўся прафесійны кухар. У той вечар ён атрымаў магчымасць бліснуць талентам, прыгатаваўшы колькі незвычайных салатаў ды сервіраваўшы стол так, каб мы на імгненне забыліся, што знаходзімся ў царстве кірзавых ботаў, квадратнага снегу і вечназялёнага лісця.

У гонар свята прамову галоўнакамандуючага па тэлевізары нам дазволілі глядзець спінай. Я ж апошнія хвіліны 2003-га правёў у сваім кубрыку. Узводны загадаў сяржантам не чапаць мяне («У яго дзень нараджэння, таму Лукашэнку яму глядзець неабавязкова»), а калі прыйшоў Новы год, ён першы павіншаваў мяне з Народзінамі. Наляцелі саслужбоўцы, падхапілі мяне на рукі і пачалі падкідваць пад столь, адлічваючы год за годам. У апошні момант хлопцы разбегліся, пакінуўшы лавіць мяне двух найбольш моцных салдатаў, — гэта такая традыцыя, закліканая завастрыць адчуванні «нованароджанага».

А потым прыйшлі Дзяды Маразы — камандаванне палка. «Ніякага “смірна”, сёння Новы год, хлопцы!» — спыніў днявальнага камандзір палка. «Як справы, байцы? Як настрой? Добра? Тады з Новым годам, байцы, няхай ён будзе добры!» Гэта быў яшчэ адзін невялікі цуд, бо, як расказалі пазней мае сябры, што служылі ў вялікіх часцях, іхнія камандзіры не абцяжарылі сябе віншаваннямі сваіх байцоў.

У тую ноч я задумаўся, ці не напісаць мне пра святкаванне Новага года ў войску ў «Нашу Ніву», якую працягваў чытаць і на службе. Падумаўшы, я зразумеў, што хачу напісаць не толькі пра гэта, а і пра іншыя свае ўражанні ад службы. Свой намер ажыццявіў значна пазней, за тыдзень да звальнення. Гэты ліст фактычна змяніў далейшае маё жыццё. Дзякуючы яму, апублікаванаму на наступны пасля майго звальнення дзень, я быў запрошаны ў «НН», дзе працую дагэтуль. Але гэта ўжо іншая гісторыя.

Украінскія журналісты звярнуліся з адкрытым лістом да Лукашэнкі

18 студзеня 2011 года

«Перашкаджаючы ўсебаковаму асвятленню падзей, якія з'яўляюцца прадметам грамадскай цікавасці, перашкаджаючы шырокай грамадскай дыскусіі па дадзеных пытаннях, улады рэспублікі дэманструюць адкрытую непавагу да ролі сродкаў масавай інфармацыі ў дэмакратычным грамадстве», — гаворыцца ў лісце.

Камітэт абароны журналістаў заклікаў агентаў КДБ спыніць пераслед незалежных СМІ

12 студзеня 2011 года

«Улады павінны неадкладна спыніць гэты працяглы ціск», — заявіла каардынатар еўрапейскай і цэнтральнаазіяцкай праграмы камітэта Ніна Агнянава. У прыватнасці, яна заклікала «агентаў КДБ у Гродне спыніць пераслед Андрэя Пачобута і дазволіць яму працаваць без страху помсты». Агнянава таксама запатрабавала, каб «мінскія ўлады неадкладна вярнулі ўсё абсталяванне, канфіскаванае ў рэдакцыі газеты “Борисовские новости” і ў кватэры яе рэдактара Анатоля Букаса».

Міжнародны інстытут прэсы заклікае неадкладна вызваліць усіх журналістаў, што былі затрыманыя 19 снежня

29 снежня 2010 года

Свабода друку — «гэта фундаментальнае права ва ўсім свеце, і журналісты павінны мець магчымасць выконваць сваю працу без страху арышту, нападу і турэмнага зняволення», — гаворыцца ў сумеснай заяве кіраўніка па пытаннях свабоды друку Міжнароднага інстытута прэсы Энтані Мілса і генеральнага сакратара SEEMO Алівера Вуёвіча.

Photo.bymedia.net